

25

:

3

8 9 2016 .

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ)

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 3

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Под общей редакцией А.В. Мальгина

Москва
Издательство «МГИМО–Университет»
2017

УДК 327
ББК 66.4
Д22

РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ

Со всеми материалами X Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru

Научный редактор *А.В. Ревякин*

«25 лет внешней политике России» : сб. материалов X Конвента
Д22 РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 3 : История международных
отношений: актуальные проблемы отечественной историографии / под
общ. ред. А.В. Мальгина ; [науч. ред. А.В. Ревякин] ; Моск. гос. ин-т между-
нар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциа-
ция междунар. исследований (РАМИ). — Москва : МГИМО–Университет,
2017. — 205, [5] с.

ISBN 978-5-9228-1738-7 (т. 3)

ISBN 978-5-9228-1743-1

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных по итогам засе-
дания секции «История международных отношений в современной отечествен-
ной литературе: историография и методология» (модератор — д-р ист. наук, проф.
А.В. Ревякин) X Конвента Российской ассоциации международных исследова-
ний (РАМИ). Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе
Конвента.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9228-1738-7 (т. 3)
ISBN 978-5-9228-1743-1

© МГИМО МИД России, 2017

Содержание

Предисловие научного редактора.....	5
Лига Наций в фокусе современной отечественной историографии <i>Н. Ю. Васильева</i>	7
Российские дипломатические деятели первой половины XIX века в работах современных российских исследователей <i>О. В. Жидкова</i>	29
Проблема стабильности Версальского порядка в Европе в оценках российской историографии <i>И. Э. Магадеев</i>	47
Советско-французские отношения в отечественной историографии с 1960-х по 1990-е годы: методологические подходы и проблематика <i>Е. О. Обичкина</i>	76
Международные отношения и дипломатия XVIII века в современной российской историографии <i>М. А. Петрова</i>	98
Отечественная историография о «веке Людовика XIV» в Европе <i>Е. А. Попова</i>	114
Вестфальская система международных отношений в новейшей отечественной литературе <i>А. В. Ревякин</i>	128
Международные системы середины XVII — первой половины XX века в современной российской историографии: проблема типологии <i>Е. В. Романова</i>	148
Современная методология изучения российско-французских отношений в XIX веке (от окончания Наполеоновских войн до начала XX века) <i>Н. П. Таньшина</i>	174
Проблема взаимовосприятия русского и западноевропейского обществ XV–XVII вв. в отечественной историографии <i>Т. В. Черникова</i>	187

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Четверть века тому назад изменилось не только наше государство — кардинально изменились общественные условия всей нашей жизни, включая и науку. Прошедший юбилей — 25 лет новой России — дает право оглянуться назад, чтобы оценить перемены в той отрасли отечественной науки, которая изучает историю международных отношений.

В основу настоящего сборника легли доклады, заслушанные 8 декабря 2016 г. на заседании секции 5.1. «История международных отношений в современной отечественной литературе: историография и методология», организованной в рамках X Конвента РАМИ. Результатами исследований, своими мыслями и наблюдениями с участниками секции поделились исследователи, работающие в таких крупных учреждениях высшего образования и науки Москвы, как МГИМО МИД России, МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт всеобщей истории РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, а также университетов Самары и Рязани.

Авторы публикуемых статей свою задачу видели прежде всего в том, чтобы уточнить масштаб и характер перемен, которые произошли в развитии отечественных историко-международных исследований по сравнению с советской историографией. Как представляется, с этой задачей они в целом справились: материалы сборника убеждают, что за последнюю четверть столетия в развитии этой отрасли науки произошли глубокие перемены. Предметом исследования историков-международников в настоящее время являются темы, которыми в силу разных причин, в том числе идеологических запретов, пренебрегала советская наука. Кроме того, ученые широко применяют новые, новаторские методы и подходы к изучению истории международных отношений. В частности, опыт использования современными исследователями т.н. системного метода анализируется в статьях Е. В. Романовой, А. В. Ревякина и И. Э. Магадеева. Вместе с тем материалы сборника свидетельствуют и о том, что полного разрыва с традициями советской историографии не произошло и что, несмотря на перемены последнего времени, современная российская наука частично их продолжает.

Полагаем, что настоящий сборник позволит даже неискушенному читателю составить представление о современном состоянии историко-международных исследований в нашей стране. Во-первых, публикуемые в нем статьи большей частью посвящены крупным историографическим проблемам и темам. Во-вторых, в них учтена современная отечественная литература по всем основным периодам истории международных отношений и дипломатии нового и новейшего времени. В статье, открывающей сборник, Е. В. Романова анализирует суждения современных авторов о международных системах в Европе XVII — первой половины XX в., их роли в истории международных отношений в целом. Т. В. Черникова выявляет подходы в отечественной литературе к изучению стереотипов взаимного восприятия русских людей и западноевропейцев в XV–XVII вв. Отечественной историографии «золотого века» европейской дипломатии конца XVII–XVIII в. посвящены статьи А. В. Ревякина, Е. А. Поповой и М. А. Петровой, авторы которых признают, в частности, важность изучения символических форм дипломатии, а также применения системного подхода к оценке роли и места отдельных государств на арене международной политики. О. В. Жидкова и Н. П. Таньшина отмечают такие новые явления в изучении отечественными исследователями истории международных отношений XIX в., как расцвет биографического жанра, широкое применение междисциплинарного подхода. Значительный пласт литературы по истории международных отношений XX в. поднят в статьях И. Э. Магадеева, Н. Ю. Васильевой и Е. О. Обичкиной, осветивших эволюцию, которую претерпели оценки отечественных историков межвоенного Версальского международного порядка, Лиги Наций, а также советско-французских отношений от эпохи разрядки международной напряженности до советской «перестройки». Все статьи публикуются в полной авторской версии.

Авторы и редактор выражают надежду, что к настоящему сборнику проявят интерес не только ученые-исследователи, преподаватели высших учебных заведений, аспиранты и студенты, кому он в первую очередь и предназначен, но также просто любители и знатоки истории международных отношений.

*Доктор исторических наук, профессор
А. В. Ревякин*

ЛИГА НАЦИЙ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. Ю. ВАСИЛЬЕВА

Аннотация. В статье рассматривается современная российская историография Лиги Наций. Несмотря на то, что первая в истории человечества международная организация по поддержанию мира и безопасности официально прекратила свое существование более 70 лет назад, интерес к ее деятельности со стороны отечественных и зарубежных авторов все равно не ослабевает. Современная российская историография Лиги Наций во многом является продолжательницей тех традиций, которые были заложены еще советскими исследователями Лиги. Вслед за историками Страны Советов ее представители уделяют особое внимание освещению четырех основных тематических направлений, связанных как с созданием, так и с непосредственным функционированием Лиги. К числу последних относятся: 1. разработка идейно-политической концепции этой организации в ходе Первой мировой войны и последовавшей за ней Парижской мирной конференции; 2. различные направления ее политической деятельности; 3. генезис ее отношений с советским государством и, наконец, 4. ее влияние на формирование концептуальных основ Организации Объединенных Наций. При этом российские авторы фактически унаследовали некоторые из тех идей и выводов в отношении Лиги Наций, которые были характерны для их предшественников. В то же время за последние 25 лет в отечественной историографии вышеназванной организации появилось и несколько принципиально новых элементов, отсутствовавших в исследованиях советского периода. Так, только в современную эпоху российские ученые приступили к детальному изучению деятельности Лиги Наций в неполитических областях, особенно в социальной и гуманитарной сфере, результаты которой многие современные историки считают «самыми крупными достижениями первой международной организации».

Ключевые слова: историография, Лига Наций, СССР, Версальская система

Введение. В 2018 г. международное сообщество готовится отметить столетие окончания Великой войны (Первой мировой войны) — одного из двух наиболее разрушительных и кровопролитных конфликтов в истории человечества. Важным итогом трагических событий 1914–1918 гг., участниками которых стали почти 40 государств земного шара, явилось рождение на свет Лиги Наций¹ — самой ранней по времени существования универсальной организации безопасности, чьи уроки и неоднозначный опыт в области поддержания мира, а также развития межгосударственных отношений в дальнейшем оказали существенное влияние на формирование концепции ООН. И хотя последней во второй половине XX — начале XXI столетий пришлось столкнуться с целым рядом принципиально новых глобальных угроз и вызовов, связанных, в частности, с возникновением феномена международного терроризма и распространением оружия массового поражения, современные исследователи как в России, так и за рубежом тем не менее продолжают интересоваться и судьбой ее предшественницы. Так, видный отечественный историк И. А. Хормач в своей монографии «Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг.» пишет по этому поводу следующее: «Влияние международных организаций на формирование межгосударственных отношений за прошедшие десятилетия значительно выросло, усложнились и проблемы, стоящие перед организацией, пришедшей на смену Лиге Наций — ООН, но политическая и практическая значимость как положительного, так и отрицательного опыта этого «детища Версальской системы» сохранились. Наличие таких международных организаций, как показал опыт истории, является жизненной необходимостью и ныне, так как растет процесс интеграции политической, экономической и культурной жизни стран и требуется посредничество авторитетных международных организаций для поиска разумного ком-

¹ В отечественной историографии как советского, так и постсоветского периода никогда не существовало единого подхода в вопросе о написании русского названия Лиги Наций. Некоторые историки, публицисты и правоведы в СССР и современной России изначально писали оба слова в этом словосочетании с большой буквы (Лига Наций). В то время как другие их коллеги предпочитали обозначать заглавной буквой только первое слово в названии Женевской организации (Лига наций). Эти разночтения в написании названия предшественницы ООН всегда отчетливо прослеживались как в заголовках отечественных публикаций о Лиге Наций, так и непосредственно в текстах последних. В настоящей статье оба слова в названии первой всемирной организации безопасности будут обозначаться заглавными буквами (Лига Наций).

промисса, а в случае невозможности его достичь или нарушения международной безопасности — коллективных мер воздействия» [Хормач, 2011, с. 6].

Теоретические основания исследования. В советской исторической науке пик исследовательского интереса к деятельности Лиги Наций пришелся на 20-е — 30-е годы прошлого века и совпал по времени с существованием самой женевской организации, в которую незадолго до ее полного политического краха вступил и СССР. После Второй мировой войны отечественные авторы обращались к рассмотрению этой проблематики в основном в контексте изучения ООН, полагая, что трагическая судьба ее предшественницы «имеет актуальное и поучительное значение» и что новому международному органу безопасности «еще много предстоит сделать, чтобы не повторить ошибок и не разделить участи Лиги Наций» [Протопопов, 1968, с. 68]. Причем, подобно изучению всех остальных сюжетов, связанных с историей внешней политики Страны Советов, советская историография Лиги с самого начала испытывала на себе огромное влияние официальной идеологии, не предполагавшей никакого отхода от существовавших в ее рамках оценок и штампов. По меткому выражению одного из современных российских историков, Лиге Наций в эпоху СССР «особенно «не повезло» поскольку на протяжении многих десятилетий она являлась одним из излюбленных объектов критики со стороны отечественных специалистов в области международных отношений. В разные годы в советских публикациях эта глобальная организация называлась и «инструментом войны», и «женевским балаганом», и «пацифистской» ширмой, под прикрытием которой империалистические державы проводят свои захватнические планы», и «центром, где годами велась борьба по сколачиванию антисоветского блока» и «своего рода неудачным политическим экспериментом».

Правда, в период непродолжительного участия СССР в работе Лиги Наций, пришедшегося на середину — вторую половину 1930-х гг., в отечественной историографии наблюдалось некоторое смягчение традиционной для нее негативной позиции в отношении предшественницы ООН. Более того, в отдельных публикациях того времени даже выражалась уверенность в том, что с интеграцией советского государства в структуры тогдашней всемирной организации безопасности, последняя, «в данном ее составе и на данном историческом этапе, может до известной степени стать помехой для развязывания военных тенденций» [Каннер, 1934, с. 14]. Однако трагические события кануна Второй мировой войны и последовавшее в декабре 1939 г. исключение СССР из

Лиги Наций, вернули отечественную историографию в русло привычного для нее критического подхода к деятельности Лиги.

Исследование: основная часть. *Методология.* Важно отметить, что изучение в СССР истории этой международной организации с самого начала осуществлялось в рамках четырех основных тематических направлений. К первому из них относились сюжеты, связанные с разработкой идейно-политической концепции Лиги в период «империалистической войны» и последовавшей за ней Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В частности, многие советские авторы полагали важным осветить в своих работах ту роль, которую сыграли в создании первой всемирной организации безопасности государственные деятели США во главе с президентом В. Вильсоном и их коллеги из Великобритании и Франции. При этом основной акцент делался ими на анализе противоречий, существовавших тогда между интересами ведущих капиталистических держав, и представлении самого процесса формирования Лиги Наций в качестве мучительного поиска компромисса между американским, британским и французским подходами к решению проблем послевоенного урегулирования в Европе².

К приоритетным темам в советской историографии Лиги Наций с самого начала относилось и изучение различных направлений политической деятельности женевской организации. Отечественные исследователи стремились всегда к детальному рассмотрению ее усилий в области решения важнейших проблем войны и мира, безопасности и разоружения, а также в колониальной сфере³. В то же время анализ итогов политической работы Лиги, как правило, сопровождался в их публикациях весьма резкими критическими замечаниями и выпадами в адрес этой международной организации. «История пятнадцати лет существования и деятельности Лиги Наций не может быть отмечена ни одним сколько-нибудь значительным положительным моментом, — писал, например, в 1934 г. один из советских авторов, — С той задачей, которая по уставу Лиги является основной ее целью, а именно с задачей мирного урегулирования международных конфликтов, она не справилась совершенно. Всякий раз, когда на протяжении истекших полутора десятков лет возникал какой-либо конфликт, приводивший к военным действиям, Лига Наций обнаруживала полное бессилие»

² См., например, работу О. В. Афанасьевой Краткий очерк истории Лиги наций. М.: ОГИЗ, 1945 или уже упомянутую выше монографию Р. М. Илюхиной Лига наций. 1919–1934.

³ См., например, работу С. Ф. Кечежяна Мандаты Лиги Наций в странах арабского Востока. Баку, 1930.

[Кольский, 1934, с. 8]. А почти полвека спустя другой отечественный исследователь — Р.М. Илюхина, подводя общий итог деятельности первой в истории человечества глобальной организации безопасности, как «нового инструмента внешней политики», заключала, что она «явилась негативным историческим опытом, подтвердившим нереальность существования системы международных отношений, основанных на принципе с позиции силы, господства и подчинения» [Илюхина, 1978, с. 218].

Другой важной темой, всегда интересовавшей советских историков, правоведов и публицистов в связи с изучением Лиги Наций, можно, без сомнения, считать генезис отношений Страны Советов с этой организацией. Исследование вышеназванной проблематики началось в отечественной историографии практически одновременно с созданием Лиги и продолжалось до конца существования самого СССР. Так, в 1920-е гг., в условиях неучастия большевистской России в Версальском международном порядке и осуществления «действиями Женевы» в целом недружественной и провокационной по отношению к ней политики, советские авторы активно культивировали негативный образ действовавшей тогда универсальной организации безопасности, призванный убедить собственное общество в невозможности присоединения первого в мире социалистического государства к «капиталистической Лиге Наций». «Если... мы войдем в Лигу Наций, то будем иметь дело не с отдельными государствами, а с блоками государств, воззрения которых по всем существенным вопросам: о собственности, о государстве, о рабочем классе, об экономическом строительстве, не только расходятся с нашими, но являются прямо противоположными им. И вполне естественно, что все эти государства будут автоматически объединяться против нас...», — писал в 1926 г. видный отечественный дипломат и государственный деятель Х.Г. Раковский, — С другой стороны, при той политике провокации, которая проводится по отношению к нам некоторыми государствами, Лига Наций может превратиться для нас в настоящую ловушку. По всем вопросам, которые будут там обсуждаться, мы обязаны принять определенное решение. Если мы будем занимать позиции, соответствующие нашим взглядам, неминуемы частые конфликты. Если во избежание конфликтов для того, чтобы какое-либо правительство или государство нас не обвиняло, что мы работаем против его интересов, мы будем молчать, это будет уроном нашего авторитета» [Раковский, 1926, с. 22–23].

Вместе с тем советские исследователи, не исключали возможности участия их страны в отдельных международных конференциях

и встречах экспертов, проходивших в тот период под эгидой Лиги Наций и касавшихся решения различного рода хозяйственных и общественных вопросов⁴. Ибо подобные мероприятия могли «принести некоторую пользу в деле установления деловых и технических связей между СССР и остальным миром» [Борецкий, 1927, с. 46].

Постепенное изменение официальной позиции Москвы по вопросу о возможном членстве Страны Советов в Лиге Наций, пришедшее на середину 1930-х гг., привело к значительным переменам и во всей риторике отечественной историографии в отношении ранее отвергаемой ею идеи о присоединении советского государства к этой организации. В указанный период специалисты в области международных отношений из СССР, продолжая писать о «колоссальных недостатках» Лиги, тем не менее стали выражать уверенность в том, что благодаря участию их страны в деятельности первого глобального органа безопасности последний в обозримом будущем мог превратиться в действенный инструмент по защите мира. «В наших глазах Лига Наций по-прежнему остается организацией, неспособной в корне разрешить международные противоречия, неспособной устранить существующие источники международных конфликтов, — говорилось, например, в одной из отечественных публикаций середины 1930-х гг. — Вступление в Лигу Наций Советского Союза преследует цель максимального использования всех, хотя и ограниченных, возможностей Лиги для уменьшения шансов войны путем проведения более существенных гарантий безопасности, чем те, какие имелись в распоряжении Лиги Наций до сих пор» [Кольский, 1934, с. 29]. В связи с этим неудивительно, что в работах советских авторов того времени нередко содержались призывы «всемерно укреплять» женеvскую организацию.

Впрочем, подобная тенденция в отечественной историографии наблюдалась крайне недолго. Фактический крах Лиги Наций как глобальной организации по поддержанию мира в конце 1930-х гг. и исключение из ее рядов самого СССР, осуществленное под предлогом начала советско-финского вооруженного конфликта в декабре 1939 г., заставили советских исследователей вновь заговорить об этой организации как об абсолютно неэффективном и полностью дискредитовавшем себя в глазах международного сообщества институте. Ключ-

⁴ Так, в частности, в 1922 г. делегаты РСФСР участвовали в работе Международной санитарной конференции по борьбе с эпидемиями, созданной в Варшаве по инициативе Организации здравоохранения Лиги Наций. А три года спустя, в феврале и мае 1925 г. советские представители приняли участие в двух аналогичных форумах по транспорту, организованных транспортной секцией Лиги.

чевой идеей в большинстве послевоенных отечественных публикаций, посвященных предшественнице ООН, стал тезис о том, что важнейшим событием в истории Лиги являлось вступление в нее первого на планете социалистического государства — единственной великой державы, которая в середине — второй половине 1930-х гг. последовательно защищала дело мира. Так, в частности, уже упоминавшийся выше историк Р. М. Илюхина на закате советской эпохи писала в этой связи: «Значение борьбы СССР в Лиге Наций за коллективную безопасность трудно переоценить. В то время когда империализм готовился к развязыванию новой мировой войны, Советский Союз противопоставил этой преступной политике план укрепления мира. Несмотря на то, что этот курс не удалось осуществить, советская идея создания системы коллективной безопасности через международную организацию имела огромное историческое значение. С трибуны Лиги Наций постоянно звучал голос Страны Советов, предупреждавший об угрозе войны» [Илюхина, Крах Лиги наций, 1982, с. 83].

Наконец, еще одно крупное тематическое направление в советской историографии Лиги Наций было связано с осмыслением того влияния, которое последняя оказала на формирование концептуальных основ ООН. После 1945 г. большинство отечественных исследователей ныне действующей универсальной организации безопасности в своих трудах, так или иначе, обращались к анализу политического опыта ее исторической предшественницы. Однако они никогда не рассматривали ООН в качестве прямой наследницы Лиги Наций, хотя между этими двумя глобальными структурами и существовала определенная преемственность. В советской научной литературе прочно утвердилась точка зрения, согласно которой ООН, по сравнению с Лигой, изначально обладала в рамках международного сообщества гораздо большим влиянием и авторитетом, поскольку заложенные в ее Уставе принципы отвечали чаяниям всех государств и народов земного шара, а не узкого круга избранных держав. В первую очередь, это касалось самого СССР. Ибо благодаря активному участию его представителей в процессе разработки правовых основ и формирования ключевых структур новой всеобщей организации безопасности, советской стороне удалось значительно укрепить собственные позиции в мировой политике. «Создание ООН и выработка Устава проходили в международной обстановке, коренным образом отличной от той, в которой рождалась Лига Наций, — отмечал в одной из своих работ видный отечественный историк А. С. Протопопов. — Молодое Советское государство, вынужденное вести борьбу с белогвардейскими бандами и с интервенцией,

было отстранено от практического участия в создании Лиги Наций. Более того, одну из главных целей Лиги ее создатели видели в борьбе против Советской России. В годы Второй мировой войны Советский Союз, роль и значение которого на мировой арене неизмеримо выросли, оказал самое непосредственное влияние как на ход переговоров, так и на характер ООН. Советская дипломатия предприняла большие усилия, для того чтобы зарождающаяся международная организация была построена на демократической основе, равенстве всех ее членов, а ее структура и организация отвечали стоящим перед ней задачам» [Протопопов, 1968, с. 69].

Процедура исследования. В современной отечественной историографии Лиги Наций все вышеперечисленные сюжетные линии также получили широкое освещение. Более того, многие из тех оценочных суждений и выводов, которые в разное время сделали в отношении этой международной организации советские исследователи, в дальнейшем были фактически унаследованы их российскими коллегами. Преемственность между представлениями «старого» и «нового» поколений отечественных авторов об истории Лиги Наций наблюдается, в частности, при рассмотрении ее миротворческого опыта. Российские авторы в этом вопросе являются не менее суровыми критиками первого универсального органа безопасности, чем их советские предшественники, называя вслед за последними его политическую деятельность «бесспорно неудачной» [Морозов, 1992, с. 163].

Кроме того, они разделяют и прочно утвердившееся в научной среде еще в эпоху СССР мнение об антисоветской направленности Лиги Наций, особенно на начальном этапе ее существования. В российской историографии этот факт также «представляется бесспорным» [Морозов, 1992, с. 163]. Хотя рассмотрение враждебного курса Лиги Наций по отношению к молодому советскому государству в ней неизменно сочетается с анализом собственного конфронтационного подхода лидеров большевиков к деятельности вышеназванной организации, характерного для них до начала 1930-х гг. Известный современный историк А. С. Ходнев даже называет такой подход «холодной войной» против Лиги, «которую СССР вел до 1933 года» [Ходнев, 1995, с. 167]. При этом и он сам, и многие другие российские исследователи склонны рассматривать антисоветизм тогдашнего глобального органа безопасности в качестве ответной реакции на собственную политику Страны Советов, чье руководство относилось к нему как к очень опасному идеологическому противнику. В частности, по словам видного отечественного юриста-международника второй половины XX века Г. И. Морозова, не-

примиримое отношение большевиков к Лиге Наций, объединявшей до 1934 г. исключительно капиталистические страны, «придавало определенную логику» ее позиции и «было определенным консолидирующим моментом, хотя оно не сняло, да и не могло снять довольно острых противоречий, существовавших между членами этой организации» [Морозов, 1992, с. 163].

Другой точкой соприкосновения во взглядах советских и российских авторов, занимавшихся изучением Лиги Наций, можно считать часто встречающийся в их работах тезис о том, что жирной точкой в политическом кризисе, в котором первая глобальная организация по поддержанию мира фактически пребывала еще с начала 1930-х гг., явился т.н. мюнхенский сговор главы третьего рейха А. Гитлера с тогдашними лидерами Великобритании и Франции по поводу отторжения территории Судетской области от Чехословакии и присоединения ее к Германии. Ибо Лига, испытывавшая тогда на себе сильное влияние со стороны Лондона и Парижа, не только не смогла помешать реализации столь циничной сделки в отношении одного из своих государств-членов, но и фактически никак не отреагировала на этот вопиющий акт агрессии. Резолюция «Положение в Европе», которую приняли на ее очередной Ассамблее в день мюнхенского сговора (29 сентября 1938 г.), носила половинчатый характер и не упоминала о каких бы то ни было санкциях в отношении нарушителей существующего международного порядка. О трагедии Чехословакии как страны-участницы Лиги Наций в этом документе вообще не упоминалось, что, по выражению Р.М. Илюхиной, фактически поставило «на одну доску» агрессора и его жертву [Илюхина, 1982, Крах Лиги наций, с. 82]. Иначе говоря, отстраненность Лиги от участия в решении чехословацкого вопроса явилась наглядным свидетельством того, что она как международная организация по поддержанию мира к концу 1938 г. оказалась полностью парализованной из-за действий западных держав, взявших курс на ее ликвидацию. Трагические же события 1939 г. лишь довершили фактическую гибель первого глобального органа безопасности, ставшую для всех реальностью еще во времена мюнхенского сговора. «Мюнхен коренным образом изменил расстановку сил и политический климат в Европе, — замечает в одной из своих публикаций российский историк А.О. Наумов. — Теперь государства склонялись к идее защищать суверенитет и безопасность, исходя исключительно из собственных сил и возможностей, более не рассчитывая на поддержку других стран и существование каких-либо договоров. К концу 1938 года произошел полный крах провозглашенных в Уставе Лиги принципов «новой дипломатии»,

основанной на коллективной безопасности. Формально Лига Наций прекратила свое существование в 1946 году, однако уже в конце 1938-го роль этой международной организации была сведена к нулю. И едва ли не главная «заслуга» в гибели Лиги Наций, как это ни парадоксально, принадлежит основателям и вдохновителям женевской организации — Великобритании и Франции» [Наумов, 2011, с. 120].

Наряду с этим за последнюю четверть века в отечественной историографии Лиги Наций появился и целый ряд принципиально новых моментов. В частности, только на рубеже XX и XXI столетий в российской исторической науке началось изучение советских проектов создания собственного универсального международного органа в противовес Лиге Наций, которые разрабатывались в правящих кругах Страны Советов в начальный период существования самой Лиги. Безусловное лидерство в исследовании указанной темы в России принадлежит видному отечественному специалисту по истории отношений советского государства с первой всеобщей организацией безопасности И. А. Хормач, опубликовавшей на заре нового века несколько интересных работ по этому вопросу. Так, она отмечает, что подобные проекты, наиболее ранний из которых появился на свет в процессе подготовки большевиков к участию в Генуэзской конференции, возникли на пике политического противостояния между Москвой и женевскими структурами. Однако в глазах кремлевского руководства они всегда являлись «лишь частью пропагандистской программы» и потому не воспринимались большевиками в качестве реального руководства к действию. «В этот период, — пишет И. А. Хормач, — на основе ленинских планов преобразования мира создавались теории идеальной организации, когда во главу угла ставились «интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей современной международной политики вообще» и признания за социализмом равных прав с другими формами собственности. Эти инициативы были нежизнеспособны, и их нельзя назвать продвижением в сторону сотрудничества с другими государствами в рамках международной организации. Это была просто корректировка внешнеполитических лозунгов. СССР в тот момент не согласился бы войти в существующую международную организацию, а организовать новую в противовес или вместо Лиги ему было не по силам. Но идея не умирала, и время от времени вопрос о подготовке проекта альтернативной Лиге организации поднимался» [Хормач, 2008, с. 58].

Одновременно И. А. Хормач обращает внимание на то, что с переходом СССР во второй половине 1920-х гг. от позиции жесткой конфрон-

тации к реальному сотрудничеству с западными державами, хотя бы по частным вопросам международной политики, позволившему вскоре начать сближение первого в мире социалистического государства с Лигой Наций, в правящих кругах Страны Советов изменилось отношение и к собственным проектам создания нового глобального органа⁵. По словам этого историка, идея создания альтернативной организации «была забыта» в Москве. Ибо отныне «стала очевидной» «неизбежность» вступления СССР в существующую Лигу Наций [Хормач, 2008, с. 62].

Другой важной новацией в современном российском освещении деятельности Лиги Наций является также присутствие в нем довольно подробного анализа достижений этой универсальной организации в социальной и гуманитарной области. Подавляющее большинство советских авторов, писавших в разные годы о предшественнице ООН, как правило, в своих исследованиях либо вовсе обходили молчанием ее участие в урегулировании возникших после Первой мировой войны в международной сфере неполитических проблем, либо ограничивались крайне поверхностным рассмотрением этой темы. Отсутствие интереса с их стороны к изучению социальной и гуманитарной деятельности Лиги Наций объяснялось прежде всего тем, что в СССР это «детище Версальской системы» с самого начала воспринималось лишь в качестве инструмента предотвращения новых вооруженных конфликтов. Остальные же направления работы этой организации, формально не связанные с делом борьбы за мир, представлялись советским ученым чем-то мало значительным и потому не заслуживавшим серьезного исследования. Более того, до начала 1990-х годов в отечественной историографии Лиги Наций господствовала точка зрения, согласно которой существование в ее системе многочисленных технических и вспомогательных органов, занимавшихся например, вопросами усовершенствования международного рабочего законодательства (Международное Бюро труда), борьбы с эпидемиями (Международная организация здравоохранения), распространения наркотиков (Комитет по контролю за торговлей опиумом и опасными лекарствами), противодействия торговле женщинами (Комитет борьбы против торговли женщинами) и т. п., способствовало еще большому разбуханию и без того не маленького бюрократического аппарата Лиги Наций и, как следствие, снижало эффективность ее усилий в сфере поддержания мира и безопасности.

⁵ Кроме того, о советских проектах создания альтернативной Лиге новой международной организации рассказывается также в упомянутой выше монографии И. А. Хормач «Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг.».

Хотя, как уже отмечалось выше, с некоторыми из этих учреждений Страна Советов и осуществляла временное сотрудничество еще в 1920-е гг.

В советской историографии неизменно отмечалось, что реальные результаты «кипучей деятельности» подобных организаций и комитетов в большинстве случаев были ничтожны и сводились только к «огромному количеству бумажного материала». Поэтому не удивительно, что в эпоху СССР редкие упоминания о них в отечественных публикациях чаще всего сопровождались саркастическими комментариями. Так, в одной из работ, изданных в 1934 г. по случаю вступления советского государства в Лигу Наций, говорилось следующее: «Вся эта деятельность [технических организаций Лиги Наций] проводится в форме заседаний комиссий, комитетов и т.д., со строгим соблюдением всех правил международного этикета, за неприкосновенностью которого секретариат Лиги Наций одинаково ревностно следит, будь то заседание ассамблеи по крупному политическому вопросу, привлекающему внимание к себе всего мира, или же собрание одной из подкомиссий комитета по вопросам двойного обложения, или иному подобному предмету» [Кольский, 1934, с. 28].

Следует также отметить, что в советский период исследование социальной и гуманитарной деятельности Лиги Наций присутствовало только в известной монографии Р.М. Илюхиной «Лига наций. 1919–1934» и ограничивалось освещением одного из ее аспектов, связанного с деятельностью в 1920-е — 1930-е гг. Комитета интеллектуального сотрудничества или т.н. «Лиги умов»⁶. По мнению этого автора, упомянутый выше орган был призван «формировать идеологические концепции (философского, этического, юридического порядка), обосновывавшие и санкционировавшие деятельность Лиги Наций» [Илюхина, Лига наций, 1982, с. 79]. Однако, как замечала далее сама Р.М. Илюхина, его реальное влияние на политику руководства Лиги с самого начала было невелико. А на исходе первого десятилетия своей жизни он, подобно большинству других специализированных учреждений Женевской организации, и вовсе превратился в обычный винтик в ее огромном бюрократическом механизме. «В 1920-е годы эффективность деятельности „Лиги умов“ в значительной мере определялась личным авторитетом и энергией входивших в нее лиц... — писала по этому поводу Р.М. Илюхина. — Однако уже в начале 30-х годов многих энтузиастов,

⁶ Это исследование было осуществлено Р.М. Илюхиной в контексте изучения ею различных пацифистских концепций, формировавшихся в межвоенный период в стенах Лиги Наций.

всемирно известных деятелей науки и культуры в „Лиге умов“ стали замещать чиновниками соответствующих ведомств. Основной стала опора на чиновника, пусть менее одаренного, чем величайшие ученые, но зато с меньшими претензиями на самостоятельность принимаемых решений. Стадия бюрократизации „Лиги умов“ завершилась закреплением за этим органом тех же задач, которые стояли перед другими сотрудниками Международной гражданской службы, с учетом специфики идеологической работы» [Илюхина, Лига наций, 1982, с. 242–243].

С завершением советской эпохи отечественные исследователи стали проявлять гораздо больший интерес к деятельности Лиги Наций в социальной и гуманитарной области, рассматривая ее результаты в качестве основного позитивного момента в историческом наследии предшественницы ООН. Первым, кто попытался по-новому взглянуть на роль этой организации в решении различных неополитических проблем, стал упомянутый выше юрист-международник Г. И. Морозов. В 1992 г. в журнале «Вопросы истории» появилась его статья «Лига Наций: взгляд через полвека», в которой наряду с традиционной для отечественной историографии критикой миротворческих усилий Лиги содержалась довольно высокая оценка ее достижений на экономическом и социальном направлениях. В частности, по словам Г. И. Морозова, «потерпев неудачу в политической сфере, Лига тем не менее заняла свое место в истории международных организаций, проявив инициативу в неополитических областях международного сотрудничества и достигнув здесь некоторых, хотя и ограниченных результатов, но открывших пути дальнейшего позитивного развития международного сотрудничества» [Морозов, 1992, с. 167].

В середине 1990-х годов схожую точку зрения в этом вопросе высказал также уже упоминавшийся ранее российский историк А. С. Ходнев. В своей монографии «Международная организация в ожидании приговора? Лига Наций в мировой политике, 1919–1946: Очерки истории» он посвятил рассмотрению деятельности Лиги в социальной и гуманитарной области целый раздел, назвав результаты этой деятельности «самыми крупными достижениями первой международной организации» [Ходнев, 1995, с. 121]. «Лига впервые обратила внимание на те вопросы, которые относились к повседневной жизни людей, — отмечается в исследовании А. С. Ходнева, — Условия работы, стандарты в области медицинского обслуживания и образования — эти и другие вопросы находились в поле внимания органов первой международной организации. Не случайно все организации, имевшие своей целью развитие международного сотрудничества в гуманитарной и социальной обла-

сти, пережили свою прародительницу — Лигу и вошли в состав ООН после Второй мировой войны» [Ходнев, 1995, с. 121].

Кроме того, А.С. Ходнев первым из российских исследователей обратил внимание и на то важное обстоятельство, что активность Лиги Наций в решении неполитических вопросов напрямую зависела от результатов ее деятельности в сфере борьбы за мир. Причем, особенно заметной эта закономерность стала во второй половине 1930-х гг., когда первая глобальная организация безопасности окончательно утратила возможность влиять на развитие международной политики, но в то же время ее деятельность в социальной и гуманитарной области испытывала настоящий ренессанс. «Лига, — пишет он, — как бы сознательно обратила свое внимание на человека, его фундаментальные права и уходила от проблем правительств, которые к тому же не очень внимательно прислушивались к ее советам и не обращались к ее посредничеству в решении политических конфликтов. Новой тенденцией в деятельности комитетов и комиссий Лиги было в предвоенные годы стремление к их относительной самостоятельности от главных органов — Совета и Ассамблеи. Возможно, благодаря этому последнему периоду активности Лиги в гуманитарной сфере, после второй мировой войны ООН быстро создала новую организацию по координации экономической и социальной деятельности государств и разработала ряд документов, в том числе Декларацию прав человека» [Ходнев, 1995, с. 133–134].

К сожалению, за рамками вышеназванного исследования А.С. Ходнева осталось рассмотрение такой важной составляющей всей гуманитарной деятельности Лиги Наций, как ее участие в решении беженской проблемы, приобретшей после Первой мировой войны невиданные доселе масштабы. Однако в последние годы этот пробел был частично восполнен другими отечественными авторами.

Как известно, в начальный период существования Лиги Наций главным объектом помощи, которая оказывалась различным беженским диаспорам при содействии ее специализированных органов, являлись армянские беженцы из Турции и представители первой волны российской постреволюционной эмиграции. Участие женевской организации в судьбе т.н. белоэмигрантов и их «попутчиков» с самого начала вызывало неприкрытое раздражение со стороны советского правительства и стало одной из причин общего враждебного отношения большевиков к ее деятельности. В связи с этим не удивительно, что участие Лиги Наций в решении проблемы российских беженцев осталась фактически за бортом советских исследований. Кроме опубликованной в 1924 г.

заведующим Экономико-правовым отделом НКВД А. В. Сабаниным работы «Россия и Лига Наций 1920–21–22 гг.», в которой наряду с прочими сюжетами присутствовал краткий анализ наиболее ранних достижений Лиги в сфере решения беженской проблемы, никаких других попыток осветить этот вопрос в СССР не предпринималось. Причем, само упоминание о Лиге Наций в контексте ее взаимодействия с представителями т.н. «российского зарубежья» являлось большой редкостью в трудах советских авторов и, как правило, ограничивалось всего несколькими фразами. Ярким примером тому может служить опубликованный в 1926 г. доклад Х. Г. Раковского «Лига Наций и СССР», в которой это направление работы Лиги освещалось следующим образом: «...Делом русской эмиграции (как белогвардейской, так и тех несознательных элементов, которых увлекли за собой Врангель и Деникин, крестьян и казаков), занимался Нансен. Известно, что многие из солдат деникинской и врангелевской армии репатриировались, остальным эмигрантам Лига Наций выдавала удостоверения личности» [Раковский, 1926, с. 15].

С 1930-х гг. все темы, связанные с постреволюционной эмиграцией из России, включая решение мировым сообществом проблемы урегулирования юридического статуса российских эмигрантов-апатридов с помощью Лиги Наций, фактически попали в СССР в разряд запрещенных. Возрождение среди некоторых советских исследователей интереса к истории «белой эмиграции» в 1970-е — 1980-е гг.⁷ тем не менее не коснулось усилий Лиги в деле помощи русским беженцам. И только с наступлением новой эпохи в жизни самой России на рубеже XX и XXI столетий эта тема, наконец, получила достойное освещение в современной отечественной историографии.

Правда, стоит оговориться, что специальных исследований по деятельности Лиги Наций на беженском направлении в постсоветский период осуществлено не было. Однако в связи с резким усилением интереса отечественных историков к феномену «российского зарубежья» первой половины XX в. за последнюю четверть века в России было издано достаточно большое количество научных трудов, посвященных различным сторонам жизни представителей постреволюционной эмиграции, начиная от их политической и военной организации, а также социокультурной адаптации на чужбине и заканчивая их правовым

⁷ См. например: Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин: Издательство КГУ, 1977. 48 с.; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. — М., 1977, 318 с., а также Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. — М., 1981. 231 с.

и экономическим положением в странах пребывания. И в некоторых из них присутствовали попытки детального рассмотрения основных форм деятельности Верховного комитета по делам беженцев при Лиге Наций во главе с Ф. Нансеном, Международного Бюро труда и других специализированных органов Женевской структуры, так или иначе связанных с решением проблемы русских беженцев.

К их числу таких публикаций можно отнести, например, монографию видного специалиста в области изучения истории «российского зарубежья» И. В. Сабенниковой «Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование», изданную в 2002 г. В этом исследовании практически впервые в отечественной историографии при рассмотрении результатов деятельности Верховного комитета Лиги Наций по делам беженцев были выделены три различных этапа в его истории. Самый ранний из этих этапов пришелся на 1921–1924 гг., «когда деятельность Комитета была непосредственно связана с массовой русской эмиграцией, сначала очень рассеянной по всей Европе, а к 1924 г. образовавшей основные центры проживания; окончательным исходом армян из Малой Азии и относительной стабилизацией беженских проблем» [Сабенникова, 2002, с. 44]. В этот период в связи с масштабностью проблемы беженцев из России возглавляемому Ф. Нансеном учреждению пришлось мобилизовать помощь правительств государств и благотворительных организаций.

Второй этап — 1925–1929 гг. был связан с разделением функций между Ф. Нансеном как Верховным комиссаром, непосредственно отвечавшим перед Советом Лиги Наций, и беженскими службами, входившими в состав Международного Бюро труда (М.Б.Т.). Представители последнего надеялись разрешить проблему русских беженцев путем их размещения в Европе и Южной Америке. Однако «процесс этот был затруднен экономическим кризисом» [Сабенникова, 2002, с. 44].

Наконец, третий этап — 1930–1938 гг., начавшийся одновременно с созданием после смерти Ф. Нансена автономной Международной организации по делам беженцев, пришелся на период международно-политической нестабильности, когда беженские службы были временно соединены в Секретариате Лиги Наций. По словам И. В. Сабенниковой, деятельность Нансеновской международной организации «была ограничена восьмью годами, во время которых ее гуманитарная активность резко возросла» [Сабенникова, 2002, с. 44], что в целом подтверждает уже изложенную ранее точку зрения А. С. Ходнева о своеобразном ренессансе неполитических направлений в работе Лиги Наций незадолго до начала Второй мировой войны.

Участие Лиги Наций в решении проблемы российских беженцев в последние годы нашло отражение и трудах другого крупного исследователя феномена зарубежной России З. С. Бочаровой. К числу научных интересов этого автора относится, в частности, вопрос об определении правового положения российских эмигрантов в 1920-е — 1930-е гг. как в отдельных странах их пребывания, так и на международном уровне⁸. Причем, З. С. Бочарова уделяет значительное внимание рассмотрению «фактических и юридических отношений» возглавляемого Ф. Нансеном Верховного комиссариата Лиги Наций по делам беженцев с различными общественными структурами, представлявшими интересы самих эмигрантов из России, — т.н. Земгором (Российским земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей), Совещанием послов и РОКК (Российским Обществом Красного Креста). В частности, она обращает внимание на то, что выдающийся норвежец был буквально «обескуражен множественностью точек зрения русских организаций на судьбу беженства» [Бочарова, 2004, с. 182]. В самом начале 1920-х гг. на его имя были посланы обращения отдельных белоэмигрантских политических объединений, в которых говорилось об их собственном исключительном праве защиты беженцев из России. В связи с этим представителям других групп русских эмигрантов, консультировавших Верховного комиссара по беженскому вопросу и выполнявших функции технических экспертов при его органе, приходилось убеждать чиновников Лиги Наций в том, что их деятельность в Женеве изначально носила аполитичный характер и отвечала чаяниям всех россиян в изгнании.

Кроме того, З. С. Бочарова также отмечает, что на заре существования Лиги Наций ее Верховный комиссар по делам беженцев и власти многих иностранных государств считали репатриацию наилучшим решением беженской проблемы. Она пишет: «Расселение по странам, которые могли бы приютить русских беженцев, требовало средств, которых у Нансена не было, а для правительств стран-реципиентов это означало бы втянуться в, возможно, бесконечные финансовые вливания в беженцев и материальные затраты» [Бочарова, 2004, с. 184]. Одна-

⁸ См., например, Бочарова З. С., Петрушева Л. И. Правовое положение русской эмиграции в Италии 1921–1926 // Исторический архив — 2012 — № 1. С. 93–101; Бочарова З. С. «Польское правительство не безразлично к судьбе русских эмигрантов»: к истории российской эмиграции в Польше в 1920-е гг. // Духовность — 2010 — № 1. С. 124–155, а также Бочарова З. С. Документы о правовом положении русской эмиграции 1920–30-х годов // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. Сборник статей. М., 1997. С. 63–70.

ко среди эмигрантских организаций, представленных при Лиге Наций, единства взглядов в этом вопросе не наблюдалось. Большинство из них, включая РОКК, полагали, что «деньги, расходуемые на репатриацию, ... должны были бы пойти на помощь беженцам, поэтому не репатрианты, а именно беженцы обязаны стать предметом внимания Нансена» [Бочарова, 2004, с. 184]. В то время как их оппоненты в лице, например, Земгора, напротив, придерживались мнения, что «сама жизнь... выдвигает на первый план вопрос о репатриации, и следует направить ее в нужное русло, обставить возможно лучшими гарантиями и условиями». И что «губительным может оказаться не участие, а отказ Нансена организовать репатриацию, ибо некоторые страны (Румыния, Польша, отчасти Германия и др.) прибегают к насильственному выселению русских беженцев со своих территорий» [Бочарова, 2004, с. 184–185].

«Подобные споры и разногласия, — заключает З.С. Бочарова, — отрицательно сказывались на отношении к эмиграции со стороны стран реципиентов». Впрочем, это понимали и некоторые представители самих эмигрантских кругов, довольно быстро осознавших, что «беженство надоело и беженский вопрос вызывает раздражение» [Бочарова, 2004, с. 185].

Результаты исследования. Итак, подводя итог всему выше сказанному, можно сделать вывод о том, что современная российская историография Лиги Наций сочетает в себе как старые, так и новые традиции, сформировавшиеся в отечественной науке в связи с изучением исторического наследия предшественницы ООН. Ее представители в основном разделяют критические взгляды советских исследователей в отношении различных направлений политической деятельности наиболее ранней универсальной организации безопасности, полагая их бесспорно неудачными. Однако позиция российских авторов по поводу работы Лиги Наций в социальной и гуманитарной области резко отличается от тех оценок, которые были характерны в этом вопросе для отечественных историков предшествовавшего периода. По мнению многих из них, результаты неполитической деятельности Лиги являются самыми крупными достижениями вышеназванной международной организации. Поэтому неудивительно, что на рубеже XX и XXI веков в России было опубликовано несколько научных трудов, так или иначе затрагивающих указанную проблематику.

Анализ результатов. Разумеется, список тем, связанных с наследием Лиги Наций в социальной и гуманитарной сфере в силу многогранности последнего в современной отечественной историографии еще далеко не исчерпан. И вполне возможно, что в ближайшие годы в России поя-

вятся новые интересные исследования, рассматривающие те или иные аспекты неполитической деятельности этой организации. Но уже сейчас можно с уверенностью констатировать, что в постсоветскую эпоху российские авторы сделали в этом направлении существенный шаг вперед и смогли найти ответы на некоторые из тех вопросов, которые поставило перед ними само время в связи с оценкой деятельности Лиги Наций.

Заключение. В целом же, думается, что грядущий в 2019 г. столетний юбилей создания Лиги Наций только усилит интерес отечественных исследователей к судьбе первой глобальной организации по поддержанию мира. Несмотря на кажущуюся изученность всех основных этапов и результатов двадцатипятилетней деятельности предшественницы ООН, отдельные аспекты ее функционирования по-прежнему требуют дальнейшего рассмотрения в рамках мировой исторической науки. Внести свой вклад в ликвидацию оставшихся в истории Лиги Наций «темных пятен», возможно, удастся в ближайшие годы и кому-то из российских авторов.

Литература

1. Бочарова З. С. Н. И. Астров и Верховный комиссариат по делам русских беженцев Лиги Наций // Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Материалы международной конференции. М: Полиграф сервис, 2004. С. 179–186.
2. Илюхина Р. М. Октябрь, проблемы мира и Лига наций // Великая Октябрьская Социалистическая революция и страны Западной Европы. М.: Наука, 1978. С. 195–218.
3. Илюхина Р. М. Лига наций. 1919–1934. М.: Наука, 1982. 357 с.
4. Илюхина Р. М. Крах Лиги наций // Причины возникновения Второй мировой войны. М.: Наука, 1982. С. 69–84.
5. Каннер Л. Ф. Почему СССР вступил в Лигу наций. Л.: Лениздат, 1934. 17 с.
6. Кольский А. Лига наций (Ее организация и деятельность). М.: Московский рабочий, 1934. 47 с.
7. Морозов Г. И. Лига Наций: взгляд через полвека // Вопросы истории — 1992 — № 2–3. С. 162–167.
8. Наумов А. О. В Женеве все рухнет: Лига Наций и кризис Версальской системы // Родина — 2011 — № 6. С. 117–120.
9. Протопопов А. С. СССР, Лига Наций и ООН. М.: Мысль, 1968. 168 с.
10. Раковский Х. Г. Лига Наций и СССР. М.: Издательство Коммунистической академии, 1926. 82 с.
11. Сабанин А. В. Россия и Лига Наций. 1920–21–22 гг. М.: Издание Литиздата НКВД, 1924. 126 с.

12. Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002. 431 с.
13. Ходнев А. С. Международная организация в ожидании приговора? Лига наций в мировой политике, 1919–1946: Очерки истории. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1995. 202 с.
14. Хормач И. А. Проект «кремлевской» Лиги наций, 1920-е годы // Отечественная история — 2008 — № 3. С. 52–62.
15. Хормач И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011. 608 с.

THE LEAGUE OF NATIONS IN THE FOCUS OF MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Natalia Y. Vasilieva

Abstract. *This article looks into the modern Russian historiography of the League of Nations. Although the first in the history international peace and security organization was formally dismissed more than 70 years ago on the part of the Russian and foreign authors the interest to its activities still exists. The modern Russian historiography mainly continues the traditions which were established by the Soviet researchers of the League of Nations. Following the Soviet historians its representatives pay special attention to four subjects connected with the foundation of this international organization as well as its activities. They are: 1. elaboration of the ideological and political concepts of the League of Nations during the first World War and the Paris Peace Conference; 2. different aspects of its political activity; 3. development of its relationship with the Soviet State and finally 4. its impact on the concept of the United Nations Organization. Moreover, the Russian authors in fact adopted some ideas and conclusions towards the League of Nations which were typical for their predecessors. At the same time, for the last 25 years the Russian historiography of this organization got several new elements unknown to the researches of the Soviet period. Thus, only now the Russian scientists are beginning to study in detail the non-political activities of the League of Nations, especially in the social and humanitarian spheres, which results are regarded by many modern historians as «the most important achievements of the first international organization».*

Keywords: *historiography, League of Nations, USSR, Versailles system*

References

1. Bocharova, Z. S. (2004). N. I. Astrov i Verhovny komissariat po delam russkih bejntcev Ligi Natcij [Astrov and the League of Nations' Supreme Commissariat

- for the affairs of the Russian Refugees]. *Moskovsky universitet i sud'by rossijskoy intelligentsii. Materialy mezhdunarodnoj konferencii [The Moscow University and the Fate of the Russian Intelligencia. The Proceedings of the International Conference]*. Moscow: Poligraf servis, 179–186.
2. Iluhina, P.M. (1978). Octjabr', problemy mira i Liga natsij [October, problems of peace and the League of Nations]. *Velikaya Octjabr'skaja Socialisticheskaja revolyucija i strany Zapadnoy Evropy [The Great October Socialist Revolution and the West European Countries]*. Moscow: Nauka, 195–218.
 3. Iluhina, R.M. (1982) Liga natsij. 1919–1934 [The League of Nations. 1919–1934]. Moscow: Nauka.
 4. Iluhina, P.M. (1982). Kraх Ligi natsij [The Failure of The League of Nations]. *Prichiny vozniknovenija Vtoroy mirovoy vojny [The Causes of the Outbreak of the Second World War]*. Moscow: Nauka, 69–84.
 5. Kanner, L.F. (1934). Pochemu SSSR vstupil v Ligu natsij [Why the USSR has entered the League of Nations]. Leningrad: Lenoblizdat.
 6. Kolisky, A. (1934). Liga natsij (Ejo organizacija i dejatel'nost') [The League of Nations (Its organization and activities)]. Moscow: Moskovsky rabochij.
 7. Morozov, G.I. (1992). Liga Nacij: vzgljad cherez polveka [The League of Nations: a Look Half a Century Later]. *Voprosy istorii [The Questions of History]*, 2–3, 162–167.
 8. Naumov, A.O. (2011). V Geneve vsjo rushitca: Liga Nacij i krizis Versal'skoy sistemy [In Geneva everything goes to pieces: the League of Nations and the crisis of the Versailles System]. *Rodina [The Motherland]*, 6, 117–120.
 9. Protopopov, A.S. (1968). SSSR, Liga Nacij i OON [The USSR, the League of Nations and the UN]. Moscow: Mysl'.
 10. Rakovsky, Ch. G. (1926). Liga Nacij i SSSR [The League of Nations and the USSR]. M.: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii.
 11. Sabanin, A.V. (1924). Rossiya i Liga Nacij. 1920–21–22 gg. [Russia and the League of Nations. The Years 1920–21–23]. Moscow: Izdanie Litizdata NKID.
 12. Sabennikova, I.V. (2002). Rossijskaja emigracija (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie [The Russian Emigration (1917–1939): A Research on the Comparative Typology]. Tver': Zolotaja bukva.
 13. Hodnev, A.S. (1995). Mezhdunarodnaja organizacija v ozhidanii prigovora? Liga Nacij v mirovoj politike, 1919–1946: Ocherki istorii [The International Organization in anticipation of a Sentence? The League of Nations in the World Politics, 1919–1946: Essays in History]. Jaroslavl': JGPU im. K.D. Ushinskogo.
 14. Hormach, I.A. (2008). Proekt «kremlevskoy» Ligi natsij, 1920-e gody [The project of a «Kremlin» League of Nations, the 1920's] // *Otechestvennaja istorija [The National History]*, 3, 52–62.
 15. Hormach, I.A. (2011). Vozvrashchenie v mirovoe soobshchestvo: bor'ba i sotrudnichestvo Sovetskogo gosudarstva s Ligoy natsij v 1919–1934 gg. [The reintegra-

tion to the World Community: the Soviet State in Struggle and Cooperation with the League of Nations in 1919–1934]. Moscow: Kuchkovo pole.

Информация об авторе:

Васильева Наталья Юрьевна

к.ист.н., доцент; доцент, Московский государственный институт международных отношений МИД России, Российская Федерация,
Natalia_Vasilieva@rambler.ru

Natalia Y. Vasilieva

PhD (History), Assoc. Prof.; Assoc. Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia, Russian Federation,
Natalia_Vasilieva@rambler.ru

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

О. В. ЖИДКОВА

***Аннотация.** В данной статье предпринимается попытка изучить и проанализировать работы современных российских историков о дипломатических деятелях Российской империи первой половины XIX века.*

Изучение их профессиональной деятельности, политических взглядов, активности и степени вовлеченности в процесс реализации внешнеполитической линии государства является актуальным и представляет интерес в связи с важной ролью Российской империи в системе международных отношений первой половины XIX века.

В настоящее время, наряду с активно используемыми при изучении событий прошлого комплексным и системным подходами, развивается и занимает важную позицию еще одно научное направление исследования — историческая антропология, изучающее личность в истории, ее роль, место и влияние на события прошлого.

В рассмотренных работах современных российских исследователей проведен подробный анализ участия министров иностранных дел России И. А. Каподистрии и К. В. Нессельроде в урегулировании внешнеполитических проблем первой половины XIX столетия, проанализирован период их совместного управления внешнеполитическим ведомством. Отдельное внимание в некоторых работах исследователей уделено руководящей и порой решающей роли российских императоров Александра I и Николая I в вопросах внешней политики России того времени. Отход от либеральных позиций и преобладание консервативных начал при принятии решений в области внешней политики российского государства отмечается в большинстве исследований.

Современные российские исследователи также уделили значительное внимание в своих работах деятельности российских послов во Франции К. О. Поццо ди Борго и Н. Д. Киселева, в Османской империи Г. А. Строганова. На современном этапе исторической науки исследователи изучают и дают высокую оценку деятельности и особых

посланников императоров, таких как П. Д. Киселев и А. Ф. Орлов, также принимавших важное участие и в Восточном вопросе, и на европейском направлении внешней политики России первой половины XIX в.

В работе над данным исследованием использовались проблемно-хронологический и типологический методы исследования. Процесс исследования проходил в несколько этапов. На первом историографическом этапе проводился анализ деятельности предшествующих авторов по данной теме. На следующем, информационно-источниковедческом этапе проходил сбор материалов по теме исследования, их изучение и систематизация. На третьем, заключительном этапе исследования, был осуществлен анализ собранной информации, определены связи и отношения между выявленными фактами. Полученные знания были оформлены в виде выводов.

В российской исторической науке на современном этапе наблюдается повышенный интерес к роли, месту и характеру участия дипломатических деятелей России в первой половине XIX в. в одной из самых важных и сложных сфер государственной жизни, которой является внешняя политика.

Авторы исследований, проведя глубокий анализ, основанный на введении в научный оборот архивных материалов, привлекая мемуарную литературу, продемонстрировали важную, а иногда и решающую роль, и активное участие в реализации внешней политики России первой половины XIX в. дипломатических деятелей разного уровня.

Ключевые слова: *внешняя политика России, дипломатическая деятельность, историография.*

Введение. История внешней политики России в первой половине XIX века представляет собой один из важных периодов в изучении российского государства. Интерес к данному периоду объясняется активным участием России на всем протяжении первой половины XIX столетия в международных отношениях, и в европейских делах, и в Восточном вопросе. После победы над Наполеоном в Европе установилась новая для того времени Венская система международных отношений, в основе которой лежало принятое главными европейскими игроками, такими как Россия, Англия, Австрия и Пруссия, в дальнейшем и Франции правило сохранения политического и территориального статус-кво государств, взаимная и коллективная помощь в поддержании данного порядка. Это была новаторская для того времени система взаимоотношений между государствами, основанная в первую очередь на решении межгосударственных отношений посредством дипломатических переговоров, а также на стремлении поддерживать и сохранять баланс

между государственными интересами стран-участниц и соблюдением решений Венского конгресса 1814–1815 гг.

Изучение внешней политики России в первой половине XIX в. и Венской системы международных отношений не представляется возможным без обращения к главным участникам внешнеполитической жизни России того времени. Особое место в современной российской историографии занимает исследование жизненного и профессионального пути непосредственных участников внешней политики Российской империи в рамках Венской системы международных отношений, включая как государственных и дипломатических деятелей, так и неофициальных лиц, которые сообщали не менее важную и ценную информацию по сравнению с теми сведениями, которые были получены в ходе официальной переписки, контактов и встреч. Это были зачастую разные по национальности и происхождению люди, с различными политическими взглядами, но всех их объединяло желание служить на благо России.

В настоящей статье делается попытка показать возросший интерес среди современных российских исследователей к изучению жизни и деятельности тех исторических личностей, на чьи плечи была возложена обязанность и ответственность реализовывать внешнеполитическую линию России в первой половине XIX в. Раскрытие данной темы будет осуществлено посредством рассмотрения исследований о наиболее влиятельных внешнеполитических и дипломатических деятелях России указанного периода.

Теоретические основания исследования. Для современной российской исторической науки характерно пристальное внимание не только к глобальным экономическим, социально-политическим и культурологическим процессам, но и к человеку прошлого, формированию его как личности, деятельности, внутреннему миру, влиянию на общество. Данное направление в современной исторической науке получило название «историческая антропология».

Исследование: основная часть. Своеобразие управления Министерством иностранных дел Российской империи при Александре I заключалось в назначении двух статс-секретарей, олицетворявших различные полюса политических взглядов того времени: грек-либерал И. А. Каподистрия и консервативно настроенный К. В. Нессельроде, имеющий немецкое происхождение. Важность деятельности на столь высокой должности объясняет появление целого ряда работ, посвященных изучению их профессионального пути, анализу принимаемых ими решений сквозь призму политических предпочтений, а также событий личного характера.

В исследовании О.А. Савельевой, вошедшем в сборник «Российская дипломатия в портретах», рассматривается деятельность Иоанна (Ивана) Антоновича Каподистрии непосредственно в период существования Священного союза. В начале своей работы, излагая факты о происхождении, образовании, начале государственной службы на Ионических островах, автор делает вывод, что именно тогда «у Каподистрии сложилось убеждение..., что для улучшения участи Греции и обретения ею в итоге независимости необходима опора на Россию» [Савельева, 1992, с. 137]. Идея укрепить итоги Венского конгресса путем создания союза христианских государств России, Австрии и Пруссии принадлежала Александру I, при этом автор очень высокую роль в данном направлении отводит именно Каподистрии. «Вдохновителем этого союза стал император Александр I, а проводником его политики — граф И.А. Каподистрия» [Савельева, 1992, с. 135].

Статья З.И. Платоновой посвящена также личности И.А. Каподистрии. Автор отдает в своей работе, приуроченной к празднованию 200-летия Министерства иностранных дел России, приоритет освещению и анализу прежде всего его дипломатической карьеры. Отмечается мнение современников, что именно Каподистрия имел больший по сравнению с К.В. Нессельроде вес и авторитет в Петербургском кабинете вплоть до 1822 г. В подтверждение данного мнения автор указывает, что еще до избрания Иоанна Антоновича на должность статс-секретаря 30 августа 1815 г., в 1814 г. на Венском конгрессе «фактически все наиболее сложные и ответственные дела поручались именно ему» [Платонова, 2002, с. 105]. При этом Каподистрия даже превысил свои полномочия: «Ему удалось добиться включения в акты конгресса признания независимости Ионических островов, хотя и под протекторатом Великобритании» [Платонова, 2002, с. 106]. Указывается Платоновой и тот факт, что «в восточных делах статс-секретарь был сторонником сильных и энергичных действий» [Платонова, 2002, с. 107]. Начавшаяся в Греции борьба за независимость от Турецкой империи нашла поддержку в лице Каподистрии, но не получила одобрения со стороны Александра I. Вывод автора о том, что «...упорные попытки склонить Александра I к военной поддержке греков не дали результата» [Платонова, 2002, с. 111] нашли продолжение в неофициальной отставке статс-секретаря. В завершении исследования профессионального и жизненного пути Каподистрии автор отмечает, что избрание его в 1827 г. на пост президента уже независимой Греции «явилося свидетельством большого уважения и авторитета, который он приобрел в греческом обществе прежде всего благодаря своей национально-патриотической деятельности в России» [Платонова, 2002, с. 112].

Доктор исторических наук Г.Л. Арш посвятил монографию деятельности и жизни И. А. Каподистрии в России. Г.Л. Арш считает, что, несмотря на преданную службу России в 1809–1822 гг. и сделанную отличную карьеру, Каподистрия, будучи греком по происхождению, в первую очередь являлся «видным государственным и политическим деятелем новой Греции. Имя его неразрывно связано с эпохой борьбы греческого народа за национальное освобождение и создание независимого государства» [Арш, 2003, с. 6]. Такой вывод автора, основанный на привлечении неопубликованных архивных материалов, представляется верным, потому что в 1827 г. Каподистрия был избран первым правителем независимой Греции. «На всех ступенях своей необычной карьеры в России — и как сверхштатный секретарь русской миссии в Вене, и как чрезвычайный посланник в Швейцарии, и как статс-секретарь по иностранным делам — Каподистрия не переставал быть патриотом Греции» [Арш, 2003, с. 43].

Г.Л. Арш рассматривает не только профессиональные успехи Каподистрии, но и его политические предпочтения. «Хотя в целом взгляды Каподистрии можно охарактеризовать как конституционно-монархические, он признавал и закономерность существования уже сложившихся республиканских форм» [Арш, 2003, с. 35]. Высказанное автором мнение во многом объясняет расположение Александра I к Каподистрии до начала 20-х гг. XIX в., придерживавшегося, как известно, в начале своего царствования идеи либеральных преобразований в России, включая возможность введения конституции.

В недавно опубликованной статье историка А. В. Чернова проведен анализ системы политических взглядов Каподистрии. Автор считает, что на политическое мировоззрение дипломата большое влияние оказали идеи эпохи Просвещения, Великой французской революции и поэтому делает вывод, что «И. А. Каподистрия склоняется к конституционной монархии, поскольку считает, что власть должна быть твердой и иметь достаточно широкие полномочия, чего нельзя добиться в республике» [Чернов, 2015, с. 53].

Личность второго статс-секретаря по иностранным делам Карла Васильевича Нессельроде также не раз в современной российской исторической науке становилась темой для исследования.

В статье В.Н. Пономарева проведен анализ деятельности Нессельроде в последние годы управления Министерством иностранных дел. Финал карьеры Нессельроде связан с поражением России в Крымской войне. Автор возлагает на Карла Васильевича большую долю ответственности как за дипломатические просчеты в начале 50-х гг., так

и за крайне невыгодные и унижительные условия Парижского мира 1856 г. «...среди тех, на кого падает ответственность за развязывание Крымской войны и поражение России в ней, не последнее место принадлежит и канцлеру К. В. Нессельроде» [Пономарев, 1992, с. 186]. Одной из главных причин «ложного убеждения» Николая I в том, что «до военного столкновения с Англией и Францией дело не дойдет» [Пономарев, 1992, с. 188] автор считает профессиональную ошибку канцлера, который «в своих докладах императору Николаю... занимался лакировкой событий и фактов не менее усердно, чем посланники в европейских столицах» [Пономарев, 1992, с. 189]. При этом Пономарев отмечает, что «...послания, направлявшиеся министром в Париж, являлись добротными дипломатическими документами» [Пономарев, 1992, с. 194]. Указывается в статье и на негативное отношение к Нессельроде некоторых представителей российского общества, «в котором в эти годы широко распространилась неприязнь к канцлеру» [Пономарев, 1992, с. 196]. Важные предложения, внесенные дипломатом А. М. Горчаковым в процессе выработки условий мира, Нессельроде отклонил, по мнению автора, по причине того, что он «недолюбливал Горчакова за независимый нрав, завидовал его таланту» [Пономарев, 1992, с. 193].

Главный вывод, который В. Н. Пономарев делает, хотя и высказывая некоторые сомнения, «приверженцу догм Священного союза» кажется крайне негативным и ошибочным: «Вероятно, следует согласиться с распространенным мнением о том, что Нессельроде не являлся выдающимся дипломатом и политиком и роль его в выработке и проведении в жизнь внешнеполитического курса царской России была меньше той, которая должна принадлежать главе дипломатического ведомства. Трудно отрицать тот факт, что, будучи участником многих важных международных политических событий на протяжении чуть ли не пятидесяти лет, он никогда не находился на первом плане, но оставался обычно как бы в тени, за спиной других, более крупных лиц» [Пономарев, 1992, с. 186].

В. Б. Михайлов посвятил свою статью, написанную к 200-летию МИД России, анализу почти 40-летнего пребывания К. В. Нессельроде во главе российской дипломатии. Преобладавшее ранее в историографии мнение о его симпатиях к политике Меттерниха, отношение к нему как к «последовательному однолюбю», то есть «австрофилу» [Михайлов, 2001, с. 151] автор считает «предвзятым» и «односторонним». Признавая, что, после знакомства в 1802 г. тогда еще с будущим канцлером Австрии, Нессельроде «первое время после их знакомства и относился к тому с некоторым пиететом. В дальнейшем он, судя по

всему, избавился от этого «недостатка» [Михайлов, 2001, с. 144]. В подтверждение своего вывода В. Б. Михайлов приводит факт назначения Александром I в 1816 г. на место управляющего МИДом именно Карла Васильевича, учитывая, «что к тому времени у него была другая очень даже привлекательная альтернатива в лице» [Михайлов, 2001, с. 148] И. А. Каподистрии. «Граф Нессельроде, конечно, не был никогда таким поклонником «системы Меттерниха», каким вследствие революционных событий 1830–1831 годов стал сам российский император» [Михайлов, 2001, с. 153]. При этом Михайлов отмечает, что во вторую половину царствования Александра I «Нессельроде по большей части выступал в роли расторопного секретаря, проводника царских распоряжений, более или менее удачливого переговорщика, в лучшем случае — советника царя, да и то не самого главного, по крайней мере до начала 20-х годов» [Михайлов, 2001, с. 147].

Со стороны автора данного обзорного исследования звучат единственные обвинения Карла Васильевича в «некоторых ошибках и сомнительных решениях», допущенных им при заключении Парижского мирного договора 1856 г., которыми он «нанес очевидный ущерб российской дипломатии» [Михайлов, 2001, с. 154].

В целом, В. Б. Михайлов считает, что благодаря своему «долгому министерству» К. В. Нессельроде в 40-е гг. «приобрел репутацию чуть ли не единственного в Санкт-Петербурге знатока «других стран и кабинетов» [Михайлов, 2001, с. 147] и дает положительную оценку его деятельности, считая большинство решений Нессельроде на посту вице-канцлера (с 1828 г.) и канцлера (с 1845 г.) взвешенными, разумными и эффективными.

В статье доктора исторических наук Н. П. Таньшиной предпринимается попытка с «неофициальной точки зрения... воссоздать портрет графа Нессельроде» [Таньшина, 2009, с. 75]. Автор дает положительную оценку Нессельроде как дипломата и канцлера. «Нессельроде всегда был верен своим политическим принципам, отступать от которых никогда не собирался. Он являлся убежденным монархистом, твердым сторонником Венской системы, баланса сил в Европе, принципа легитимности» [Таньшина, 2009, с. 77]. Не считая «целесообразным подробно излагать основные вехи политической биографии Карла Васильевича» [Таньшина, 2009, с. 77], Н. П. Таньшина отмечает влияние жены Нессельроде на его профессиональную деятельность, которая «много времени проводила за пределами России... и была для своего супруга неочевидным политическим агентом» [Таньшина, 2009, с. 76].

Анализируя отношения между Нессельроде и Каподистрией в период их совместного управления министерством иностранных дел,

автор отмечает скептическое отношение Карла Васильевича к «либерализму Каподистрии». При этом автор делает важный вывод: «Император (Александр I) служил верховным примирителем и посредником между двумя своими министрами; зачастую, воодушевленный планами Каподистрии, он постепенно склонялся на сторону Нессельроде» [Таньшина, 2009, с. 77]. Н.П. Таньшина считает мнение об «отсутствии характера и абсолютном отсутствии собственного мнения» [Таньшина, 2009, с. 78] у Нессельроде не совсем верным: «...Случалось и так, что министр пытался, и не всегда безуспешно, отстаивать собственное видение ситуации» [Таньшина, 2009, с. 78]. А главную причину подобного отношения к Нессельроде автор видит в не совпадении взглядов двух статс-секретарей по иностранным делам, и в колебаниях самого Александра I. При этом автором дается еще одно пояснение, объясняющее особенности управления внешней политикой России в первой половине XIX в.: «Как и старший брат, Николай был своим собственным министром иностранных дел, лично выполняя самые ответственные дипломатические миссии» [Таньшина, 2009, с. 78].

Подводя итог «неофициального» портрета Нессельроде, Н.П. Таньшина утверждает, что обвинения, предъявляемые канцлеру в предательстве России в конце его политической карьеры, ошибочны, но не снимает с него и ответственности. «Несмотря на то, что Нессельроде пытался смягчить жесткий курс царя к проведению более «благоразумной» линии относительно Османской империи и в итоге предотвратить войну, он стоял во главе МИД, и проигрыш российской дипломатии должен быть отнесен и на его счет» [Таньшина, 2009, с. 79].

Помимо деятельности министров иностранных дел в первой половине XIX в. в России прославились своей успешной деятельностью российские послы. Представители современной российской исторической науки также обращались в своих исследованиях к судьбам посланников России за границей.

Доктор исторических наук Е.П. Кудрявцева осветила в статье личность «одного из самых ярких дипломатов александровской эпохи» [Кудрявцева, 1991, с. 28] Григория Александровича Строганова, посла России в Испании, Швеции и Турции в первой четверти XIX в. Автор отмечает, что в то время «дипломатические должности занимали, как правило, не представители русских аристократических родов, а выходцы из Европы» [Кудрявцева, 1991, с. 29]. Поэтому «немногочисленные русские дипломаты были скорее исключением, чем правилом» [Кудрявцева, 1991, с. 30]. Одним из таких исключений и являлся Г.А. Строганов, который предстает перед читателем как преданно служащий России,

но при этом «строптивный дипломат». Его политическая неприязнь к захватнической политике Наполеона проявилась уже в начале его дипломатической деятельности в должности посланника России в Испании. В Константинополе, возглавляя российскую миссию, дипломат «явился наиболее последовательным и решительным выразителем» [Кудрявцева, 1991, с. 35] политики поддержки и защиты христианского и славянского населения Османской империи. «Строганов являлся сторонником решительных действий по отношению к Османской империи и имел твердое убеждение в бесполезности дипломатических дискуссий с Портой» [Кудрявцева, 1991, с. 35].

В данном исследовании приводятся факты, свидетельствующие о поддержке российским послом в Константинополе борьбы сербского и греческого населения Османской империи за независимость. Это и составление им конституционного проекта государственной власти автономного княжества Сербии, что кажется автору парадоксальным, ведь «предложение это исходило от монархической России» [Кудрявцева, 1991, с. 40], и «переговоры с османскими министрами в резкой, наступательной манере» [Кудрявцева, 1991, с. 37], и требование «от МИД инструкций и полномочий выступить на помощь греческим патриотам» [Кудрявцева, 1991, с. 42].

Е. П. Кудрявцева дает положительную оценку Г. А. Строганову как дипломату, отмечая «не «дипломатический» в традиционном смысле этого слова характер деятельности российского посланника» [Кудрявцева, 1991, с. 43–44]. «Обладая развитым чувством чести и достоинства, Строганов находил возможным действовать по своему усмотрению, заботясь, в первую очередь, об авторитете России» [Кудрявцева, 1991, с. 44].

В продолжение темы у Е. П. Кудрявцевой вышла статья о еще одном активном участнике решения Восточного вопроса Алексее Федоровиче Орлове, который несколько раз направлялся в Константинополь в качестве чрезвычайного и полномочного посла для урегулирования русско-турецких отношений во второй четверти XIX в. Автор отмечает, что при непосредственном и активном участии Орлова в переговорном процессе с турками по заключению Андрианопольского мирного договора ему удалось выполнить «предписание своего правительства воспрепятствовать возобновлению «бесконечных словопрений в Константинополе» [Кудрявцева, 1992, с. 171]. Достижение Орловым поставленной цели «получило одобрение его венценосного друга» [Кудрявцева, 1992, с. 174], учитывая, что заключение Андрианопольского мира имело для России огромное политическое значение.

Успех второй миссии А. Ф. Орлова в Константинополь в 1833 г. автор объясняет тем, что дипломат «обладал достаточным опытом ведения переговоров с турками, пользовался большим авторитетом у членов османского правительства и доверием самого султана» [Кудрявцева, 1992, с. 174]. Свой вывод Е. П. Кудрявцева дополняет воспоминаниями очевидца тех переговоров, который «посвящает немало лестных слов умению Орлова вести переговоры с турецкими министрами при складывавшихся достаточно сложных для России обстоятельствах» [Кудрявцева, 1992, с. 175]. Завершая обзор о дипломатической деятельности Орлова, занимавшего и другие важные государственные посты, в статье отмечен его положительный вклад в переговоры по подписанию Парижского мира по итогам проигранной Россией Крымской войны. Условия мира «были в значительной мере смягчены, а достоинство России по возможности сохранено именно благодаря дипломатическому искусству А. Ф. Орлова» [Кудрявцева, 1992, с. 167]. Стоит согласиться со словами Е. П. Кудрявцевой, считающей, что «мы не должны забывать заслуги Орлова-дипломата, не раз оказавшегося на острие политических событий в критические моменты русской истории и внесшего свой вклад в укрепление славы и могущества Российского государства» [Кудрявцева, 1992, с. 180].

О. В. Орлик в своих статьях исследовала профессиональный путь двух братьев Киселевых, Павла Дмитриевича и Николая Дмитриевича, занимавших в первой половине XIX в. важные и ответственные государственные и дипломатические посты. Старший из двух братьев Павел Дмитриевич, будучи «сторонником активной и твердой политики в Восточном вопросе, продолжения традиционного курса покровительства православным народам, зависимым от Порты», в начале 1820-х гг. занимая высокую должность в военной сфере, «фактически порицал внешнеполитический курс Александра I, его отказ в помощи восставшим» [Орлик, 1992, с. 157]. Автор считает, что «не только эллинофильские настроения определяли желание Киселева об оказании Россией активной помощи грекам. В этом он видел возможность упрочения политического влияния России на Балканах, защиты ее собственных интересов в проливах, чему придавал как военный и политик большое значение» [Орлик, 1992, с. 157]. На следующем этапе своей карьеры, Павел Дмитриевич, отправленный в Дунайские княжества полномочным председателем обоих диванов (высшего совещательного совета), «активно вникал во все вопросы, в том числе в деятельность комитетов по подготовке новых законодательств в княжествах» [Орлик, 1992, с. 162]. Автор отмечает активное участие П. Д. Киселева не только в разработке законодательства княжеств, но и помощь в экономической, социаль-

но-бытовой сферах на территории Молдавии и Валахии. Защищая своего героя от обвинений в «своекорыстии, использовании высокого поста в княжествах для получения личных выгод» [Орлик, 1992, с. 163], Орлик делает следующий вывод: «В действительности П. Д. Киселев активно осуществлял внешнеполитические устремления России в Юго-Восточной Европе. Отстаивал он и интересы Дунайских княжеств в той степени, в которой он их понимал и мог осуществить как представитель царского правительства» [Орлик, 1992, с. 163].

Вторая статья О. В. Орлик, вышедшая в том же 1992 г., освещает участие еще одного представителя старинного дворянского рода Киселевых — Николая Дмитриевича в годы его дипломатической службы государству во Франции и в должности секретаря российского посольства в Париже, и в ранге поверенного в делах. Автор показал изменения в отношении и оценке Н. Д. Киселевым французских революций 1830 г. и 1848 г. Июльскую революцию 1830 г. во Франции Н. Д. Киселев оценивал как «значительное событие, связанное с надеждой на упрочение стабильности внутреннего положения страны, политических свобод» [Орлик, 1992, с. 155]. Опираясь в своем исследовании преимущественно на архивные материалы, Орлик показывает различия в оценке этих событий Н. Д. Киселевым и послом России во Франции того времени К. О. Поццо ди Борго, для которого июльские события были «катастрофой» и «ударом по легитимизму» [Орлик, 1992, с. 155]. «Николай Дмитриевич понимал насколько его отношение к Июльской революции отличалось от отношения правящих кругов России, от содержания инструкций российского министерства иностранных дел и позиций Поццо ди Борго» [Орлик, 1992, с. 156]. При этом автор отмечает сдержанность проявления Н. Д. Киселевым своего положительного отношения к изменениям политической жизни Франции. «При всем положительном отношении к революции 1830 г. Н. Д. Киселев однако не считал возможным углубление социальных требований восставшими. Его либерализм не шел далее пожелания Франции политических свобод в рамках конституционной монархии и некоторых социальных реформ» [Орлик, 1992, с. 156]. Во время французской революции 1848 г. политические взгляды Н. Д. Киселева «приобрели явно консервативную окраску» [Орлик, 1992, с. 157]. Теперь он сам называет революцию «катастрофой» для Франции.

Главное достоинство Н. Д. Киселева как дипломата О. В. Орлик видит в том, что в «явно неблагоприятной для русско-французских отношений обстановке Н. Д. Киселев продолжал проявлять настойчивость в развитии научных и культурных связей, что являлось важной формой общения между обеими странами» [Орлик, 1992, с. 163].

Теме российско-французских отношений в первой половине XIX в. посвящен и ряд работ, в центре которых находится фигура российского посла в Париже Карла Осиповича Поццо ди Борго, корсиканца по происхождению. В.Б. Михайлов в своей статье дает краткий историографический обзор литературы, посвященной личности и деятельности этого дипломата, объясняя интерес и внимание к нему тем, что «в свое время он пользовался большой известностью, и отзывы о нем оставили многие современники» [Михайлов, 1992, с. 47]. Особенности политических взглядов и дипломатической деятельности автор видит в иностранном происхождении Поццо ди Борго. «Взгляд его на Россию был взглядом извне, взглядом иностранца в полном смысле этого слова. Империя рисовалась ему, в сущности, более монолитной и стабильной, чем была на самом деле. Отчасти благодаря такому видению... Поццо и становился иногда выразителем крайних имперских амбиций, не разделявших его до конца даже царями, которым он служил» [Михайлов, 1992, с. 67–68]. Анализируя профессиональную деятельность Поццо ди Борго, Михайлов отмечает: «Ему, бесспорно, принадлежало первенство среди российских дипломатических агентов в составлении внушительных манускриптов, содержащих подробный анализ текущей международной ситуации с весьма жесткими определениями позиций других держав» [Михайлов, 1992, с. 52]. При этом автор добавляет: «Прямое воздействие Поццо на определение внешнеполитического курса России... в целом было невелико» [Михайлов, 1992, с. 52]. Мнения других рассмотренных в данной статье исследователей дополняют и подтверждают данный вывод о том, что роль «первой скрипки» в выработке и реализации внешней политики России в первой половине XIX в. принадлежала не послам и даже не министру иностранных дел России, а непосредственно императору.

Подводя итог своего исследования, В.Б. Михайлов дает положительную оценку профессиональной деятельности Поццо ди Борго. «Знание пределов в отстаивании охранительных принципов, прагматизм, политическое чутье и умение принимать самостоятельные решения, отличавшие дипломата, принесли в ряде случаев бесспорную пользу обеим странам» [Михайлов, 1992, с. 68].

Работы Н.П. Таньшиной¹ также рассматривают биографию и деятельность российского посла во Франции Поццо ди Борго. Автор, на

¹ Таньшина Н.П. Июльская монархия глазами российского посла во Франции К.О. Поццо ди Борго // Россия и Франция. XVIII–XX века: (сборник статей). Вып. 7. М.: Наука. 2006, С. 138–150; Таньшина Н.П. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4 С. 67–85; Таньшина Н.П. Корсиканец на русской службе, или куда приводит вендетта // Родина. 2008. № 4. С. 58–63.

базе неопубликованных архивных материалов и с привлечением мемуарной литературы, подробно осветила весь жизненный путь Поццо ди Борго. Отдельного внимания заслуживает подробный рассказ о взаимоотношениях Поццо ди Борго с Наполеоном Бонапартом в последней четверти XVIII в., которые носили переменчивый характер. В целом, в работах Таньшиной о Поццо ди Борго, выступавшем за сохранение и укрепление российско-французского союза, положительно оценивается его дипломатическая служба России.

Интерес к российским государственным деятелям проявляли, конечно, и иностранцы, в том числе и дипломаты. Доктор исторических наук П. П. Черкасов изучил мнения двух французских дипломатов, представляющих свою страну в Санкт-Петербурге в середине XIX в., о личности императора Николая I. Используя материалы фондов Архива внешней политики Российской империи и архива МИД Франции, автор отмечает «оценки французских дипломатов, работавших в Санкт-Петербурге, личности и политики Николая Павловича наиболее интересными, так как в этих оценках... не могло быть ни стремления идеализировать самого царя, ни желания оправдывать его действия» [Черкасов, 2013, с. 45]. Приводимые в статье сведения о личности Николая I, его чертах характера, поступках, дополняют уже рассмотренные выводы вышеизложенных исследований об особенностях управления внешней политикой России в первой половине XIX в. «Эта мания всё видеть, всё знать и во всё вникать объясняется не только особенностями характера императора. Её можно считать и необходимым следствием социального устройства страны, которой он управляет. В России император решает всё» [Цит. по: Черкасов, 2013, с. 48].

Книга В. А. Мильчиной² представляет собой сборник статей, содержание которых автор относит к новому разделу исторических исследований, так называемой микроистории. Основной темой сборника стало изучение повседневной жизни Франции и России в 1820–1840 гг. При этом одна из глав книги затрагивает и характеризует внешнеполитическую деятельность российского императора Николая I по его взаимоотношениям с Францией периода Реставрации.

Методология исследования. При работе над данной статьей использовалось несколько методов исторического исследования исходя из специфики и особенностей выбранной темы. В первую очередь применялся проблемно-хронологический подход в исследовании, вклю-

² Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб.: Гиперион. 2012. 528 с.

чающий анализ в хронологической последовательности работ, опубликованных в современной исторической российской науке по тем дипломатическим деятелям России первой половины XIX в., которые были выбраны для рассмотрения в данной статье. Типологический метод, предполагающий классификацию исторических явлений, фактов, событий, а также исторических личностей на основе присущих им общих существенных признаков, применялся в исследовании в виде последовательного изучения и анализа опубликованных работ о российских дипломатических деятелях первой половины XIX столетия исходя из их государственного и политического положения в государстве.

Процедура исследования. Данное исследование проходило в несколько этапов. На первом историографическом этапе было проведено изучение ранее опубликованных работ, что позволило сделать ряд очень важных наблюдений и определить низкую степень изученности интересующей темы. Вторая стадия исследования — источниковедческая — позволила собрать информационную основу исследования. На третьем концептуальном этапе исследования анализу и синтезу была подвергнута собранная информация, определены общие тенденции и особенности исследованных работ, проведен анализ представленных выводов. Полученные в ходе исследования знания были оформлены в виде выводов.

Результаты исследования. В статье были рассмотрены и проанализированы работы современных российских исследователей о дипломатических деятелях Российской империи, принимавшие активное участие в выработке и реализации внешней политики государства в первой половине XIX в.

Анализ результатов. Поставленную цель исследования — изучить и проанализировать работы современных российских ученых о дипломатических деятелях России в первой половине XIX в. — можно считать выполненной. Достигнутые в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод об интересе среди историков как к теме внешней политики России первой половины XIX в. в целом, так и к конкретным участникам внешнеполитического процесса указанного периода. Помимо обращения к важным участникам дипломатической составляющей внешней политики России, какими являются императоры, министры иностранных дел и послы, в современной российской исторической науке имеется тенденция исследовать влияние, помощь и вклад в процесс осуществления внешнеполитической курса государства и неофициальными лицами. Рассмотрение в рамках другого исследования таких работ позволит в дальнейшем расширить понимание событий и процессов внешней политики России в первой половине XIX в. и роль человеческого фактора в истории России.

Заключение. Таким образом, подводя итоги данного исследования, можно сделать несколько выводов. В российской исторической науке на современном этапе наблюдается повышенный интерес к роли, месту и характеру участия дипломатических деятелей России в первой половине XIX в. в одной из самых важных и сложных сфер государственной жизни, которой является внешняя политика. В своих работах исследователи привлекают архивные материалы официального и частного характера, а также используют мемуарное наследие того времени. Собранная информация позволяет авторам показать политические позиции и предпочтения объектов исследования, объяснить их линию поведения и принимаемые решения. Наряду с исследованием профессиональной работы героев, авторы дополняют портреты и изучением их происхождения, кругом общения, сюжетами личной жизни. Деятельность дипломатических участников внешней политики России первой половины XIX в. представлена в рассмотренных работах различными выводами и точками зрения. Это может быть связано и с изменениями позиций самих участников внешнеполитического процесса, и со сложностями международных отношений того времени, и с особенностями и спецификой использованных в исследованиях источников и материалов. В целом, авторы исследований, проведя глубокий анализ, продемонстрировали важную, а иногда решающую роль и активное участие в реализации внешней политики России первой половины XIX в. дипломатических деятелей разного уровня.

Литература

1. Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия в России (1809–1822). СПб.: Алетейя, 2003. 349 с.
2. Кудрявцева Е.П. Любимец императора Николая I. А.Ф. Орлов и его миссия на Ближнем Востоке // Российская дипломатия в портретах. М.: Международная жизнь. 1992. С. 166–180.
3. Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Константинополе Г.А. Строганов // Портреты российских дипломатов. Сборник научных трудов. М., 1991. С. 27–46.
4. Михайлов В.Б. К.В. Нессельроде. 40 лет во главе российской дипломатии // Международная жизнь. 2001. № 9–10. С. 143–155.
5. Михайлов В.Б. К.О. Поццо-ди-Борго: дипломат Реставарации на службе Российской империи // Портреты российских дипломатов. Сборник научных трудов. М., 1991. С. 47–71.
6. Орлик О.В. П.Д. Киселев как дипломат. Органические регламенты Дунайских княжеств // Российская дипломатия в портретах. М.: Международная жизнь. 1992. С. 151–166.

7. Орлик О. В. Российский дипломат Н. Д. Киселев // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 149–164.
8. Платонова З. И. И. А. Каподистрия. Статс-секретарь Министерства иностранных дел (1815–1822 гг.) // Международная жизнь. 2002. № 1. С. 102–112.
9. Пономарев В. Н. Финал долгой карьеры. К. В. Нессельроде и Парижский мир // Российская дипломатия в портретах. М.: Международная жизнь. 1992. С. 180–198.
10. Савельева О. А. Греческий патриот на службе России. И. А. Каподистрия и Священный союз // Российская дипломатия в портретах. М.: Международная жизнь. 1992. С. 135–150.
11. Таньшина Н. П. Русский кисель на немецкой закваске // Родина. 2009. № 5. С. 75–79.
12. Черкасов П. П. Штрихи к портрету «Карла Ивановича» // Родина. 2013. № 3. С. 45–48.
13. Чернов А. В. О политических взглядах И. А. Каподистрии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 2. С. 47–56.

RUSSIAN DIPLOMATIC FIGURES OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN THE WORKS OF MODERN RUSSIAN RESEARCHES

Oxana V. Jidkova

Abstract. *This article attempts to examine and analyse the work of contemporary Russian historians on diplomatic figures of the Russian Empire first half of XIX century. The study of their professional activity, political opinion, activity and involvement in the implementation of the foreign policy of the state is relevant and is of interest in connection with the important role of the Russian Empire in the international relations of the first half of the nineteenth century.*

At the present time, along with actively used in studying the events of the past integrated and systemic approaches, developed and occupies an important position is another research area of historical anthropology, the study of personality in history, its role, place and influence on the events of the past.

In the works of modern Russian researchers conducted a detailed analysis of the participation of Ministers of foreign Affairs of Russia I. A. Kapodistrias and K. V. Nesselrode in resolving foreign policy problems in the first half of the nineteenth century, analyzed the period of their joint administration of the foreign office. Special attention in some works of the researchers is paid to leading and sometimes decisive role of the Russian emperors Alexander I and Nicholas I to the questions of foreign policy of Russia at that time. The departure from the liberal positions and the predominance of conservative principles at the decision-making in foreign policy of the Russian state noted in most studies. At the

present stage of historical science researchers study and give a high evaluation activities and special envoys of the emperors, such as P. D. Kiselev and A. F. Orlov, who also took an important part in the Eastern question, and in the European direction of foreign policy of Russia in the first half of the XIX century.

Modern Russian researchers have also devoted considerable attention in his works of Russian ambassadors in France K. O. Pozzo di Borgo and N. D. Kiselyov, in the Ottoman Empire by G. A. Stroganov.

In the preparation of this study applied problem-chronological and typological methods of investigation. The research process took place in several stages. On the first historiographical phase comprised analysis of the activities of previous authors on the subject. Next, information of the source stage held the collection of materials on the research topic, their study and systematization. The third and final stage of the study, performed analysis of the collected information, identifies the links and relationships between the identified facts. The acquired knowledge was formalized in the form of conclusions.

In Russian historical science at the present stage, there has been increased interest in the role, place, and nature of the participation of a diplomatic figures of Russia in first half XIX century in one of the most important and complex spheres of public life, which is foreign policy.

The authors of the research, after a deep analysis, based on the introduction into scientific circulation of archival materials, engaging memoir literature has demonstrated an important and sometimes decisive role and active participation in the implementation of foreign policy of Russia in the first half of the XIX century diplomatic actors at different levels.

Keywords: *Russia's foreign policy, diplomatic activities, historiography.*

References

1. Arsh, G. L. (2003). Ioann Kapodistrija v Rossii (1809–1822) [Ioannis Kapodistrias in Russia (1809–1822)]. St. Petersburg: Aletejja.
2. Kudrjavceva, E. P. (1992). Ljubimec imperatora Nikolaja I. A. F. Orlov i ego misija na Blizhnem Vostoke [The Favorite of Emperor Nicolas 1st. A. F. Orlov and his mission in the Near East]. In *Rossijskaja diplomatija v portretah [The Russian Diplomacy in Portraits]*. Moscow: Mezhdunarodnaja zhizn', 166–180.
3. Kudrjavceva, E. P. (1991). Rossijskij poslannik v Konstantinopole G. A. Stroganov [The Russian Envoy in Constantinople G. A. Stroganov]. In *Portrety rossijskih diplomatov. Sbornik nauchnyh trudov. [The Russian Diplomacy in Portraits. The Collection of Scientific Works]*. Moscow, 27–46.
4. Mihajlov, V. B. (2001). K. V. Nessel'rode. 40 let vo glave rossijskoj diplomatii [K. V. Nesselrode. 40 years as the Head of the Russian Diplomacy]. *Mezhdunarodnaja zhizn' [International Life]*, 9–10, 143–155.

5. Mihajlov, V.B. (1991). K. O. Pocco-di-Borgo: diplomat Restavracii na sluzhbe Rossijskoj imperii [C. O. Pozzo di Borgo: a diplomat of the Restauration on the service of the Russian Empire]. In *Portrety rossijskih diplomatov. Sbornik nauchnyh trudov [The Russian Diplomacy in Portraits. The Colloction of Scientific Works]*. Moscow, 47–71.
6. Orlik, O.V. (1992). P.D. Kiselev kak diplomat. Organicheskie reglamenti Dunajskih knjazhestv [P.D. Kisselev as a Diplomat. Organic Statutes of the Danube Principalities]. In *Rossijskaja diplomatija v portretah [The Russian Diplomacy in Portraits]*. Moscow: Mezhdunarodnaja zhizn', 151–166.
7. Orlik, O.V. (1992). Rossijskij diplomat N. D. Kiselev [Russian Diplomat N. D. Kiselev]. *Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]*, 2, 149–164.
8. Platonova, Z.I. (2002). I. A. Kapodistrija. Stats-sekretar' Ministerstva inostrannyh del (1815–1822 gg.) [I. A. Kapodistrias. Secretary of State at the Ministry of Foreign Affairs (1815–1822)]. *Mezhdunarodnaja zhizn' [The International Life]*, 1, 102–112.
9. Ponomarev, V.N. (1992). Final dolgoj kar'ery. K.V. Nessel'rode i Parizskij mir [The End of a Long Carrier. K.V. Nesselrode and the Paris Peace]. In *Rossijskaja diplomatija v portretah [The Russian Diplomacy in Portraits]*. Moscow: Mezhdunarodnaja zhizn', 180–198.
10. Savel'eva, O. A. (1992). Grecheskij patriot na sluzhbe Rossii. I. A. Kapodistrija i Svjashhennyj sojuz [A Greek Patriot on the Service of Russia. I. A. Kapodistrias and the Saint Alliance] // In *Rossijskaja diplomatija v portretah [The Russian Diplomacy in Portraits]*. Moscow: Mezhdunarodnaja zhizn', 135–150.
11. Tan'shina, N.P. (2009). Russkij kisel' na nemeckoj zakvaske [The Russian Jelly on a German Sourdough]. *Rodina [The Motherland]*, 5, 75–79.
12. Cherkasov, P.P. (2013). Shtrihi k portretu «Karla Ivanovicha» [The Touches to the Portrait of «Karl Ivanovich»]. *Rodina [The Motherland]*, 3, 45–48.
13. Chernov, A.V. (2015). O politicheskix vzgljadah I.A. Kapodistrii [On I. A. Kapodistrias' Political Opinions]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii [The Bulletin of the RUDN University. Series History]*, 2, 47–56.

Информация об авторе:

Жидкова Оксана Витальевна

к.ист.н., доцент; доцент, Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Российская Федерация; jidkova.ov@mail.ru

Oxana V. Jidkova

PhD (history), Assoc. Prof.; Assoc. Prof., Odintsovo campus of the Moscow state institute of international relations MFA of Russia, Russian Federation; jidkova.ov@mail.ru

ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ ВЕРСАЛЬСКОГО ПОРЯДКА В ЕВРОПЕ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. Э. МАГАДЕЕВ

Аннотация. История международных отношений в Европе в межвоенный период, несмотря на увеличивающийся хронологический разрыв с современностью, продолжает привлекать значительное внимание исследователей, а также вызывать общественно-политические дискуссии в социуме. При наличии существенного количества российских работ по проблематике Версальского порядка, опубликованных за последние 25 лет, полноценные историографические исследования остаются относительно редкими, что отражает, среди прочего, дефицит саморефлексии отечественного сообщества историков. В данной статье, основанной на синтезе методов историографического анализа и социологии, был проанализирован спектр наиболее характерных оценок проблемы стабильности Версальского порядка в российской историографии с 1991 по 2016 годы. Выявив данные оценки на основе наиболее популярных и авторитетных работ, с одной стороны, и новаторских работ, с другой, автор рассмотрел их в трех «срезах»: основные дискуссионные вопросы; преемственность / новизна по сравнению с работами историков советского периода; краткое сопоставление с ситуацией в зарубежной литературе. Проведенное исследование выявило отсутствие монолитности российской историографии по проблеме стабильности Версальского порядка, значительную роль преемственности в оценках юю ключевых событий межвоенного периода (во главе с Мюнхенским соглашением 1938 г. и советско-германским договором о ненападении 1939 г.) при наличии и новых оценок по ряду важных сюжетов. «Поколенческий» фактор, факторы политической «нагрузки» и самопозиционирования историками были выделены в качестве основных при объяснении преемственности суждений, в то время как расширение источниковой базы и методологии, увеличение контактов с зарубежной историографией и политологией — в качестве обстоятельств, способствовавших их изменениям и трансформации.

Автором были также намечены перспективные пути дальнейшего изучения истории Версальского порядка в Европе.

Ключевые слова: *Версальский порядок, историография, Вторая мировая война*

Введение. Тема международных отношений в Европе в период между Первой и Второй мировыми войнами традиционно являлась одной из ключевых в истории XX века как для советской, так затем и для российской историографии. С ней связано обсуждение целого ряда важнейших, узловых проблем, одна из которых — устойчивость (стабильность) международного порядка (системной модели), созданного в 1919–1920 гг. С данной проблемой связан и ряд иных, принципиальных историографических вопросов — поиск новых инструментов достижения военно-политической стабильности и особенно выстраивания системы коллективной безопасности, истоки и причины Второй мировой войны. Цель данной статьи — выявить основные трактовки российской историографией проблемы стабильности Версальского порядка. Первоначально наше внимание будет обращено на общие условия развития российской историографии Версальского порядка за 25-летний период. Далее проблема устойчивости Версальского порядка будет разбита на составные части, каждая из которых будет проанализирована в трех «срезах»: основные точки зрения и дискуссии; преемственность / новизна по сравнению с работами историков советского периода; краткое сопоставление с ситуацией в зарубежной литературе. В заключении мы выскажем мнение о перспективных направлениях дальнейших исследований указанной проблемы.

Вопросы, связанные с международными отношениями в Европе в межвоенный период, остаются актуальными как для российского (и не только) исследовательского сообщества, так и сохраняют некоторую «злободневность» в контексте международно-политической ситуации начала XXI в., особенно в ее текущей стадии. Так, напряженная ситуация в отношениях России со странами Запада после 2014 г., характеризующаяся, в том числе, политикой санкций со стороны США и ЕС, имеет некоторые аналогии в истории взаимодействия СССР с «капиталистическим миром» в 1920–1930-е гг., истории, «актуализирующейся» (нередко весьма спорно) некоторыми современными авторами¹. При этом и до недавних событий сама геополитическая ситуация в Европе

¹ См., к примеру: Катасонов В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015.

после окончания «холодной войны» не раз наводила исследователей на мысль о ее сходстве с положением после Первой мировой войны (множественность акторов; потенциальное возрождение локальных конфликтов, «замороженных» в ходе биполярного противостояния; усиление фактора национализма и др.)².

Те или иные высказывания дипломатов по вопросам причин Второй мировой войны продолжают и в современном мире вызывать бурную общественную дискуссию, а подчас и реакцию на официальном уровне³. Государственные и политические деятели различных стран нередко упоминают отдельные события и договоры межвоенного периода, давая им свои оценки, которые могут как совпадать, так и расходиться с интерпретацией профессиональных историков. Так, Версальский мирный договор 1919 г. нередко расценивается как один из факторов в происхождении Второй мировой войны⁴; советско-германский Рапалльский договор 1922 г. трактуется и как пример взаимовыгодного сотрудничества и как предзнаменование будущего «пакта Молотова–Риббентропа»⁵.

При растущем количестве работ по истории Версальского порядка, полноценные исследования, посвященные развитию его российской историографии, публикуются реже⁶. Подобная ситуация, как представляется, является отражением двух важных обстоятельств: 1) дефицита саморефлексии российского сообщества историков, 2) нередко

² Мальков В.Л. Версаль и его уроки. Российский взгляд // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 202; Bariéty J. Introduction // Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe, 1919–1932 / Sous la dir. de J. Bariéty. Strasbourg, 2007. P. 14.

³ См., к примеру: Посол РФ пояснил свои слова об ответственности Польши во Второй мировой войне, 28.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2295994> (дата обращения — 20.01.2016).

⁴ Выступление Владимира Путина на официальной церемонии в Гданьске // Независимая газета. 01.09.2009.

⁵ См. подробнее: Ахтамзян А.А. Профили рапалльской дипломатии (очерки). М., 2009. С. 4–21.

⁶ Демидов С.В. Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. М., 2001. С. 23–25; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. С.З. Случ. М., 2007; Смирнов В.П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского. М., 2009. С. 9–45; Бабенко О.В. Международные отношения 1930-х годов: закат и крах Версальско-Вашингтонской системы (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. 2011. №1. С. 87–99.

встречающегося подхода к историографии, который сводится к ее пониманию как свода (в худшем варианте — простого перечисления) имеющихся исследований без серьезных попыток их классификации, выявления слабых и сильных сторон, факторов, обусловивших ту или иную авторскую позицию и т.д. Даже применительно к более разработанной проблематике Второй мировой войны главный научный сотрудник ИВИ РАН В. Л. Мальков считал необходимым подчеркнуть важность того, чтобы историографические работы не только «сводили» воедино уже имеющиеся работы, но и содержали в себе «сопоставление и критический разбор точек зрения различных отечественных авторов» [Мальков, 2007, с. 111].

Теоретические основания исследования. Помимо основных принципов исторических исследований (историзма, объективности, всесосторонности рассмотрения объекта) в статье учитываются философские работы Т. Куна и И. Лакатоса по закономерностям развития научных парадигм и научно-исследовательских программ⁷. В формировании теоретического подхода данной статьи значительную роль сыграли социологические работы из двух нередко противопоставляемых течений — веберинского и дюркгеймовского, элементы которых автор ранее попытался синтезировать в рамках предложенной концепции «двойной социализации историка» [Магадеев, 2011]. Особенно важным в этом отношении представляется понятие «габитуса», выдвинутое французским социологом П. Бурдьё и трактуемое исследователями как «система устойчивых предрасположенностей, позволяющая индивиду воспринимать, оценивать окружающее и действовать свойственным только ему способом» [Шматко, 2006, с. 216]. «Габитус» позволяет связать те или иные «индивидуальные» оценки историков с более общими факторами социального порядка.

Понятие «Версальский порядок», вынесенное в заглавие статьи, заимствовано у профессора МГИМО А. Д. Богатурова, характеризовавшего термин «порядок» применительно к международным отношениям как «комплекс конкретных договоренностей и возникших на их основе отношений» [Богатуров, 2009, с. 16].

Исследование: основная часть. Согласно основной гипотезе автора, трактовки стабильности Версальского порядка в Европе в российской историографии отличаются двойственностью: наличием черт как преемственности, так и новизны по сравнению с оценками совет-

⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.

ского периода. Среди вероятных факторов, которые могут объяснять подобную ситуацию, на предварительной стадии исследования были выделены следующие: поколенческий (исследователи, работавшие в советский период, продолжают плодотворно трудиться и на современном этапе), а также общественно-политический (политическая «нагруженность» истории международных отношений межвоенного периода, и особенно 1930-х гг., сохраняющаяся поныне). В рамках работы над статьей указанные гипотезы были уточнены и расширены.

Методология исследования. Статья основывается на использовании базовых методов исторических и историографических исследований (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный), применяющихся в синтезе с теоретическими концепциями, заимствованными из социологии и философии науки. Автор принимал во внимание собственную позицию «включенного наблюдателя» (наблюдателя, который одновременно является полноправным участником исследуемой группы), потенциально имеющую как свои положительные, так и отрицательные аспекты. Участие в работе российского сообщества исследователей межвоенного периода позволяло ему «изнутри» улавливать ряд характерных, нередко невербализуемых «социализированных» факторов, имевших свое влияние на оценки историков. Вместе с тем наличие у автора собственной исследовательской позиции применительно к ряду аспектов истории Версальского порядка, необязательно совпадающей с точкой зрения других исследователей, потенциально могло иметь «деформирующее» влияние на выводы данной статьи. Как показывают иные историографические исследования⁸, свою роль играет и такой момент как лучшее знакомство с одними сюжетами рассматриваемого периода в ущерб другим. Хотя подобное «туннелирование» взгляда представляется почти неизбежным, в статье были предприняты попытки отойти от него.

Материалы исследования. В качестве основных материалов исследования были выбраны характерные, с точки зрения автора, оценки стабильности Версальского порядка в работах российских историков за последние 25 лет. Особое внимание обращалось на наиболее известные и авторитетные труды, пользующиеся популярностью среди исследователей межвоенного периода. При этом учитывался и тот фактор,

⁸ См., к примеру: Романова Е. В. «Европейский концерт» в зеркале британских и американских исследований XX века // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.) / Под ред. А. В. Ревакина. М., 2016. С. 41–65.

что подобные работы, нередко издающиеся в рамках масштабных коллективных проектов под эгидой государственных организаций различного профиля, отражают подчас более традиционные («устоявшиеся») позиции, в то время как наиболее новаторские точки зрения могли формулироваться в менее крупных исследованиях, представляющих тем не менее свой несомненный интерес.

Процедура исследования. Предварительно был выделен круг наиболее представительных, с точки зрения автора, российских работ по истории Версальского порядка. Из них были вычленены наиболее важные в концептуальном отношении подходы к его устойчивости (стабильности). На основе их классификации и типологизации был определен круг наиболее значимых проблем истории Версальского порядка, рассматриваемых в российской историографии, проведен их сравнительный анализ (сопоставление) с точками зрения советских и зарубежных историков, выявлены «белые пятна» и дискуссионные пункты, ликвидация которых может стать перспективным направлением дальнейших исследований.

Описание проведенного исследования. Колоссальные общественно-политические изменения, связанные с распадом СССР и формированием современной России, безусловно, отразились и на российской историографии Версальского порядка. Выделим три наиболее важных, как представляется, трансформации.

Первая из них — расширение источниковой базы за счет большей доступности отечественных и зарубежных архивов, а также новых документальных публикаций. Среди характерных примеров в этом отношении можно назвать получившие признание и на Западе работы Санкт-петербургского историка, ученого секретаря Европейского университета профессора О. Н. Кена и его коллеги, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН А. И. Рупасова⁹, в которых история советской внешней и военной политики была вписана в европейский (прежде всего, восточно-европейский)

⁹ См., к примеру: Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 20-х — середина 30-х гг. СПб., 2002; Его же. Москва и пакт ненападения с Польшей (1930–1932). СПб., 2003; Рупасов А. И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х — начале 1930-х гг. СПб., 2008. Схожая проблематика затрагивается также в различных работах профессора Омского государственного педагогического университета В. А. Зубачевского. См., к примеру: Зубачевский В. А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923 гг.): Геополитический аспект. Омск, 2005.

международно-политический контекст¹⁰. О взаимосвязи между появлением новых источников и политическими изменениями говорили и публикации ранее закрытых «трофейных» французских документов из Российского государственного военного архива (РГВА) в период их возвращения во Францию в 1990-е — начале 2000-х гг., осуществленные московским историком-архивистом С. С. Поповой¹¹. Масштабное рассекречивание документов Коминтерна в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) позволило существенно расширить представление не только о самом Интернационале, но и о механизмах советской внешней политики в межвоенный период¹². Подобное рассекречивание, помимо общих условий «архивной революции» 1990-х гг., вполне можно связать с тем фактором, что наследие Коминтерна (в отличие от документов по политической деятельности СССР как государства) не имело столь большого практического и символического значения для российских органов, от которых зависит снятие грифа «секретно».

Значительную роль в развитии тенденции на расширение источниковой базы играет и процесс размещения российских и зарубежных архивных документов в открытом доступе в сети Интернет. Отметим в этом отношении проекты Росархива, а также Национального архива Великобритании¹³.

Вторая важная трансформация, тесно связанная с первой, — изучение российской историографией «закрытых» ранее тем и проблем

¹⁰ Примечательно в этом смысле, что О. Н. Кен начинал свою профессиональную деятельность с исследований внешней политики Великобритании. См.: Кен О. Н. Великобритания и европейская безопасность (1933–1935 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

¹¹ См., к примеру: Попова С. С. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России (по неопубликованным материалам военного министерства Франции) // Россия и Франция: XVIII–XX века / Отв. ред. П. П. Черкасов. Вып. 1. М., 1995. С. 196–215; ее же. Франция и проблема возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 году: Документы из архивов военного и морского министерств Франции // Россия и Франция: XVIII–XX века / Отв. ред. П. П. Черкасов. Вып. 2. М., 1998. С. 241–271.

¹² См., к примеру: Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997; Ватлин А. Ю. Коминтерн. Идеи, решения, судьбы. М., 2009; Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка. М., 2011.

¹³ Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru> (дата обращения — 20.01.2017); The Cabinet Papers. URL: <http://nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/default.htm> (дата обращения — 20.01.2017).

в истории Версальского порядка. Одной из наиболее показательных в этом смысле можно считать тему советско-германского военно-технического сотрудничества в 1920-е — начале 1930-х гг. При наличии исследований по ней на Западе и в годы «холодной войны», ее разработка отечественными авторами стала возможна лишь после распада СССР. Показательно при этом, что интерес к ней сохраняется и после работ 1990-х гг., претендовавших на некоторую сенсационность¹⁴.

Третье важное изменение, также связанное с более широкими общественно-политическими процессами, — расширение контактов с зарубежными коллегами. Помимо встреч на международных конференциях, значительную роль в данном процессе играли расширившиеся возможности российских историков для поездок в зарубежные архивы и библиотеки (нередко при содействии иностранных грантов). Одним из важных примеров плодотворного академического сотрудничества был сборник по советско-французским отношениям в 1930-е гг.¹⁵, ставший результатом более масштабного проекта по изучению взаимодействия СССР и Франции (с 1919 по 1980-е гг.) совместными усилиями историков ИВИ РАН, МГИМО и парижских университетов (Париж-III и Париж-IV).

Показательно, что, несмотря на современное резкое охлаждение отношений России с Западом, академические контакты продолжают развиваться¹⁶, хотя в ряде случаев этот процесс и был сокращен, что выразилось, в том числе, в приостановке ранее весьма активной деятельности Российско-польской группы по сложным вопросам¹⁷. В развитии контактов российских историков межвоенного периода с зарубежными коллегами значительную роль, помимо иных, играл и личный фактор — завязанные на личном уровне контакты, а также фактор наличия / отсутствия заинтересованных действий со стороны отдельных

¹⁴ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992; Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. М., 2001; Кантор Ю.З. Закрытая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. М., 2014.

¹⁵ СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: сб. науч. ст. / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 2003.

¹⁶ См., к примеру, информацию о деятельности французского Фонда Дома наук о человеке на данном направлении: Renforcer la coopération scientifique entre la France et la Russie. URL: <http://www.fmsh.fr/node/27730> (дата обращения — 20.01.2017).

¹⁷ Международный кризис 1939 года...; Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010.

официальных лиц. Весьма плодотворную в этом смысле роль сыграл постоянный представитель Польской академии наук (ПАН) при РАН профессор М. Волос, историк, специализирующийся на международных отношениях 1920–1930-х гг. и внесший вклад в ряд работ, на страницах которых шел диалог между российским и зарубежными авторами¹⁸.

Диалог не означал, однако, неизбежного нахождения консенсуса. Чем более высокой была (и остается) политическая «нагруженность» того или иного вопроса истории Версальского порядка, тем острее были и противоречия российских и зарубежных историков. Как продемонстрировала, к примеру, крупная международная конференция, организованная в мае 2009 г. Институтом истории ПАН, оценки такого события как советско-германский договор 1939 г. продолжают вызывать достаточно серьезные противоречия¹⁹. Вместе с тем более полное знакомство с точками зрения и наработками друг друга, безусловно, имеет свои преимущества. Среди недавних примеров — успешный международный проект по изучению фашизма и правого радикализма в межвоенном мире, результаты которого были опубликованы на страницах одного из российских научных журналов²⁰.

На фоне имеющих место процессов интернационализации историографии межвоенного периода²¹, говорить о том, что российская историография является ее неотъемлемой частью все же сложно. Помимо языкового барьера, выражающегося, прежде всего, в незнании русского языка зарубежными авторами (причины этого — отдельный вопрос), сказывается и проблема информированности отечественных историков о новейших западных работах. Если расширившийся доступ к электронным базам статей позволяет достаточно оперативно знакомиться с ними, то сокращение возможностей российских библиотек по приобретению монографий и публикуемых сборников документов нередко создает свои сложности.

¹⁸ См., к примеру: Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сб. ст. / Отв. ред. Е. Ю. Сегреев. М., 2011.

¹⁹ См. польский отчет о ней в: Kornat M. Genesis of World War II: Historiography, New Research — New Perspectives // Acta Poloniae Historica. 2009. Т. 100. P. 309–311.

²⁰ Берегиня-777-Сова. 2014. №4(23); Берегиня-777-Сова. 2015. №3(26).

²¹ Показательно в этом контексте, что одно из ведущих мест в изучении истории Франции межвоенного периода занимают канадские историки, многие из которых тесно связаны (заканчивали или работают) с британскими университетами. См.: Webster A. 'France Amidst the World Wars: A Canadian School?' // French History. 2010. Vol. 24. No. 2. P. 138–143.

Помимо факторов, привнесивших новизну в российскую историографию Версальского порядка по сравнению с периодом до 1991 г., существовали обстоятельства, работавшие и на сохранение преемственности оценок с советским периодом. Выделим два из них. Первое из них — «поколенческий фактор». Многие авторитетные отечественные историки межвоенного периода в значительной степени сформировались как исследователи в советский период, «унаследовав» от него и ряд немаловажных оценок. Показательны в этом смысле слова академика Г. Н. Севостьянова, и в 2011 г. оценивавшего Локарнскую конференцию 1925 г. как попытку укрепить «антисоветский блок» и видевшего в ней стремление западных держав «использовать Германию в своих замыслах против СССР» [Севостьянов, 2011, с. 9].

Второй фактор, также в некоторой степени унаследованный от советской эпохи, выражается в наличии определенной «привязки» оценок тех или иных событий к восприятию историками текущей международной и внутриполитической ситуации и «государственных интересов» России. Конкретные проявления данного фактора могут быть различными: от выбора тех или иных сюжетов внутри истории Версальского порядка до занятия конкретной точки зрения по наиболее острым вопросам. Показательными в этом смысле представляется популярность в 1990-е гг., на фоне сотрудничества России и ЕС и доминирования западного вектора российской внешней политики, таких тем как развитие идей и практики европейской интеграции в межвоенный период²², история межвоенного пацифизма²³. Другой пример — очевидный отход в 2000-е гг. от распространенных ранее критических оценок советской внешней политики 1930-х гг. и, в том числе, «пакта Молотова–Риббентропа»²⁴.

Идея о необходимости учитывать (если не отстаивать) то, что понимается под «государственными интересами» России, насколько можно судить, составляет важную часть самовосприятия и, если угодно, «габитуса» многих российских историков. Подобное позиционирование

²² Канинская Г. Н., Наумова Н. Н. История западноевропейской интеграции. Уч. пос. Ярославль, 1998; Объединение Европы и Советский Союз 1919–1932 / Отв. ред. М. М. Наринский. М., 1999.

²³ Мир / Реасе. Альтернативы войне. От античности до конца Второй мировой войны. Антология / Отв. ред. Ч. Чэтфилд, Р. И. Илюхина. М., 1993. Гл. 4; Пацифизм в истории. Идеи и движения мира / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1998.

²⁴ См., к примеру: Дюков А. Р. «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах. М., 2009; Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории. М., 2010. С. 94–131.

усиливается, когда речь идет о наиболее политически «нагруженных» исторических вопросах. По словам одного из военных историков, писавшего недавно об одном из сюжетов историографии Великой Отечественной войны (ВОВ), российская историческая наука «решает задачи не только формирования единого понимания отечественной истории среди граждан России, но и защиты ее государственных интересов на внешнеполитической арене» [Кикнадзе, 2016, с. 47]. Показательно, что задача выявления исторической достоверности не упомянута процитированным автором. Подытоживая, можно отметить, что, хотя тема истории Версальского порядка несколько менее «остра» в этом отношении, чем тема ВОВ, все же (особенно при изучении проблематики истоков (причин) войны) указанное обстоятельство дает о себе знать.

Проблема устойчивости (стабильности) Версальского порядка относится к числу узловых в российской историографии международных отношений в Европе в межвоенный период. Как представляется, сама постановка подобной проблемы, помимо получившего широкое распространение среди российских историков «системного подхода» (при чем истоки этого — еще в советском периоде²⁵), была обусловлена и определенными попытками «деидеологизации» истории, стремлением найти «научные» подходы к изучению международных процессов (при эталоне «науки» в виде естественных и математических дисциплин). Более того, многие понятия марксистско-ленинской парадигмы, в рамках которой не раз ставился вопрос о противоборстве «империализмов» в поисках мировой гегемонии, могли быть вполне органично интегрированы в новые «системные исследования» с важными для них понятиями о «балансе сил» и «полярности» / «центричности».

Говоря о влиянии «системного подхода» на изучение Версальского порядка, показательными являются размышления доцента МГУ Р. А. Сетова. Исследователь считает, что «Версальская модель миропорядка объективно создала доминирование Великобритании и Франции как наиболее мощных государств из стана победителей в Первой мировой войне... Версальская системная модель обрела форму динамичной и гибкой полицентричности ... при доминировании *двухединого ядра* Великобритания — Франция» [Сетов, 2010, с. 181–182]. Усиление кризисных тенденций «Версальского миропорядка» в 1930-е гг. Р. А. Сетов, среди прочего, связывает с ростом количества великих держав (7 вместо 5,

²⁵ Любопытные свидетельства, связанные с обстоятельствами образования в МГИМО в 1976 г. Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа в области международных отношений, см. в: Аналитика МГИМО. 40 лет: 1976–2016 гг. / Под ред. А. А. Орлова, А. Л. Чечевишникова. М., 2016.

существовавших в 1919–1932 гг.), а ситуацию предвоенного кризиса 1938–1939 гг. описывает на «незавершенную биполярность»²⁶. Свою интерпретацию «баланса сил» в Европе во второй половине 1930-х гг., возможно, не без влияния концепции «трехполярности» американского исследователя Р. Швеллера²⁷, предлагает доцент МГУ А. О. Наумов. Он выделяет три ключевые группы держав: 1) демократические государства во главе с Великобританией и Францией, 2) фашистские и милитаристские государства во главе с Германией и Италией и 3) СССР в качестве отдельного центра сила²⁸. Характерно стремление автора совместить анализ ситуации с точки зрения «потенциалов мощи», с одной стороны, и идеологии, с другой. В трактовке А. О. Наумова удачно подчеркнута нестабильность международного положения в Европе: в условиях «трехполярности» существовали постоянные риски сближения двух сторон в противовес третьей. Если Мюнхен наметил угрозу сближения демократических и фашистских государств на антисоветской основе, то «пакт Молотова–Риббентропа» свидетельствовал об укреплении советско-германского «ребра» треугольника.

В целом характеристика модели международных отношений межвоенного периода как «самой недолговечной и непрочной модели организации мирового сообщества» [Манькин, 2001, с. 37] является весьма распространенной среди отечественных исследователей. Однако в понимании конкретных причин и динамики развития неустойчивости Версальского порядка (историки все же редко сводят их исключительно к игре «баланса сил») существуют немаловажные разночтения.

Среди российских (как и среди зарубежных) авторов присутствует различие в подходах к оценке Версальского договора — ключевого из мирных договоров, определявшего международную ситуацию в Европе в межвоенный период. Одна из влиятельных точек зрения, истоки которой можно найти еще в германской публицистике межвоенного периода, а также в оценках В. И. Ленина, видевшего в договоре основу «империалистического мира», закрепившего поражение Германии²⁹, за-

²⁶ Сетов Р. А. Потенциальная реальность или неизбежность? К вопросу о происхождении Второй мировой войны // Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945 гг. М., 2015. С. 721–722.

²⁷ Schweller R. L. Deadly Imbalances. Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest. New York, 1998.

²⁸ Наумов А. О. Кризис Версальской системы, 1936–1938. М., 2005. С. 9.

²⁹ См., к примеру: Из доклада В. И. Ленина «Политический отчет ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б), 22.09.1920 // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 63–64.

ключается в том, что Версальский «диктат», «унизив» Германию, вызвал в ней волну реваншистских настроений, способствовавшую приходу нацистов к власти и, как следствие, развязыванию Второй мировой войны. Профессор МГИМО А. А. Ахтамзян считает, что «материальные причины конфликта Германии с Западом [были] заложены именно в Версале», что «версальский статус Германии» «привел ко Второй мировой войне» [Ахтамзян, 2009, с. 9, 19]. Точка зрения другого авторитетного историка, ведущего научного сотрудника ИВИ РАН Б. М. Туполева, при сходстве с вышеприведенной, имела и свои нюансы. Солидаризируясь с идеей о том, что «Версальский мирный договор стал предвестником Второй мировой войны», он вместе с тем справедливо отмечает, что «несмотря на суровость его условий, Германия все же сохранилась тогда как великая европейская держава... Версальский договор в сравнении с военными целями Германии в Первой мировой войне и мирным урегулированием после Второй мировой войны, был еще относительно мягким» [Туполев, 2006, с. 38, 43]. Последнюю идею до логического конца доводит ведущий научный сотрудник ИВИ РАН В. К. Шацилло, приходя, однако, к радикально отличному от вышеуказанных выводу: «... возрождение реваншизма, угар национализма и зарождение нацистской идеологии связано вовсе не с жесткими условиями Версальского мира, а с тем, что эти условия вскоре вообще перестали соблюдаться» [Шацилло, 2011, с. 39].

Как можно заметить, критика Версальского договора рядом российских историков (на фоне растущей тенденции зарубежных историков «оправдывать» и контекстуализировать его³⁰) нередко является составной частью идеи о своего рода «преемственности» Первой и Второй мировой войн, наличии истоков второго глобального конфликта в характере урегулирования по результатам первого³¹. Подобная концепция задает рассмотрение Версальского порядка с акцентом на его нестабильность, на нараставшие в 1919–1939 гг. кризисные тенденции, закономерно приведшие к новому вооруженному противостоянию. Характерным в этом смысле является анализ международных отношений в Европе под рубрикой

³⁰ The Treaty of Versailles: A Reassessment after 75 Years / Ed. by M.F. Boemeke, G.D. Feldman, E. Glaser. Cambridge, 1998. См. также: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М., 2014. С. 445–446.

³¹ См. подробнее: Магадеев И. Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 34–61.

«От Версаля до Мюнхена»³². По мнению некоторых авторов, внутренняя цельность указанного периода связана и с доминированием антисоветского курса западных держав: «Такие события, как Версальская мирная конференция, Локарнский гарантийный пакт, Мюнхенская сделка или Фултонское выступление Черчилля, вошли в историю как попытки западных держав решить свои противоречия за счет народов и направить агрессивные устремления держав „оси“ против ... Союза ССР» [Ахтамзян, 2009, с. 4].

Слабостью подобных оценок, имеющих очевидную преемственность с советской историографией, является тот факт, что межвоенный период в определенной степени «опускается за скобки» и рассматривается преимущественно под углом зрения грядущей Второй мировой войны. Вместе с тем более детальные исследования отдельных сюжетов из истории международных отношений 1920–1930-х гг. подводили отечественных историков к пониманию неоднозначности и внутренней сложности межвоенного периода, не сводимого к «прологу» будущего вооруженного конфликта.

Так, в целом ряде работ наблюдается ошутимый отход от бытовавших в советской литературе идей о Локарнских соглашениях 1925 г. как «начале подготовки Второй мировой войны» [Карой, 1961, с. 3]. Анализ соглашений, скорее, ведется в русле оценки менявшегося «баланса сил» (традиционно отмечается ослабление позиций Франции при укреплении положения Великобритании и Германии)³³; нередко признается роль соглашений в определенной стабилизации международной обстановки («малая разрядка 1926–1932 гг.»), что роднит современную российскую историографию с зарубежными тенденциями³⁴. При этом оценка потенциала подобной стабилизации остается по преимуществу низкой³⁵ (что контрастирует с большим оптимизмом некоторых, хотя и не всех, западных авторов³⁶).

³² Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2002. Гл. 1; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. М., 2012. С. 133–161; Федоров А. Б., Голядкин Г. Н. От Версаля до Мюнхена: где искать истоки Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №1. С. 17–20.

³³ См., к примеру: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. С. 144.; Прокопов А. Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №2. С. 116.

³⁴ *Locarno Revisited: Europe Diplomacy, 1920–1929* / Ed. by G. Johnson. London, 2004.

³⁵ Горюхов В. Н. История международных отношений, 1918–1939. М., 2004. С. 149; Сидоров А. Ю., Клейменова Е. Н. История международных отношений 1918–1939. М., 2006. С. 465–467; С. 182; Белоусова З. С., Наджафов Д. Г. «Малая разрядка» в Европе и ее угасание (1926–1932) // Системная история международных отношений в двух томах / Под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1. М., 2009. С. 182.

³⁶ См., прежде всего: Cohrs P. O. *The Unfinished Peace After World War I: America, Britain and the Stabilisation of Europe, 1919–1932*. Cambridge, 2006.

При весомых аргументах в пользу оценки «стабилизирующей» роли Локарнских соглашений для Версальского порядка нельзя отметить одного дополнительного обстоятельства. Даже оставляя в стороне теоретические дискуссии о понятии «стабильность» в международных отношениях (о ее структурных факторах, соотношении с понятием «безопасность» и т.д.³⁷), вряд ли его можно признать его полностью «нейтральным» и лишенным оценочной «нагрузки». Стабильность Локарно воспринималась в качестве желаемого состояния державами статус-кво (Великобритания, Франция), однако оценивалась Германией и Советским Союзом иначе: как начальный этап в постепенной ревизии Версаля в первом случае и как угроза, близкая к непосредственной, во втором. Для Берлина и Москвы подобная «стабилизация» была в лучшем случае относительной. Напротив, исследователи, пишущие о благотворной для международной ситуации роли Рапалло также по-своему правы, если смотреть на положение дел из Москвы или Берлина, однако точки зрения Лондона и Парижа на советско-германские договоренности 1922 г. были совсем иными³⁸. «Стабильность» 1920-х гг. остается относительным понятием во всех смыслах этого слова.

Возвращаясь к оценкам российскими историками отдельных элементов и процессов внутри Версальского порядка, можно заметить, что более взвешенными по сравнению с советским периодом стали точки зрения в отношении Лиги наций и ее роли в обеспечении стабильности в Европе. При сохранении реализма по вопросу возможностей международной организации («...Лига наций была успешной там, где царил согласие держав и где не затрагивались их жизненные интересы» [Романова, 2014, с. 459]), больше внимания стало уделяться нередко успешной деятельности Лиги в сфере неполитических вопросов³⁹. Наблюдался отход от резко негативных оценок советской историографии в отношении инициатив по европейской интеграции в межвоенный

³⁷ См., к примеру: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. Гл. 2; Романова Е.В. Структурные факторы системной стабильности // Основы общей теории международных отношений: Уч. пос. / Под ред. А.С. Маныкина. М., 2009. С. 511–545.

³⁸ Настроения тогдашнего премьер-министра Франции Р. Пуанкаре см. в: Poincaré à Saint-Aulaire, 2 mai 1922 // Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919 — 7 décembre 1923). Paris, 1924. P. 141–143.

³⁹ Ходнев А.С. Международная организация в ожидании приговора: Лига Наций в мировой политике, 1919–1946. Ярославль, 1995.

период (пан-европейское движение, вдохновленное графом Р. Куденхофе-Калерги; инициативы французского министра иностранных дел А. Бриана и др.)⁴⁰. Особенно показательными в этом смысле можно считать работы 1990-х гг. ведущего научного сотрудника ИВИ РАН З. С. Белоусовой⁴¹, еще в 1960-е гг. заявившей о себе как специалисте по внешней политике Франции межвоенного периода и неизбежно занимавшей в советский период иные позиции⁴².

Для проанализированных выше оценок устойчивости / неустойчивости Версальского порядка характерен (обычно негласный) акцент на «германском вопросе». Вместе с тем исследователи, занимающие историей иных европейских суб-регионов, нередко рассматривают Версальский порядок через призму «своих» проблем⁴³. В качестве позитивного момента российской историографии можно отметить внимание исследователей не только к великим державам, но и к фактору «малых» и «средних» стран и их «вклада» в стабилизацию / дефигурацию международных отношений в межвоенный период. В Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, территориях, где «эхо» распада империй давало о себе знать еще долго после войны, неустойчивость Версальского порядка была наиболее очевидна: «Заключенные в результате войны договоры не принесли стабильности...» [Романова, 2014, с. 468].

Во многом в русле мировой историографии, где новейшие работы по международным отношениям в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе позволяют по-новому взглянуть на Версальский порядок в целом⁴⁴, в отечественной историографии растет внимание к проблемам влияния мирного урегулирования 1919–1920 гг. на судьбы указанных территорий и народов. В центре внимания вопросы о последствиях распада Австро-Венгерской империи и взаимодействии

⁴⁰ Объединение Европы и Советский Союз...; Чубарьян А. О. Российский европеизм. М., 2005; Громова А. В. Рихард Куденхов-Калерги и пан-европейское движение в 1930-е годы XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

⁴¹ См., к примеру: Белоусова З. С. План Бриана и позиция СССР в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1992. №6. С. 47–57.

⁴² Белоусова З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964; ее же. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976.

⁴³ Восточная Европа после Версаля / Отв. ред. И. И. Костюшко. СПб., 2007.

⁴⁴ См., к примеру: Davion I. *Mon voisin, cet ennemi: la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939*. Bruxelles, 2009; Bakić D. 'Must Will Peace': The British Brokering of 'Central European' and 'Balkan Locarno', 1925–9 // *Journal of Contemporary History* 2013. Vol. 48. No. 1. P. 24–56.

«государств-наследников» друг с другом и великими державами⁴⁵; негативная роль противоречий средних и малых держав друг с другом, усугублявшая дестабилизирующие тенденции, связанные с соперничеством великих держав⁴⁶; дилеммы внешней политики межвоенной Польши как одной из ключевых «средних держав» и влияние действий Варшавы на общеевропейскую ситуацию⁴⁷; роль фактора национальных меньшинств⁴⁸.

Еще одной проблемой российской историографии Версальского порядка, непосредственно связанной с вопросом стабильности, является вопрос об истоках (причинах) Второй мировой войны, частично затронутый выше. В силу его обширности остановимся лишь на ключевых пунктах.

Общепринятой среди отечественных исследователей является точка зрения о решающей роли нацистской Германии в развязывании войны. Очевидный континуитет с советским периодом воплощает в себе, к примеру, фигура одного из ведущих исследователей данной проблемы, главного научного сотрудника Института экономики РАН, профессора В. И. Дашичева. В своих пост-советских работах он продолжал развивать тезисы, сформулированные в 1960–1970-е гг., в том числе идею о преемственности военных планов нацистской и кайзеровской Германии, выступая против имеющихся в зарубежной историографии идей о роли «импровизации» в гитлеровской стратегии⁴⁹. Линию на преемственность

⁴⁵ Станков Н. Н. Дипломатические отношения Веймарской Республики и Чехословакии, 1918–1924. Волгоград, 2007; Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: От национальных движений к созданию национальных государств / Отв. ред. М. Волос, Г. Д. Шкундин. Т. 1. М., 2012; Пресняков А. З. Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии: роль великих держав (1918–1921 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014.

⁴⁶ Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004; Павлова М. С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016.

⁴⁷ Среди новейших работ см.: Польша в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012.

⁴⁸ Носкова А. Ф. Национальные меньшинства в Восточной Европе: геополитический ракурс проблемы (от Первой ко Второй мировой войне) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века: сб. ст. СПб., 2011. С. 150–165; Яжборовская И. С. Гитлеровская агрессия и судьбы народов и меньшинств Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Берегиня-777-Сова. 2015. №3(26). С. 103–111; Фомин А. М. Национальный вопрос в политике великих держав в Европе в Первой и Второй мировых войнах // Вторая мировая война в истории человечества. С. 405–415.

⁴⁹ См, среди прочего: Дашичев В. И. Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.) // Вестник МГИМО–Университета. 2009. №4.

оценок с советской историографией по данному вопросу во многом закрепляет и недавняя коллективная монография по немецкому военному планированию, осуществленная в рамках гранта РФГФ⁵⁰.

Еще один традиционный пункт при обсуждении проблемы истоков войны — политика «умиротворения» Германии (в меньшей степени — Италии) со стороны западных держав, прежде всего, Великобритании и Франции. В отличие от зарубежной (и, пожалуй, в первую очередь британской) историографии, где процесс пересмотра традиционной критики «умиротворения» идет уже в течение нескольких десятилетий⁵¹, российские историки, по большей части, придерживаются позиции, в основе своей сложившейся в советский период, а во многом — сформулированной и самими участниками событий во главе с И. В. Сталиным⁵². Один из очевидных показателей того — резко негативные оценки Мюнхенского «сговора», который напрямую связывается с попытками «направить гитлеровскую агрессию на восток», с последующим началом Второй мировой войны, в качестве «пролога» которой рассматривается и само соглашение 1938 г.⁵³

В целом, «предвоенный кризис» остается для отечественных исследователей тем «наблюдательным пунктом», из которого оценивается весь Версальский порядок (схожей, к примеру, ранее была ситуация и во французской историографии, «плененной» фактом поражения 1940 г.⁵⁴). Однако хронологические рамки как политики «умиротворе-

С. 72–80; его же. Европа в завоевательных планах германского фашизма // Берегиня: 777-Сова. 2014. №4(23). С. 221–238.

⁵⁰ Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М., 2015.

⁵¹ Hucker D. The Unending Debate: Appeasement, Chamberlain and the Origins of the Second World War // Intelligence and National Security. 2008. Vol. 23. No. 4. P. 536–551.

⁵² См.: XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1939; Фальсификаторы истории. М., 1948. См. также замечания о роли сталинских интерпретаций в последующих исторических трудах о Великой Отечественной войне в: Кудряшов С. В. В поисках истории войны // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. М., 2010. С. 12–20.

⁵³ В недавнем фундаментальном труде о ВОВ Мюнхенская конференция характеризуется как «фатальное политическое событие, которое в итоге привело ко Второй мировой войне» (Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. С. 158). См. также: Христовор В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // Новая и новейшая история. 2009. №1. С. 21–47.

⁵⁴ Boyce R. P. Introduction. 1940 as End and Beginning in French Inter-War History and Historiography // French Foreign and Defence Policy, 1918–1940 / Ed. by R. Boyce. London, 1998. P. 1–9.

ния», так и самого кризиса Версальского порядка остаются размытыми. Тенденции «умиротворения» и увязываемые с ними попытки направить немецкую экспансию «на восток» находят еще на ранних стадиях развития Версальского порядка — в 1925–1926 гг.⁵⁵ (аналогичными были оценки в советских и, к примеру, французских работах 1970-х гг.)⁵⁶. Одновременно на фоне максимально широких трактовок «умиротворения» затушевывается вопрос о деталях динамики развития «предвоенного кризиса» в Европе. На фоне отхода (хотя и не повсеместного) от характерной для советской историографии точки зрения о начале кризиса и неизбежности войны с момента прихода А. Гитлера к власти в 1933 г., палитра имеющихся оценок остается, однако, весьма широкой: 1936 г. (ремилитаризация Рейнской области)⁵⁷, 1937–1938 гг. (без указания конкретных событий)⁵⁸, не ранее 1938 г. (Мюнхенская конференция)⁵⁹. При этом определение в качестве «пролога Второй мировой войны» можно встретить применительно и к более ранним событиям⁶⁰.

Если Мюнхенское соглашение является предметом во многом солидарной критики со стороны российских исследователей, то советско-германский договор о ненападении 1939 г., напротив, рассматривается как оправданный. Различными авторами подчеркиваются стратегические резоны и выигрыши СССР от подписания договора о ненападении с Германией⁶¹; сам договор по преимуществу оценивается как вынужденная мера в условиях неготовности Великобритании и Франции идти на подлинный союз с Москвой и оппозиции Польши по вопросу транзита войск⁶². Различия в позициях большинства российских историков от

⁵⁵ Горохов В. Н. Указ. соч. С. 150; Демидов С. В. Европейская внешняя политика Великобритании в 1919–1939 гг. // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. Сб. ст. М., 2005. С. 316.

⁵⁶ См., к примеру: Bariéty J. Les relations franco-allemandes après la Première guerre mondiale. Paris, 1977. P. 115.

⁵⁷ Наумов А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 96.

⁵⁸ Манькин А. С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Основы общей теории международных отношений. С. 72.

⁵⁹ Сетов Р. А. Потенциальная реальность или неизбежность? С. 723.

⁶⁰ Романова Е. В. Англо-германское морское соглашение 1935 г. — пролог Второй мировой войны // Преподавание истории и обществознания в школе. 2016. №1. С. 3–16.

⁶¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. С. 246–247.

⁶² См., к примеру: Война и общество 1941–1945. Кн. 1 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004. С. 9.

носителем «пакта Молотова–Риббентропа» касаются, скорее, нюансов, нежели сути. Авторы, более умеренные в своих оценках, больше говорят о советско-германском соглашении 1939 г. как об «упущенном шансе» на союз с западными демократиями на антигитлеровской основе⁶³, ставят вопрос о сомнительности договора с морально-этической стороны (хотя и подчеркивая «железные» стратегические императивы в его пользу⁶⁴), подвергают критике процесс более инициативного сближения с нацистской Германией, последовавший после заключения «пакта» о ненападении⁶⁵. Сторонники более жесткой точки зрения расценивают договор преимущественно с «победной» точки зрения («...советско-германский пакт о ненападении можно расценивать как значительную удачу советской дипломатии, которая смогла переиграть британскую дипломатию и достичь своей основной цели — остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе...» [Мельтюхов, 2000, с. 93]), стремясь подчас максимально политизировать историческую оценку соглашения и наступательно (если не агрессивно) критикуя своих оппонентов⁶⁶.

По-настоящему иные, с концептуальной точки зрения, оценки остаются относительно редкими. Наиболее известны, пожалуй, позиции, занятые старшим научным сотрудником Института славяноведения РАН С. З. Случом и О. Н. Кеном⁶⁷. Обоих объединяет отказ от идеи вынужденного для СССР характера договора о ненападении с Германией, акцент на экспансионистских целях Кремля и дефектности его концепций безопасности.

В этом отношении преемственность в оценках происхождения Второй мировой войны напрямую связана с континуитетом в интер-

⁶³ Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. // Вестник МГИМО–Университета. 2009. №4. С. 177–184.

⁶⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. С. 248.

⁶⁵ Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008.

⁶⁶ Дюков А. Р. Указ. соч.; Нарочницкая Н. А. Указ. соч.

⁶⁷ Случ С. З. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. М., 1999. С. 77–168; его же. Пакты Молотова–Риббентропа в советской и российской историографии // Польша–СССР, 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого / Отв. ред. Э. Дурачински, А. Н. Сахаров. М., 2005. С. 49–65; Кен О. Н. System error? Москва и западные соседи в 1920–30-е гг. // Неприкосновенный запас. 2002. №4. С. 29–35; Ken O. Le double aspect de la stratégie soviétique en Europe centrale et orientale (1925–1939) // Communisme. 2003. No. 74/75. P. 45–70.

претации советской внешней политики межвоенного периода. Несмотря на скепсис некоторых зарубежных историков, российские авторы отстаивают искренность и убежденность советского руководства в ставке на «коллективную безопасность» во второй половине 1930-х гг. Показателен и сохраняющийся с советского периода подход к оценке Мюнхенского соглашения через призму идеи о том, что западные державы тем самым «подталкивали» гитлеровскую агрессию на Восток⁶⁸. Однако, как справедливо подмечает профессор МГУ В. П. Смирнов, неотвеченным остается вопрос о том, «как именно Германия могла бы напасть на Советский Союз, отделенный от нее территориями Польши, Румынии и Литвы, пользовавшихся поддержкой Англии и Франции» [Смирнов, 2009, с. 21]. Схожая проблема (отсутствие развернутого описания и детализации) касается и тезиса, сохраняющегося в отечественной историографии, о готовности СССР в одиночку оказать помощь Чехословакии в 1938 г. Сведения о «частичном отмобилизовании» советских войск 28 и 29 сентября 1938 г., появившиеся еще в 1950–1970-е гг.⁶⁹, при всем их значении не дают ответа на вопросы: как Москва собиралась отправлять сухопутные войска в Чехословакию? шла ли речь лишь о потенциальной помощи авиацией? насколько серьезны были советские намерения (частичную мобилизацию в период Мюнхенского кризиса, проводила, к примеру, и Франция)⁷⁰? Во многом камнем преткновения при ответах на эти вопросы остается недостаток доступных исследователям архивных источников.

Безусловно, процесс переосмысления или, как минимум, уточнения реалий советской внешней политики, отделение пропаганды от подлинных мотивов и намерений имеет место, подтверждениями чему, к примеру, является лучшее, чем ранее, понимание двойственностей подхода к советско-французскому договору 1935 г., не только

⁶⁸ См., к примеру: Война и общество в XX в. Кн. 2. М., 2008. С. 70.

⁶⁹ Захаров М. В. Накануне Второй мировой войны (май 1938 — сентябрь 1939) // Новая и новейшая история. 1970. №5. См. также: Смирнов В. П. Указ. соч. С. 17–18.

⁷⁰ Позднее, в ходе Тегеранской конференции 1943 г., Сталин заявлял западным союзникам, что «он лично никогда не верил, что чехи собираются воевать» (Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Washington, 1961. P. 837). При этом вскоре, во время переговоров с Э. Бенешем в Москве в декабре, Сталин уже всерьез говорил о тогдашней (в 1938 г.) готовности оказать помощь Чехословакии, хотя и не убедил в этом членов чехословацкой делегации (Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) / Публ. В. В. Марьиной // Вопросы истории. 2001. №1. С. 13).

со стороны Парижа, но и Москвы⁷¹, признание того, что громкие призывы СССР к разоружению в 1920-е гг. во многом были нацелены на получение пропагандистских и «имиджевых» дивидендов, противореча реальным настроениям Кремля, обеспокоенного внешней угрозой и нацеленного на укрепление советских вооруженных сил⁷².

Результаты исследования. На основе разбора характерных точек зрения отечественных исследователей можно констатировать, что проблема стабильности Версальского порядка предстает в российской историографии в различных аспектах: это и дискуссии о долгосрочной роли мирных договоров 1919–1920 гг. в генезисе новой войны, и оценка степени стабилизации, достигнутой во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., и проблематика причин Второй мировой с упором на агрессивные планы нацистской Германии и последствия политики «умиротворения». При наличии ряда внутренних (хотя часто латентных) дискуссий между российскими исследователями, в качестве весомой тенденции была выявлена значительная преемственность оценок ряда ключевых событий межвоенного события (Мюнхенский договор 1938 г., советско-германский договор о ненападении 1939 г. и др.) с точками зрения, имевшимися в советской историографии. При этом была продемонстрирована и новизна в ряде оценок немаловажных событий (Локкарнские соглашения, инициативы в сфере европейской интеграции и др.), большой реализм при оценке отдельных сюжетов (в т.ч. внешней политики СССР). При очевидных параллелях в развитии определенных тем с зарубежной историографией были кратко обозначены и сохраняющиеся пункты противоречий, особые позиции, отстаиваемые российскими авторами.

Анализ результатов. Можно заметить, что оценки российских историков по проблеме стабильности Версальского порядка отличаются противоречивостью в двух отношениях. Во-первых, по ряду ключевых вопросов истории международных отношений межвоенного периода наблюдаются иногда имплицитные, а подчас и весьма острые дискуссии, обусловленные несовпадением исследовательских позиций. Показательно, что они затрагивают как Версальский договор 1919 г., так и советско-германский договор 1939 г., находящиеся на крайних точках рассматриваемого хронологического периода. Во-вторых, противоре-

⁷¹ Наринский М. М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. С. 69–103. См. также: Чельшев И. А. СССР — Франция: трудные годы. 1938–1941. М., 1999.

⁷² См., к примеру: Минц М. М. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

чивость оценок связана с их неоднородностью в сравнении с точками зрения советской историографии: при наличии значительного континитета имеется и целый ряд элементов новизны.

Подобная противоречивость, как представляется, обусловлена факторами как субъективного, так и объективного порядка. Расширение источниковой базы и проблематики исследований, усиление контактов с зарубежной историографией и политологией, заимствование ряда их идей и методов — все это работало на отход от многих устоявшихся позиций прошлого. Вместе с тем такие обстоятельства как «поколенческий» фактор, а также некоторая преемственность в самовосприятии, «габитусе» многих отечественных исследователей (чуткость к тенденциям развития политической ситуации, стремление в своих работах отстаивать то, что рассматривается как «государственные интересы» России) оказывало противоположное влияние. В целом, преемственность оценок была наиболее очевидной в наиболее политически «нагруженных» и поныне вопросах истории Версальского порядка — Мюнхенское соглашение, «пакт Молотова — Риббентропа».

Российская историография Версальского порядка, до конца не ставшая органической частью мировой историографии (в силу разных причин), находится с ней тем не менее в достаточно плотном диалоге. Об этом говорят не только сходные оценки ряда событий, но и прямые дискуссии с иностранными коллегами на страницах тех или иных работ. Немаловажным отличием, однако, является меньшая роль «ревизионистских» работ по ключевым темам истории Версальского порядка по сравнению с западными (прежде всего, британскими) исследованиями.

Проведенный анализ имеющихся оценок проблемы стабильности международных отношений в Европе в 1920–1930-е гг. демонстрирует, как представляется, некоторый избыток телеологии. Версальский порядок нередко имплицитно рассматривается «задом наперед»: из ситуации «предвоенного кризиса» 1930-х гг., пути к которому ищутся в более ранней истории. Больше внимания можно уделить прояснению терминов⁷³, а также конкретизации хронологии и дина-

⁷³ Сейчас они достаточно многочисленны. Помимо используемого в данной статье «Версальского порядка» (не самого популярного термина), исследователи используют широкий круг понятий, за которыми скрываются, по сути, различные концепции: Версальская / Версальско-Вашингтонская система, Версальская модель системы международных отношений, Версальско-Вашингтонская международно-правовая система.

мики «предвоенного кризиса» (когда война стала неизбежной), дабы в качестве подобного кризиса не представлял весь межвоенный период. Аналогичным образом детализации заслуживает и устоявшее понятие политики «умиротворения»: когда она началась? была ли она всегда столь пагубна, как принято описывать применительно к событиям 1938–1939 гг.? Характерно, что, несмотря на неоднократно раздававшиеся голоса в пользу детализации и уточнения понятия «англо-французской политики умиротворения»⁷⁴ (внешняя политика Парижа отнюдь не всегда руководствовалась лишь наставлениями «английской гувернантки»⁷⁵), документированные попытки сделать это остаются достаточно редкими⁷⁶.

Плодотворным для будущих отечественных исследований можно считать попытки ликвидировать различные «дисбалансы» в изучении Версальского порядка («перекос» в сторону 1930-х гг. по сравнению с 1920-ми гг.; акцент на дипломатической истории при значительно меньшем внимании к экономической и военной). Можно задуматься и о потенциально более серьезных трансформациях. Насколько уместно оставаться в рамках классической истории международных (межгосударственных) отношений при изучении межвоенного периода, очевидным образом выявившего неразрывную связь стабилизации во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом смысле? Есть ли резоны попытаться сменить исследовательскую «оптику», вписав историю Версальского порядка в более широкие хронологические пласты: к примеру, в период 1870–1945 гг., в центре которого может стоять проблема объединения Германии и ее долгосрочных последствий⁷⁷, или в период двух мировых войн (1914–1945 гг.)⁷⁸? Весьма перспективной представляется и осторожно нащупываемая тема «ин-

⁷⁴ Чубарьян А. О. Упущенные возможности и исторические уроки // Европа между миром и войной, 1918–1939 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1992. С. 216; Демидов С. В., Малафеев К. А. Эдуард Даладьё: человек и политик // Новая и новейшая история. 2001. №4. С. 102.

⁷⁵ Bédarida F. La «gouvernante anglaise» // Edouard Daladier, Chef de Gouvernement / Sous la dir. de R. Rémond, J. Bourdin. Paris, 1977. P. 228–240.

⁷⁶ См., к примеру: Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Указ. соч. С. 181–182; Ермакова М. А. Проблема международной безопасности во франко-американских отношениях (1933–1938 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 174–175.

⁷⁷ См., к примеру: Montbrial T. de. L'action et le système du monde. Paris, 2002. P. 127.

⁷⁸ Одну из точек зрения в пользу этого см. в: Сергеев Е. Ю. Российская ассоциация историков Первой мировой войны: задачи и перспективы // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 1. М., 2014. С. 8.

теграции» СССР в Версальский порядок⁷⁹, которая могла бы способствовать преодолению остатков «черно-белого» видения различных этапов межвоенной истории.

Заключение. Проведенное исследование проблемы стабильности Версальского порядка в российской историографии, построенное на синтезе методов историографического анализа и социологии, выявило неоднородность оценок отечественными авторами ряда ключевых проблем истории международных отношений межвоенного периода в Европе. Современная отечественная историография данной проблемы предстает менее монолитной, чем ее советский предшественник, более дифференцированной в отношении подходов и методов, хотя и при достаточно широком принятии (по крайней мере, декларативно) «системного подхода». Дискуссионными остаются узловые вопросы истории Версальского порядка: роль Версальского и иных мирных договоров в стабилизации / дестабилизации международной ситуации, динамика развития последней в Европе, роль ключевых событий в данном процессе, начало и эволюция «предвоенного кризиса».

Развитию российской историографии значительно способствовали расширение ее источниковой базы после 1991 г., давшее возможность разрабатывать ранее «закрытые» темы, плодотворный диалог с зарубежной историографией и политологией. Вместе с тем выявленный в результате проведенного исследования значительный континуитет в оценке ряда важнейших моментов в истории Версальского порядка говорит о своего рода промежуточном положении отечественных исследований данной проблемы. «Наследие» советского периода несут в себе маститые историки, сформировавшиеся в более ранний период и плодотворно работающие до сих пор. Подобное «наследие», отражаясь в определенной преемственности «государственных интересов» СССР и современной России, сказывается в политической «нагруженности» ряда исторических вопросов, что косвенно склоняет к континуитету с советским периодом и в исследовательских оценках. При этом истоки подобного континуитета можно обнаружить и еще глубже: нередко в основе лежат точки зрения, сформулированные еще самими участниками исторических событий 1920–1930-х гг. Косвенно в качестве «наследия» советского периода можно рассматривать и самовосприятие многих отечественных историков, позиционирующих свою

⁷⁹ Хормач И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М., 2011. Применительно к более позднему хронологическому этапу см.: Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х годов. М., 2011.

работу, прежде всего, в русле отстаивания того, что понимается под «национальными интересами» государства.

В целом промежуточное положение российской историографии Версальского порядка является отражением общественно-политических процессов более широкого плана, протекающих в современной России, уходящей от советского прошлого, но и несущей в себе многие его черты.

Литература

1. Ахтамзян А. А. Профили рапалльской дипломатии (очерки). М.: МГИМО–Университет, 2009. 288 с.
2. Богатуров А. Д. Системное начало и полярность в международных отношениях XX века // Системная история международных отношений в двух томах / Под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1. М.: Культурная революция, 2009. С. 14–29.
3. Карой Л. Великобритания и Локарно. М.: Издательство ИМО, 1961. 144 с.
4. Кикнадзе В. Г. Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР. Обзор монографических исследований // Военно-исторический журнал. 2016. №1. С. 47–54.
5. Магадеев И. Э. На грани двух миров: проблема двойной социализации историка и ее решения // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 4. С. 21–26.
6. Мальков В. Л. Жизнь и смерть Великого альянса. (По поводу новой книги В. О. Печатнова) // Новая и новейшая история. 2007. №2. С. 108–115.
7. Маныкин А. С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений. Уч. пос. / Отв. ред. А. С. Маныкин. М.: МГУ, 2001. С. 11–41.
8. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. 606 с.
9. Романова Е. В. Планы держав-победительниц и мировые реалии // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. М.: МГУ, 2014. С. 445–459.
10. Севостьянов Г. Н. Предисловие // Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 1. М.: Наука, 2011. С. 6–10.
11. Сетов Р. А. Современный миропорядок и государственные интересы России. М.: Три квадрата, 2010. 386 с.
12. Смирнов В. П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / Под ред. М. М. Наринского и С. Дембского. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 9–45.

13. Туполев Б. М. Роль Версальского мирного договора в происхождении Второй мировой войны // Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России. Материалы международной научной конференции (Кемерово, 23–25 сентября 2005 г.) / Под ред. Ю. В. Галактионова. Кемерово — М.: Российские университеты, 2006. С. 38–43.
14. Шацилло В. К. Проблема изменения территориальных границ Германии по итогам Версальского мира // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сб. ст. / Отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 34–41.
15. Шматко Н. А. Габитус // Большая Российская энциклопедия. Т. 6. М.: БРЭ, 2006. С. 216.

PROBLEM OF VERSAILLES ORDER STABILITY IN EUROPE VIEWED BY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

I. E. Magadeev

Abstract. *Though the time lapse is growing, history of international relations in Europe during the inter-war period remains both an attractive topic for scholars, as a potential and actual source of different social and political discussions. Sheer number of the Russian researches centered on the Versailles order problematic is growing during the last 25 years, but the full-value historiographical essays remain scarce, situation which reflects, inter alia, a deficit of self-reflection made by community of the Russian historians. This article basing on the mix of historiographical and sociological methods analyses the most characteristic scholar interpretations of the problem of Versailles order stability published between 1991 and 2016. The procedure was as follows. First, the above-mentioned interpretations and estimates were extracted from both the authoritative and path-breaking works. Second, they were analysed under the three main topics: the main points of discussions, continuity / originality as compared to the Soviet historiography, brief comparison to the leading interpretations of the Western scholars. After the research was made, it became evident that the Russian historiography of the Versailles order is not monolithic. Both tendencies, first, continuity as regards the Soviet period opinions (especially as regards such events as Munich agreement and Soviet-German non-aggression pact) and, second, novelty were detected. The continuity of interpretations can be attributed to such reasons as “generation-factor”, political “weight” of some historiographical problems, and peculiarities of self-positioning by many Russian historians. Amongst the circumstances responsible for promoting changes, the more wide-access to archival and published sources, new research methods, intensification of contacts with the Western historiog-*

raphy and political science were designated as the most important. In the end of the article author proposed some perspective, in his opinion, ways of further research.

Keywords: *Versailles order, historiography, Second World War*

References

1. Akhtamzian, A. A. (2009). *Profili rapall'skoi diplomatii (ocherki)* [Profiles of Rapallo diplomacy (essays)]. Moscow: MGIMO-Universitet.
2. Bogaturov, A. D. (2009). *Sistemnoe nachalo i poliarnost' v mezhdunarodnykh otnosheniakh XX veka* [System principle and polarity in the international relations of the XX century]. In A. D. Bogaturov (ed.). *Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v dvukh tomakh* [System history of international relations in two volumes]. T. 1 (pp. 14–29). Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia.
3. Karoi, L. (1961). *Velikobritaniia i Lokarno* [Great Britain and Locarno]. Moscow: Izdatel'stvo IMO.
4. Kiknadze, V. G. (2016). *Politiko-strategicheskoe sodержanie planov Tret'ego reikha v otnoshenii SSSR. Obzor monograficheskikh issledovani* [Political and strategical contents of Third Reich plans against USSR. Review of monographic studies]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military and historical journal], 1, 47–54.
5. Magadeev, I. E. (2011). *Na grani dvukh mirov: problema dvoinoi sotsializatsii istorika i ee resheniia* [On the edge of two worlds: the problem of dual socialization of the historian and its solutions]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* [Historical journal: scholar studies], 4, 21–26.
6. Mal'kov, V. L. (2007). *Zhizn' i smert' Velikogo al'iansa. (Po povodu novoi knigi V. O. Pechatnova)* [Life and death of the Grand Alliance. (Apropos of the new book of V. O. Pechatnov)]. *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and contemporary history], 2, 108–115.
7. Manykin, A. S. (2001). *Sistemnost' v mezhdunarodnykh otnosheniakh: sodержanie, prichiny formirovaniia i etapy razvitiia* [System principle in the international relations: contents, origins and evolution]. In A. S. Manykin (ed.). *Vvedenie v teoriu mezhdunarodnykh otnoshenii. Uch. pos.* [Introduction to the theory of international relations. Reading book] (pp. 11–41). Moscow: MGU.
8. Mel'tiukhov M. I. (2000). *Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soiuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941* [Stalin missed opportunity. Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1941]. Moscow: Veche.
9. Romanova E. V. (2014). *Plany derzhav-pobeditel'nits i mirovye realii* [Plans of victorious Powers and the world realities]. In L. S. Belousov, A. S. Manykin (eds.). *Pervaia mirovaia voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* [First World War and the fate of European civilisation] (pp. 445–459). Moscow: MGU.

10. Sevost'ianov G.N. (2011). Predislovie [Introduction]. In G.N. Sevost'ianov (ed.). *Moskva — Berlin: politika i diplomatiia Kremliia, 1920–1941: sb. dok.* [Moscow — Berlin: Kremlin policy and diplomacy, 1920–1941: documents collection] (pp. 6–10). T. 1. Moscow: Nauka.
11. Setov R.A. *Sovremennyi miroporiadok i gosudarstvennye interesy Rossii*. Moscow: Tri kvadrata, 2010.
12. Smirnov V.P. (2009). Miunkhenskaia konferentsiia i sovetско-germanskii pakt o nenapadenii v diskussiiakh rossiiskikh istorikov [Munich conference and Soviet-German non-aggression pact discussed by Russian historians]. In M. M. Narinskii, S. Dembskii (eds.). *Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov* [International crisis of 1939 viewed by Russian and Polish historians] (pp. 9–45). Moscow: Aspekt Press.
13. Tupolev B.M. (2006). Rol' Versal'skogo mirnogo dogovora v proiskhozhdenii Vtoroi mirovoi voiny [Versailles peace treaty and its role in the genesis of the Secod World War]. In Iu.V. Galaktionov (ed.). *Vtoraia mirovaia voina: uroki istorii dlia Germanii i Rossii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kemerovo, 23–25 sentiabria 2005 g.)* [Second World War: lessons of history for Germany and Russia. Materials of international scholar conference (Kemerovo, 23–25 September, 2005)] (pp. 38–43). Kemerovo — Moscow: Rossiiskie universitety.
14. Shatsillo V.K. (2011). Problema izmeneniia territorial'nykh granits Germanii po itogam Versal'skogo mira [Problem of German frontiers revision after the Versailles treaty conclusion]. In E.Iu. Sergeev (ed.). *Versal'sko-Vashingtonskaia mezhdunarodno-pravovaia sistema: vzniknovenie, razvitie, krizis, 1919–1939 gg.* [Versailles — Washington international and legal system: genesis, evolution, crisis, 1919–1939] (p. 34–41). Moscow: IVI RAN.
15. Shmatko, N. A. (2006). Gabitus [Habitus]. In Iu.S. Osipov (ed.). *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia* [Great Russian Encyclopedia] T. 6. (p. 216). Moscow: BRE.

Информация об авторе:

Магадеев Искандэр Эдуардович

к.ист.н., доцент; МГИМО МИД России, Российская Федерация, iskander2017@yandex.ru

Iskander E. Magadeev

Ph. D. (history), Assoc. Prof.; Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia, Russian Federation, iskander2017@yandex.ru

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ с 1960-х по 1990-е ГОДЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМАТИКА

Е. О. ОБИЧКИНА

***Аннотация.** В статье прослежен процесс эволюции методологических подходов и проблематики отечественных исследований советско-французских отношений. В фокусе внимания — особенности ремесла советского историка-международника, диктовавшие выбор методологии и тематики, а также обязывающие условия анализа международных реалий. В статье раскрываются методологические и лексические приёмы советских историков-франковедов, призванных обслуживать государственные интересы внешней политики и пропаганды.*

Материалами для исследования послужили известные монографии ведущих советских специалистов по внешней политике Франции, в которых рассмотрены франко-советские отношения. Методика изучения трансформаций научного дискурса в меняющемся внутривнутриполитическом и международном контексте заключается в сопоставлении предмета изучения (международных реалий) и их трансляции историком — исследователем, который одновременно является членом научного и гражданского социума.

Хронологически работа охватывает период от хрущёвской «оттепели» (рубеж 1950-х — 1960-х годов), когда стало возможным возвращение к научному изучению актуальных проблем международных отношений, к традиции, восходящей к Е. В. Тарле. В статье анализируются главные темы советской историографии двусторонних отношений, а также мотивы обращения к ним. В 1950-е — начале 1960-х годов такой центральной темой была идея объективной основы франко-советского союза против агрессивных устремлений Германии. Классовый подход был решающим в определении врагов и друзей СССР во Франции. Неудачи советско-французского сотрудничества объяснялись победой классовых интересов французского правящего класса — буржуазии над

национальными интересами французского народа. Изучение международных отношений развивалось в условиях абсолютного господства «исторического материализма», что затрудняло обращение к иным методам исторического исследования. В 1970-е годы — в период разрядки начинается размыwanie жёстких идеологических догм, осторожное обращение к зарубежным, в первую очередь, французским подходам к анализу международных реалий, в частности, к методам конструктивизма в оценке сознательной политики руководителей Франции — протагонистов разрядки. Анализ работ исследователей, получивших в 1970-е — 1980-е годы возможность работать во Франции, позволяет сделать вывод о влиянии франко-советского гуманитарного сотрудничества и нового политического мышления, разрушивших монополию классового подхода, позволившего синтезировать достижения двух научных школ и перейти к многостороннему исследованию двусторонних отношений.

Ключевые слова: советская историография, методология, советско-французские отношения

Введение. Не случайно Клио — муза исторической науки — принадлежит узкому кругу вдохновительниц искусств. В ней, также как в других искусствах, качество даже известных и популярных произведений проходит проверку временем. Сегодня, рекомендуя студентам труды наших предшественников, под знаком которых прошло формирование нескольких поколений исследователей и дипломатов 1960-х-1990-х годов, следует, не полагаясь на свойственное молодым критическое мышление, заранее предупредить их от слепого цитирования устаревших и порой упрощённых оценочных положений и выводов целого пласта исторических работ. Притом, что наследники не всегда являются «убийцами», надо отметить, что особые рамки, заданные советским историкам-международникам временем и местом их научной деятельности, определяли быстрое старение именно наиболее актуальных их произведений, в силу скачкообразного характера общественно-политических трансформаций как международной среды, так и внутренней эволюции советского государства и социума. Анализу отечественной историографии внешней политики Франции и советско-французских отношений обязательно посвящается должная часть введения к любой научной работе соответствующей тематики, однако обычно авторы историографических обзоров ограничиваются констатацией вклада и достижений своих предшественников, но не анализируют основания, на которых построены проблематика и выводы этих общеизвестных работ. Данная статья призвана дать студентам и молодым исследовате-

лям, не знакомым с советской действительностью, ключ к пониманию специфики отечественной историографии международных отношений на примере исследования советско-французских отношений в период 1960-х — начала 1990-х годов.

Теоретические основания исследования. Анализ освещения советско-французских отношений в отечественной историографии хотелось бы предварить некоторыми историко-методологическими замечаниями. Формат статьи не позволяет детально и всесторонне проанализировать всё написанное на эту тему, поэтому в данной работе прослежен процесс эволюции и трансформации методологических подходов и проблематики отечественных исследований, от эпохи холодной войны к её окончанию. В основу работы положены методы системности и историзма — в данном случае, не столько в смысле понимания неповторимости процессов и событий, их рассмотрения в историческом контексте трансформирующейся системы советского государства и в рамках блокового противостояния, но и в смысле принадлежности историка к своему поколению, для которого характерно определённое восприятие материала, задач и приёмов исследования, даже особый политический дискурс. Будучи принципиально важным для анализа именно советской историографии, в первую очередь, такой подход необходим при обращении к работам историка-международника.

Советские историки-международники, по сути, выполняли работу не только современных политологов, но и активных пропагандистов внешнеполитических интересов Советского Союза как в своей общественной, так и научной деятельности. Не следует забывать, что новейшая история международных отношений вплоть до конца 1980-х годов была дисциплиной, обслуживающей интересы советской внешней политики, и историки-международники ощущали себя бойцами идеологического фронта на «переднем крае» идеологической борьбы. Ценой ошибки, пусть невольной, была служебная и научная карьера. Неизбежное следствие этих условий — требование строгого соответствия концепций и методологии анализа партийным идейным и внешнеполитическим установкам, а также задачам отечественной дипломатии.

Вместе с тем, несправедливо было бы обвинять советских историков-международников того периода в предвзятости и научной недобросовестности. Благодаря широкой эрудиции, владению французским языком и исторической основательности исследований, их труды, опирающиеся на оригинальные источники, составляют прочную базу от-

естественного франковедения, хотя и требуют, в силу вышеуказанных особенностей, подготовленного, исторически образованного читателя. Данная статья призвана преодолеть методологический разрыв, образовавшийся в результате исчезновения советского строя, разработать своего рода «решётку чтения» научной литературы советского периода для последующих поколений историков, не заставших советскую реальность.

Исследование: основная часть. В фокусе внимания — особенности ремесла советского историка-международника, ограничивавшие свободу выбора методов, тематики, а также объективного анализа международных реалий. В статье раскрываются приёмы советских историков-международников, призванных обслуживать интересы советской внешней политики и пропаганды.

В послевоенные годы, из-за очередной волны репрессий против «космополитов» и «буржуазных агентов», затронувших академическую и вузовскую науку, изучение актуальных проблем международных отношений стало делом рискованным. Возвращение к научным методам изучения политики буржуазных государств и отношений с ними стало возможным только в период хрущёвской «оттепели», сопровождавшей поворот Кремля к политике мирного сосуществования. Ограниченность результатов этой «оттепели» в плане развития общественных наук, в том числе истории, определила жёсткие методологические рамки анализа. Согласно марксистско-ленинской вульгате, лежавшей в основе метода «исторического материализма», в основе международных отношений лежит столкновение классовых интересов. Соответственно, содержание двусторонних отношений с любой капиталистической страной в эпоху холодной войны вписывалось в рамки блокового противостояния. Так, внешняя политика Франции рассматривалась как реализация её правящими кругами империалистических интересов. Во многом политика и, следовательно, анализ двусторонних отношений ориентировались на оценки «друзей» внутри Франции, следуя политической линии французских коммунистов — постоянных советчиков советского посольства в Париже.

Методология. Материалами для исследования послужили известные монографии ведущих советских специалистов по внешней политике Франции, в которых рассмотрены франко-советские отношения. Методика изучения трансформаций научного дискурса в меняющемся внутривнутриполитическом и международном контексте заключается в сопоставлении реалий и представлений, т.е. событий, обстоятельств и субъективного видения этих обстоятельств и событий историком —

исследователем, который одновременно является членом научного и гражданского социума. Собственные наблюдения автора — заинтересованного свидетеля и участника постепенного перехода от достаточно формального и вынужденного догматизма 1970-х — 1980-х годов к открытости конца 1980-х — 1990-х, к синтезу достижений отечественной и зарубежных (прежде всего, французской) школ, добавляют симпатии к необходимому в данном случае импатическому (*impatique*)¹ методу.

В данном случае исторические труды являются не столько гносеологической базой, сколько ценным источником для изучения трансформации методов и концепций, а также научного стиля, отличающего советскую историографию международных отношений на различных этапах, смена которых соответствует изменениям общего общественно-политического климата в СССР и условий его внешней политики. Работа построена на выделении ключевых тем исследований двусторонних отношений Франции и СССР, а также на использовании компаративного метода в сравнении тематики двух отдельных школ советского франковедения и на ретроспективном сравнении тематики, проблематики, методологических сдвигов и лексических приёмов, свойственных трём этапам: хрущёвской «оттепели», разрядки и её кризису, позднему советскому времени, которое прошло под знаком нового политического мышления.

Обнаружение тематических или событийных «белых пятен», трудных вопросов здесь отнюдь не служит аргументом для запоздалой критики, и не только потому, что авторы уже не могут ответить критику. Умолчания или замалчивания определённых проблем, сюжетов или событий не менее важны для изучения как историографии, так и эпохи, её породившей, чем утверждение или нарочитое выделение/повторение устойчивых актуальных клише. Выявление лексических особенностей разновременных исторических публикаций благодаря обильному цитированию и ретроспективному сопоставлению характерных высказываний также служит важным инструментом определения трансформации подходов и оценок, отражённой в изменениях научного дискурса.

Процедура исследования. Как правило, историей двусторонних отношений СССР с зарубежными странами занимались специалисты — страноведы, в данном случае, франковеды, что определило одну из характерных черт их изучения. В силу вышеприведённых идеологических

¹ Исследовательский метод, позволяющий понять Другого, не ассоциируя себя с этим Другим.

и политических причин, в условиях однопартийной системы, рамки анализа мотивов внешнеполитических решений советского руководства, обстоятельств их принятия, а также их последствий были заранее заданы, чтобы не оставлять сомнений в непогрешимости советской дипломатии. Естественно поэтому, что основное внимание советскими историками уделялось политике Франции в отношении СССР и в меньшей степени — политике Москвы в отношении Парижа. Стремление СССР к миру и безопасности в Европе, воплотившееся в политике разрядки со второй половины 1960-х годов, по сути, исчерпывало анализ мотивов советской дипломатии в развитии двустороннего сотрудничества, притом, что на деле курс СССР в отношениях с Францией претерпевал существенные изменения и порой характеризовался сложной игрой разнонаправленных интересов. Чтобы не смущать читателей, историки-международники нередко вынуждены были упускать важные факторы развития этих отношений, способные вызвать ненужные вопросы к официально заданной концепции. В первую очередь, это относилось к внешней политике СССР накануне второй мировой войны, а также к позиции, первоначально занятой советским руководством в отношении алжирской проблемы.

Франция — СССР — «естественные союзники» против германской агрессии. Говоря о двусторонних отношениях с капиталистическим государством, таким как Франция, в освещении советской историографии, следует помнить о наличии ряда важных фоновых соображений, которые определили как концепцию, так и главные направления исследований. Первое можно назвать концепцией «естественного союза» против общего исторического врага — Германии. Советская внешнеполитическая стратегия в отношении Запада, особенно после создания НАТО, была нацелена на использование противоречий между капиталистическими государствами и на ослабление солидарности стран западного блока, самой опасной из которых для СССР и европейской безопасности считалась ФРГ. Одним из главных слагаемых общей исторической памяти, способной объединить Францию и СССР, была тема германской угрозы, апелляция к традиции военного союзничества, от первой ко второй мировой войне. «Даже географическое положение обоих государств, независимо от существующих в них социальных режимов, превращает их в естественных союзников в борьбе против германского империализма» [Борисов, 1964, с. 6], — писал Ю. В. Борисов, который со второй половины 1950-х и в 1960-е годы активно разрабатывал тему советско-французских отношений. Он принадлежал школе международных МГИМО МИД СССР, и его работы отвечали

актуальным потребностям советской дипломатии. Так, в 1960 г., появилась монография Ю. В. Борисова «Советско-французские отношения и безопасность Европы»². Это издание было приурочено к намеченной на начало лета 1960 встрече большой «четвёрки» в Париже, где после большого перерыва державы-победительницы должны были вернуться к обсуждению германского вопроса. Центральной в книге является идея «естественного союза» Франции и СССР, ценность военного сотрудничества России (СССР) и Франции в борьбе с опасным соседом — агрессивной Германией, начиная с Франко-русского союза, преобразованного в Антанту и сыгравшего важную роль в подготовке первой мировой войны, а с её началом — в спасении Франции от военного разгрома. Идея в тот момент крайне актуальная, подкреплённая отклонением Национальной ассамблеей Франции плана Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), связанного с перевооружением ФРГ. Однако Советско-французский договор 1944 г. о союзе против Германии был аннулирован советской стороной после того, как, отклонив ЕОС, Франция согласилась с решением о приёме ФРГ в НАТО (в 1955 г.). Вместе с тем, идея общности советско-французских интересов в сфере европейской безопасности, вытекающая из общей угрозы — германского реваншизма (ФРГ) лежала в основе нового внешнеполитического курса Н. С. Хрущёва, нацеленного на поиски взаимопонимания с Францией в германском вопросе. Сближение с Францией для укрепления советской позиции на предстоящих переговорах против англо-американского тандема стало главной задачей первого визита советского лидера во Францию, в марте 1960 года. Вплоть до того момента советская дипломатия готова была пойти на существенные уступки Парижу, воздерживаясь от активной поддержки алжирских борцов за независимость и от резкой критики колониальной войны, которую Франция вела в Алжире. Разумеется, эта прагматичная линия политики Хрущёва при определении приоритетов между европейским и антиколониальным направлениями в те годы оставалась за концептуальными рамками исследований, тем более, что в начале 1960-х годов эта политика себя не оправдала. Как известно, попытка объединиться с Францией в решении германского вопроса потерпела неудачу. Парижская встреча «четвёрки» держав-победительниц была сорвана Хрущёвым, который был возмущён позицией де Голля в связи с полётом над СССР американского самолёта-разведчика У-2, но «особые» исторические связи России

² Борисов Ю. В. Советско-французские отношения и безопасность Европы М.: Международные отношения, 1960. 199 с.

и Франции, опирающиеся на «естественный союз» против Германии, остались устойчивой темой отечественной историографии и внешней политики Москвы.

Друзья и враги СССР во Франции с точки зрения классового подхода. «Внешняя политика Франции — политика крупного капитала», — так назвал одну из глав своей монографии один из ведущих советских франковедов-международников Н. Н. Молчанов [Молчанов, 1961, с. 7]. «Французская внешняя политика после войны шла от провала к провалу, потому что она порочна в своей основе, потому что она определяется не национальными интересами своей страны, а корыстными устремлениями, предубеждениями, ограниченностью и трусостью наиболее реакционных групп французской буржуазии», — писал Н. Н. Молчанов, имея в виду атлантический внешнеполитический курс Четвёртой республики. Констатируя изменения первых трёх лет правления де Голля, он заметил: «Вдохновители установления диктаторского режима обещали возродить независимую внешнюю политику, вернуть страну к „политике величия“, но хотя „старые внешнеполитические догмы стали облекаться в несколько иную фразеологию, предпринимались новые, иногда необычные действия“, „дела имеют очень мало общего с обещаниями“» [Молчанов, 1961, с. 5–6]. Брошюра была написана по горячим следам двух визитов Н. С. Хрущёва во Францию. Первый (мартовский) — прошёл в атмосфере взаимопонимания между Хрущёвым и де Голлем. Второй (летний) был досрочно прерван Хрущёвым, сорвавшем тем самым четырёхстороннюю встречу держав-победительниц в Париже. О нём, кстати, в книге вообще не упомянуто, в то время как о первом сказано много положительного. Выводы автора, таким образом, противоречивы. Ведь следовало, не вдаваясь в подробности сложной дипломатической игры, которую вели в тот период как де Голль, так и Хрущёв, одновременно и оправдать линию главы СССР на сближение с Францией — «великой несоциалистической страной», и объяснить резкое охлаждение с советской стороны, которая вдруг резко ополчилась против французской колониальной политики. В специальной главе, посвящённой советско-французским отношениям, присутствуют две основные темы, определяющие советскую концепцию двусторонних отношений: геостратегическая необходимость союза против Германии и противоречащая ей классовая (империалистическая) природа отношения правящих кругов Франции к СССР. «С тех пор, как на мировую арену вышел германский империализм с его хищнической агрессивной политикой... Франция и Россия периодически возобновляют отношения военного и политического союза. Для французской внешней политики это было

традиционным жизненно важным курсом. После социалистической революции в нашей стране в отношения между Францией и Советским Союзом вмешиваются классовые предубеждения французской буржуазии» [Молчанов, 1961, с. 107]. Автор заключает: «Визит Н.С. Хрущёва во Францию дал исключительно важные результаты... Однако все эти важные достижения... не дают оснований питать какие-либо иллюзии в отношении основного направления внешней политики Франции», поскольку «французские представители тотчас отказались от своих взглядов» (имеется в виду отказ де Голля осудить полёт У-2 над СССР 1 мая 1960 г.). Объяснение такой двойственности: «Ныне франко-советские отношения ещё отягощены грузом антисоветских страхов французской буржуазии» [Молчанов, 1961, с. 117].

Со времён Коминтерна двусторонние отношения СССР и Франции не рассматривались как исключительно межправительственные отношения. В годы кризисов холодной войны устойчивость представлению об «особых» связях двух народов, придавала классовая солидарность французских трудящихся с советским народом. «Антинациональная» политика правящих кругов противопоставлялась устремлениям французского народа. Франция в данном случае представляла убедительный пример в силу большого влияния коммунистов в её политической жизни, от Народного фронта 1935–1938 гг. и сопротивления военных лет и вплоть до конца 1970-х. Судя по введению, эта идея составляет пафос книги Ю.В. Борисова «Советско-французские отношения (1924–1945)», и такое смещение акцентов к принципу классовой солидарности не случайно. Книга вышла в 1964 г., после подписания де Голлем и Аденауэром франко-западногерманского Елисейского договора 1963 года, что временно оттеснило на второй план тему советско-французского союза против Германии. Историк — пропагандист обличал политику Парижа, направленную на сближение с ФРГ: «Нередко те же люди, которые усыпляли бдительность европейских народов несколько десятилетий назад, и сейчас пытаются убедить миллионы французов и француженок в том, что никакой опасности для Франции со стороны ФРГ нет и не будет» [Борисов, 1964, с. 7].

Одной из главных задач книги автор называет «изучение истории братской взаимопомощи и единства коммунистов, рабочих, всех трудящихся Франции и СССР... основанных на принципах пролетарского интернационализма». Введение к монографии начинается соответствующим посылом: «В своей борьбе за светлое будущее советский народ никогда не был одинок. Его неизменно поддерживали трудящиеся капиталистических стран, и в том числе Франции... Со време-

ни гражданской войны и иностранной военной интервенции всегда, как только французские империалисты... замахивались на Советский Союз, их руки, словно железными клещами, сдерживали пролетарии, все передовые люди Франции во главе с её славной Коммунистической партией» [Борисов, 1964, с. 3].

Вместе с тем, авторская концепция остаётся неизменной. Германская угроза лежит в основе совпадения геополитических интересов Франции и СССР, и автор называет среди сторонников сотрудничества Москвы и Парижа не только коммунистов, но и «буржуазные патристические силы», в той или иной мере выражающие национальные интересы страны: «Объективные политические и экономические закономерности, задача спасения французского народа от новой агрессии со стороны реваншистской Германии и её союзников вынуждали наиболее дальновидных государственных деятелей Франции искать помощи со стороны СССР» [Борисов, 1964, с. 3–4].

Если абстрагироваться от непринятого в современной науке пропагандистского стиля, то следует заметить, что в своём анализе двусторонних отношений Ю. В. Борисов опирался на важнейшие факторы, движущие международными отношениями. Он исходил не только из сопоставления национальных интересов (на первое место среди которых поставлены интересы безопасности), но и из внутренней среды принятия внешнеполитических решений во Франции — страны, в которой в предвоенные годы в области безопасности выбор в пользу антикоммунизма неизбежно оборачивался капитулянтской политикой в отношении фашистской Германии. В духе классового подхода, в формировании политики Франции в отношении СССР автор выделяет две противоборствующие тенденции — защитников национальных интересов, тяготеющих к сближению с СССР, и антикоммунистов, готовых из ненависти к СССР пренебречь объективными интересами безопасности страны [Борисов, 1964, с. 195]. Ссылаясь на печальный опыт нереализованного советско-французского пакта о взаимопомощи 1935 г. и упоминая о срыве московских переговоров с Францией и Великобританией в августе 1939 г., автор видит их главную причину в том, что «государственные деятели США, Англии и Франции не хотели отказываться от своей цели — провоцирования советско-германской войны, всё ещё надеялись на реставрацию капитализма в Советском Союзе с помощью фашистских держав» [Борисов, 1964, с. 443]. Примечательно, что такой контекст не оставил места упоминанию о советско-германском пакте, подписание которого послужило сигналом к прекращению советской стороной переговоров с британской и французской делегациями в конце августа 1939 года.

Со второй половины 1960-х годов курс на европейскую разрядку привнёс новый оттенок в жёсткие методологические установки, что совпало с подготовкой визита де Голля в Москву в рамках реализации его политики независимости, отмеченной выходом страны из военной организации НАТО. Анализ феномена особых отношений с Парижем требовал преодоления рамок узкоклассового подхода, привнеся в анализ внешнеполитического курса де Голля элементы конструктивизма. Вырос интерес к жанру политического портрета, причём, особое внимание советских исследователей привлекли выдающиеся политики Франции, выстраивавшие особые отношения с СССР. Подобные работы к тому же служили своего рода «отдушиной», позволявшей международникам отойти от догматического толкования истории, продемонстрировать широкую научную эрудицию, достоинства научного и литературного стиля, что придаёт лучшим из исследований этой серии непреходящую научную ценность.

Несколько изданий выдержала книга Н. Н. Молчанова «Генерал де Голль» (в 1972, 1980, 1988 гг.), ставшая классическим образцом политического портрета в советской историографии. Автор характеризует де Голля как государственного деятеля, которого отличал «глубочайший политический реализм... макиавеллизм высшего класса»; наделённого политическим чутьём и способностью «подниматься над предрассудками людей своей социальной среды», добавляя в духе времени, что именно «этот его дар и делал де Голля бесценным человеком для хозяев Франции, людей крупного капитала» [Молчанов, 1980, с. 431, 387].

Анализируя эволюцию внешней политики де Голля в период поворота от антигитлеровской коалиции к холодной войне, автор замечает: «Ещё недавно он (де Голль) развивал идеи общеевропейского сотрудничества „от Гибралтара до Урала“. Теперь он начинает выдвигать проект блока только западных стран. Таким образом, уже при де Голле появляются признаки превращения Франции из „звена между Востоком и Западом“ в участницу зарождавшегося западного политического блока... Внешняя политика де Голля постепенно утрачивает цельность и ясность, которыми она обладала во время войны» [Молчанов, 1980, с. 271]. Приход де Голля к власти в 1958 г. был отмечен возвращением к идее величия, и курс генерала в отношении СССР после установления пятой республики автор вписывает в логику политики величия, заключая: «Он (де Голль) понимал, что величие Франции может быть обеспечено только в связи с решением мировых проблем и с важнейшей из них — с проблемой отношений двух социальных систем», которая

состояла в разрядке международной напряжённости [Молчанов, 1980, с. 452]. «Новый поворот к Москве отражал... доминирующее в мировоззрении де Голля убеждение в высшей ценности национального элемента по сравнению с идеологическими факторами. Поэтому для него восстановление независимости Франции совершенно естественно подразумевало отход от США и одновременно сближение с СССР при сохранении независимого положения Франции между двумя крупнейшими державами мира» [Молчанов, 1980, с. 454].

В. И. Антюхина-Московченко — научный редактор советского издания «Военных мемуаров» де Голля и переводчик его «Мемуаров надежды» — в 1971 г. опубликовала первую в советской историографии политическую биографию бывшего президента Франции, ушедшего из жизни в 1970 году³. В 1990 г., в серии «Политический портрет» вышло её исследование «Шарль де Голль и Советский Союз». Несмотря на название, собственно советско-французским отношениям в ней уделено сравнительно немного места. Автор не использует советских архивных документов, основываясь, в основном, на материалах французских исследований и прессы, а также мемуарах как самого де Голля, так и его ближайших соратников. В концептуальном плане отношения де Голля с Москвой вписаны в политику «разрядки», причём, особо отмечено, что эта политика отвечала устойчивому курсу СССР на установление и поддержание прочных отношений сотрудничества с Францией и одновременным советским инициативам в адрес Парижа. Написанная в разгар перестройки, книга В. И. Антюхиной-Московченко практически не содержит оценочных суждений. Между тем, её автора отличает стремление высказаться в духе времени, и во введении содержится резкая критика прежних подходов, отстаиваются принципы научной объективности в противовес «вульгаризаторскому изучению событий», в основе которого «лежит концепция, что история — это политика, опрокинутая в прошлое» [Антюхина-Московченко, 1990, с. 5]. Главный вывод автора: «Реализм в оценке постоянно меняющихся на мировой арене событий привёл де Голля к пониманию того, что борьба за... независимость Франции неразрывно связана с необходимостью сотрудничества с Советским Союзом». Автор считает, что «новое политическое мышление» уже при де Голле было присуще франко-советским отношениям и «по-прежнему характеризует политику Франции и СССР» [Антюхина-Московченко, 1990, с. 287].

³ Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль (1890–1970) // ННИ, 1971, №№3–6.

В 1988 г. была издана политическая биография Л. Барту — защитника и творца франко-советского пакта против Германии. Её втор — К. А. Малафеев считает Л. Барту политиком, который, «придерживаясь правых убеждений, всегда верный своему классу — буржуазии... вместе с тем был в числе немногочисленных тогда буржуазных политиков, которые в годы, предшествовавшие второй мировой войне, не позволили ослепить себя ненавистью к социалистическому Советскому государству, сумев реалистически оценить фашистскую угрозу... национальным интересам Франции» [Малафеев, 1988, с. 3]. Оставляя в стороне непопулярную тогда в СССР тему советско-германского сотрудничества 1920-х годов, автор констатировал: Барту «понимал, что германские дипломаты стремятся использовать антисоветизм французской буржуазии в своих... целях, добиваясь дипломатической изоляции Франции, предотвращения франко-советского сближения... В общем балансе сил в Европе Луи Барту всё отчётливей выделял возраставший военно-экономический потенциал и оборонную мощь Советского государства» [Малафеев, 1988, с. 89]. В заключение автор противопоставляет реалистическую линию Л. Барту политике «умиротворения» агрессоров. Внешняя политика Барту «напоминает о том, что дружеские отношения между Советским Союзом и Францией всегда содействовали укреплению внешнеполитических позиций последней, в то время как противоположный подход к отношениям с СССР обернулся для неё общенациональной катастрофой» [Малафеев, 1988, с. 160].

Волюнтаризм первого президента Пятой республики и наследников его политики — Помпиду и Жискара д'Эстена в период разрядки плохо вписывался в парадигму классовой борьбы, нарушал внешнеполитическую практику холодной войны. Политика мирного сосуществования от Хрущёва к Брежневу потребовала поисков понимающих партнёров по диалогу в Европе, что внесло новый аспект в историографию вопроса. Позитивное освещение диалога и взаимопонимания Парижа и Москвы стало центральной темой исследований двусторонних отношений, что отразилось в «юбилейных» монографиях, посвящённых 50-летию Октябрьской революции, 50-летию и 60-летию установления дипломатических отношений между Францией и СССР. В 1967 г., к 50-летию юбилею Октябрьской революции и через год после визита де Голля в СССР, знакового для развития двусторонних отношений вышла монография В. И. Антюхиной-Московченко «СССР и Франция: советско-французские отношения в 1917–1967 гг.». К 50-летию установления дипломатических отношений между СССР и Францией появилась работа Н. Н. Молчанова «СССР — Франция:

полувековой путь», а к их 60-летию — монография Ю. В. Борисова «СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений»⁴. Они служили историческому обоснованию *особых* двусторонних отношений, основанных на объективных и непреходящих геополитических интересах, а также на доброй воле руководителей двух государств.

Историческое восприятие событий и процессов профессиональным историком субъективно: оно складывается из оценки прошлого, видения настоящего и представления о будущем в смысле определения перспектив желаемого развития. Совокупность этих обстоятельств породила инерционность подходов отечественных историков-международников, а позже политологов к анализу двусторонних отношений с Францией. При новом витке конфронтации первой половины 1980-х годов им не хотелось отказываться от концепции исключительности партнёрства между Москвой и Парижем. Возможно, поэтому в отечественной историографии одновременно не появилось комплексного исследования советско-французских отношений в период первого президентства Ф. Миттерана. Известно, что он порвал с практикой ежегодных двусторонних консультаций на высшем уровне, институализированной при Ж. Помпиду и развивавшейся при В. Жискара д'Эстене. Резкую деградацию политического диалога нелегко было объяснить, оставаясь в границах политкорректности, определявших научную деятельность советских международников, ведь она стала следствием кризиса разрядки — советской интервенции в Афганистане, политики в польском кризисе и отказа советского руководства распространить внешнюю разрядку на внутреннюю политику, но упоминать об этом было не принято в советских изданиях.

Известно, что в условиях экономического кризиса Миттеран предпочёл отмежеваться от американской политики антисоветских торгово-экономических санкций, не отказался от выполнения соглашений, подписанных при Жискара д'Эстене, и даже пошёл на подписание прорывного двустороннего контракта «газ — трубы», поэтому внимание дипломатов и исследователей переключилось на более успешное направление — экономическое сотрудничество. Авторы публикаций, посвящённых советско-французским отношениям, не заостряли внима-

⁴ Антюхина-Московченко В. И. СССР и Франция: советско-французские отношения в 1917–1967 гг. М.: Международные отношения. 1967. 48 с.; Молчанов Н. Н. СССР — Франция: полувековой путь. М.: Международные отношения. 1974. 95 с.; Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М.: Международные отношения. 1984. 240 с.

ния на признаках и тем более на причинах франко-советского охлаждения, предпочитая положительно оценивать перспективы двустороннего сотрудничества и относя 1980-е годы к периоду разрядки⁵. Так, И. А. Чельшев в монографии о советско-французском сотрудничестве заключает: «Различия в социально-политическом строе СССР и Франции, принадлежность двух держав к разным политическим и экономическим союзам, цели и международная деятельность которых не идентичны... — всё это создаёт определённые сложности в развитии советско-французских отношений, но не воздвигает непреодолимых преград для сотрудничества на благо советского и французского народов» [Чельшев, 1990, с. 323].

Во то же время, период разрядки, во многом благодаря расширению научных и образовательных двусторонних контактов с конца 1960-х и в 1970-е годы способствовал серьёзным изменениям в отечественном франковедении. Новое поколение исследователей могло познакомиться с достижениями западной историографии и политической науки, существенно расширились понятийный аппарат, методология, документальная база, были смягчены жёсткие идейные установки, стёрлись пропагандистские клише.

Плоды франко-советского гуманитарного сотрудничества и новое политическое мышление в освещении отношений Москвы и Парижа 1987–1988 г. стали рубежом, обозначившим отход от сложившейся практики. В советские общественные науки, в первую очередь, в международные исследования, стали внедряться принципы нового политического мышления, предложенные М. С. Горбачёвым. Среди них — отказ от классового подхода к международным отношениям. Меняется международная парадигма, и нельзя сказать, чтобы отечественные международные исследования пережили этот переход безболезненно. Если, как уже было сказано, на пике холодной войны отступление от генеральной идеологической линии и официальных оценок могло стоить историку возможности работать и публиковаться, то в длительной перспективе, советские пропагандисты-международники вынужденно заплатили более высокую цену. На карту ставилась научная репутация, и виртуозное владение ремеслом требовало сочетания политкорректности и добросовестности в ос-

⁵ Зуева К. И. Советско-французские отношения и разрядка международной напряжённости (1958–1986). М.: Наука. 1987. 267 с.; Чельшев И. А. Советско-французские отношения и проблема европейской безопасности (середина 60-х — 80-е годы). М.: Наука. 1990. 335 с.; Ветров А. В. СССР — Франция: современное экономическое сотрудничество. М., 1983. 92 с.

вещении и сборе материала. Чрезмерное увлечение пропагандой, как и изменение внешнеполитических установок, вели к быстрому устареванию концепций, самого стиля текстуального оформления научной продукции.

К сожалению, целое собрание — советские брошюры подобного толка, вышедшие в 1940-х — 1950-х годах (некоторые — подписанные псевдонимами) — были удалены в начале 1990-х годов из библиотеки МГИМО из-за дефицита места для хранения, но также как и не имеющие научной ценности. Будучи ценными историческими образчиками оригинального пласта пропагандистской литературы, они должны были в буквальном смысле освободить место новейшим изданиям, которые могли быть рекомендованы для самостоятельного изучения студентами, не нуждаясь в предварительных разъяснениях.

В начале 1990-х годов на одном из научных собраний в Институте всеобщей истории АН РФ слушали и обсуждали доклад известного французского специалиста по истории голлизма М. Вайса об отношениях между Н. С. Хрущёвым и Ш. де Голлем. Один из ведущих отечественных франковедов В. П. Смирнов (профессор кафедры Новой и новейшей истории Исторического факультета МГУ) тогда не удержался от того, чтобы в ходе обсуждения напомнить В. И. Антюхиной-Московченко, выступившей с апологией де Голля, что в своё время она настаивала на противоположной точке зрения. Впрочем, эту пикировку можно отнести на счёт различий между двумя главными школами советского франковедения. Университетская и академическая наука могли себе позволить большую свободу в выборе тематики и, соответственно, меньшую зависимость от политической конъюнктуры, навязывающей строгое следование партийной линии в освещении актуальных международных процессов. Между тем, школа МГИМО оказалась более восприимчивой к происходящим переменам.

В целом, «смена поколений» в отечественной историографии не привела ни к методологическому расколу, ни к ревизии или отрицанию достижений старшего поколения. Политические круги новой России в переходный период конца 1980-х — 1990-е годы предпочли «охоте на ведьм» тактику консенсуса, а научная общественность — идейным спорам развитие и обогащение исторического знания. В 1988 г. в МГИМО вышла монография И. Г. Тюлина о внешнеполитических концепциях и теориях, питавших дипломатию Пятой республики, о соотношении идеальных и реальных факторов французской внешней политики. В научный оборот отечественного франковедения были введены теории

и концепции французских политологов⁶, что раздвигало рамки классового подхода в анализе внешней политики Франции, в том числе той, что была адресована Москве.

Смена внешнеполитического курса определила новые интересы Москвы на французском направлении: восстановление диалога в верхах в духе нового политического мышления, а также прямую потребность в двустороннем экономическом сотрудничестве, в содействии выходу из кризиса советской экономики, которую Франция была готова оказать. Этой задаче отвечала коллективная работа о Франции, изданная в серии «Наши деловые партнёры»⁷. Ценность сотрудничества с Францией в «условиях снятия ограничений на выход советских предприятий и организаций на зарубежные рынки» авторы коллективного труда определяли тем, что эта страна «на протяжении уже многих лет является одним из основных торгово-экономических контрагентов СССР среди развитых капиталистических государств». Ведущая роль Франции в западноевропейской интеграции создаёт для СССР «дополнительные возможности торгово-экономических и научно-технических связей не только с этой страной, но и с другими западноевропейскими государствами... — странами-членами Европейских Сообществ» [Франция, 1990, с.6].

Подобное утверждение было поистине новаторским, поскольку в советской политической традиции и в историографии международных отношений господствовало резко негативное восприятие как самого ЕЭС, так и европейской политики Франции, соответственно указание на выгоды от участия страны в Сообществах для реализации экономических интересов СССР стало возможным только после установления официальных контактов СССР с ЕЭС в 1989 году.

В методологическом плане начало 1990-х годов также было ознаменовано появлением работ, синтезировавших достижения отечественной и французской школ политологических исследований, хотя следует констатировать, что отказ от марксистско-ленинской идеологии стал возможен только со времени, когда пришло представление о необратимости перемен. Длительная научная стажировка во Франции позволила В. С. Шилову собрать материал для монографии «Внешняя политика и партии во Франции (1969–1981)», в которой детально исследуются внешнеполитические подходы и мотивация основных политических

⁶ Тюлин И. Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М.: Международные отношения. 1988. 183 с.

⁷ Франция. Наши деловые партнёры. Отв. ред. В. Ю. Пресняков и Н. Е. Шулюкин. М.: Международные отношения. 1990. 176 с.

сил пятой республики, в том числе в отношении к СССР. Автор показывает, что традиции «политической семьи» и личный выбор президента в выборе внешнеполитической линии часто превалируют над узко классовыми интересами. Говоря о французских внешнеполитических приоритетах в послевоенный период, автор называет «фундаментальной проблемой» «строительство Европы», т.е. участие Франции в процессе западноевропейской интеграции, отмечая, что на этой проблеме «замыкались практически все компоненты внешней политики Франции», включая взаимоотношения с США и СССР [Шилов, 1994, с.12]. В книге рассмотрены нюансы отношений Москвы и Парижа в период разрядки, в правление президентов Ж. Помпиду и В. Жискара д'Эстена. Автор не избегает «трудных» вопросов двустороннего политического сотрудничества, подчёркивая ограниченный и обратимый характер советско-французской и в целом европейской разрядки. «Несмотря на широкие контакты между двумя странами в целом, в них сохранялся значительный элемент неопределённости, отсутствие подлинной искренности. Разносторонние и внешне добросердечные отношения между Францией и СССР в период 1969–1972 гг. сменились на „закостеневшие“ и даже враждебные, пропитанные „горечью и разочарованием“ в 1972–1974 гг., из-за различий взглядов на разрядку, европейские проблемы, взаимоотношения между СССР и США» [Шилов, 1994, с. 60]. Оценивая компромиссный характер курса Жискара д'Эстена, направленного на сохранение разрядки и «особых» отношений с Москвой любой ценой, В. С. Шилов признаёт, что на фоне афганских и польских событий эта политика «оказала негативное влияние на судьбу президента», которого его противники «обвинили в пособничестве Кремлю» [Шилов, 1994, с. 206, 209]. Автор признаёт, что «советская сторона давала в руки противников Жискара д'Эстена весомые аргументы» [Шилов, 1994, с. 325].

Открытие для исследователей прежде секретных советских архивов дало важный импульс расширению тематики изучения советско-французских отношений, прежде всего, в смысле анализа трансформаций *советских* подходов к сотрудничеству с французскими правящими кругами. Особый интерес в этой связи представляет серия статей М. М. Наринского, прежде всего, анализ отношения советских дипломатов в Париже к установлению Пятой республики. На основе официальных партийных и мидовских документов, в которых дана оценка политических изменений во Франции, автор делает вывод: «Советские официальные представления о событиях во Франции 1958 г. формировались под влиянием догматических установок КПСС и концепций руководства ФКП.

Не только советская пропаганда, но и закрытые официальные документы основывались на упрощённых оценках «установления авторитарной диктатуры», «власти французских монополий и крупной буржуазии и т.п.». В сложившихся условиях объективный анализ политики... генерала де Голля был чрезвычайно затруднён». Притом, что информация из советского посольства в Париже «содержала реалистические элементы и верные наблюдения... все эти здравые суждения рассматривались через искажённую оптику кривых зеркал» — «устоявшихся идеологизированных стереотипов» [Наринский, 2000, с.107]. Оценка ёмкая и достаточно жёсткая. Она характеризует состояние советской международной аналитики 1950-х годов, о которой М. М. Наринский — выпускник МГУ 1954 г., долгое время проработавший и в Институте всеобщей истории АН СССР/РАН, и уже в постсоветское время — в МГИМО, знает не понаслышке.

Это высказывание, также как в целом — анализ подходов отечественной историографии к истории и актуальным проблемам советско-французских отношений, подчёркивают значение адекватной и непредвзятой научной экспертизы международных отношений для выстраивания грамотного двустороннего взаимодействия с зарубежными партнёрами.

Результаты исследования. В 1950-е — начале 1960-х годов центральной темой исследований советско-французских отношений была идея наличия объективной геополитической основы франко-советского союза против агрессивных устремлений Германии. Поскольку внешняя политика СССР была вне критики, для объяснения неудач и провалов на пути франко-советского союза использовалась марксистско-ленинская теория преобладания классовых интересов буржуазного правящего класса над национальными интересами французского народа. Классовый подход был решающим в определении врагов и друзей СССР во Франции. Международные исследования развивались в условиях абсолютного господства «исторического материализма», что препятствовало расширению методов исторического исследования. «Железный занавес» затруднял советским историкам знакомство с французскими политическими реалиями, с многообразием политической жизни, с особенностями процессов принятия решений в области внешней политики. Над их восприятием в Москве довели не только советские идеологические установки, но и актуальные тактические соображения советского руководства, а также позиция ФКП, отношение её руководства к правящим кругам Франции. Поскольку внешняя политика самого Советского Союза не предполагала никакого критического осмысле-

ния, внимание исследователей сосредотачивалось на политике Парижа в отношении Москвы.

Анализ результатов. С конца 1960-х годов — в период разрядки — начинаются научные обмены, идёт размытие жёстких идеологических догм, что позволяет, пусть с оговорками и осторожно, обратиться к зарубежным, в первую очередь, французским подходам к анализу международных реалий, в частности, к методам конструктивизма в оценке политики руководителей Франции — протагонистов разрядки. Анализ работ исследователей, получивших в 1970-е — 1980-е годы возможность работать во Франции, позволяет сделать вывод о влиянии франко-советского гуманитарного сотрудничества и нового политического мышления, разрушивших монополию классового подхода, позволившего синтезировать достижения двух научных школ и перейти к многостороннему исследованию двусторонних отношений.

Заключение. Указанные трансформации сопровождали эволюцию не только двусторонних отношений, но и самого советского общества, происходили в тесной связи с изменением международного климата в Европе и со сменой курса Парижа в отношении Москвы. Они вписывались в политику мирного существования, начатую Н. С. Хрущёвым и продолженную Л. И. Брежневым — одним из главных протагонистов разрядки. Вместе с тем, моментом разрыва с заданным жёсткими рамками советской системы догматическим подходом к анализу советско-французских отношений в методологическом плане стало предложенное М. С. Горбачёвым новое политическое мышление. Стремительность изменения методов, оценок, тематики и языка отечественных исследований можно объяснить тем, что атрибуты «базового» марксистско-ленинского метода в реальности к концу советской эпохи превратились не более чем в необходимое политкорректное обрамление, порой заметное лишь в обязательных, но чужеродных в современном научном тексте идеологических вставках.

Литература:

1. Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль и Советский Союз. М.: Книга. 1990. 288 с.
2. Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924–1945). М.: Международные отношения. 1964. с. 551 с.
3. Малафеев К. А. Луи Барту: политик и дипломат. М.: Международные отношения. 1988. 173 с.
4. Молчанов Н. Н. Внешняя политика Франции. М.: Издательство МГИМО. 1961. 119 с.

5. Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения. 1980. 500 с.
6. Наринский М.М. Возвращение де Голля к власти: советские оценки // Шарль де Голль (1890–1970) / Коллектив авторов. М.: ИВИ РАН. 2000. С. 96–108.
7. Шилов В.С. Внешняя политика и партии во Франции (1969–1981). М.: На-следие. 1994. 382 с.
8. Чельшев И. А. Советско-французские отношения и проблемы европейской безопасности. Середина 1960-х — 1980-е годы. М.: Наука, 1990. 336 с.

SOVIET-FRENCH RELATIONS IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY FROM 1960'S TO 1990'S: METHODOLOGICAL APPROACHES AND PROBLEMATICS

Obichkina E.O.

Abstract. *The article traces the evolution process of the methodological approaches and problematics of national research of Soviet-French relations. The focus is on the peculiarities of the Soviet historian-international relations expert's craft which dictated the selection of a methodology and a subject, as well as binding conditions of international realia analysis. The article unfolds the methodological and lexical techniques of Soviet historians of French studies who were charged with serving the state interests of the foreign policy and propaganda.*

Acclaimed monographs of leading Soviet experts in the foreign policy of France, which describe Soviet-French relations, served as materials for the study. The methodology for studying the transformations of scientific discourse in a changing internal and international context involves comparing the subject matter (international realia) and their translation by a historian-researcher who is also a member of the scientific and civil society.

From the chronological point of view, the work covers the period from the early 1950s to the early 1960s known as «Khrushchev Thaw», when it became possible to return to a scientific study of topical issues of international relations — the tradition that dates back to E. V. Tarle. The article analyzes the main topics of Soviet historiography of bilateral relations, as well as the rationale for referring to them. The idea of an objective basis for the French-Soviet union against aggressive intentions of Germany was the key topic in the 1950s — the beginning of the 1960s. The class-specific approach was essential in delineating USSR's friends and foes in France. Failures of the Soviet-French cooperation were attributed to the victory of the class-specific interests of the French governing class — bourgeoisie — over the national interests of the French people. International relations were studied under the absolute domination of “historical materialism” which impeded access to other methods of historical research.

In the 1970s — the era of détente — one began to dilute rigid ideological doctrines and to refer carefully to foreign, and first of all, French approaches to international realia analyses, in particular, to the Constructivism methods in assessing the conscious policy of French leaders who were protagonists of détente. The analysis of works of the researchers who had the opportunity to work in France in the 1970s — 1980s enables us to arrive at a conclusion regarding the influence of the French-Soviet humanitarian cooperation and the new political thinking which destroyed the monopoly of the class-specific approach and allowed synthesizing the achievements of the two scientific schools and shifting to a multilateral study of bilateral relations.

Key words: Soviet historiography, methodology, Soviet-French relations

References

1. Antjuhina-Moskovchenko, V. I. (1990). *Sharl' de Goll' i Sovetskij Sojuz* [Charles De Gaulle and the Soviet Union]. Moscow: Kniga.
2. Borisov, Ju. V. (1964). *Sovetsko-francuzskie otnoshenija (1924–1945)* [The Soviet-French Relations (1924–1945)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.
3. Chelyshev, I. A. (1990). *Sovetsko-francuzskie otnoshenija i problemy evropejskoj bezopasnosti. Seredina 1960-h — 1980-e gody* [The Soviet-French Relations and the Problems of the European Security]. Moscow: Nauka.
4. Malafeev, K. A. (1988). *Lui Bartu: politik i diplomat* [Louis Bartou : Politician and Diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.
5. Molchanov, N. N. (1980). *General de Goll'* [General De Gaulle]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.
6. Molchanov, N. N. (1961). *Vneshnjaja politika Francii* [The Foreign Policy of France]. Moscow: Izdatel'stvo MGIMO.
7. Narinskij, M. M. (2000). *Vozvrashhenie de Gollja k vlasti: sovetskie ocenki* [De Gaulle's Return to Power: the Soviet Assessments] // *Sharl' de Goll' (1890–1970)* [Charles De Gaulle (1890–1970)]. Moscow: IVI RAN. S. 96–108.
8. Shilov, V. S. (1994). *Vneshnjaja politika i partii vo Francii (1969–1981)* [The Foreign Policy and Parties in France (1969–1981)]. Moscow: Nasledie.

Информация об авторе:

Обичкина Евгения Олеговна

д.ист.н., доцент; профессор, МГИМО МИД России, Российская Федерация, obitchkina@mail.ru

Evgenia O. Obichkina

Dr. (history), Assoc. Prof.; Prof., Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia, Russian Federation, obitchkina@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ XVIII ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ^{1*}

М. А. ПЕТРОВА

***Аннотация.** В статье анализируется состояние российских исследований по истории международных отношений и дипломатии XVIII в. (преимущественно его второй половины) и изменения, произошедшие в этой области за последние 25 лет. Во-первых, в современную российскую историографию пришел системный подход, подразумевающий, что каждое государство рассматривается в качестве важного элемента системы международных отношений, способствующего поддержанию ее жизнеспособности или, напротив, расширяющего хрупкий баланс сил. Во-вторых, история международных отношений и внешней политики больше неотделима от внутривнутриполитической повестки дня и изучается в широком социально-экономическом и социокультурном контексте. В-третьих, все больший интерес вызывают символические формы дипломатии, в частности церемониал как способ взаимодействия игроков на международной арене, через который раскрывается состояние их взаимоотношений, и одновременно легитимации власти. В-четвертых, дипломатические документы используются для изучения явлений, напрямую не относящихся к классической истории международных отношений, например в истории образования, экономики и культуры, а также в имагологических исследованиях.*

Самым существенным изменением, произошедшим за последние 25 лет, характерным и для мировой историографии, представляется расширение понятия «международные отношения», которое включает в себя не только межгосударственные отношения, но самый широкий спектр межкультурных контактов, что особенно актуально применительно к XVIII в., вошедшему в историю как век Просвещения, когда начался новый этап глобального взаимодействия культур.

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

Кроме того, в научный оборот были введены новые источники, подготовлены публикации документов, а на русский язык переведены сочинения зарубежных авторов, посвященные рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: *международные отношения, дипломатия, российская историография, Просвещение*

Введение. В последние два десятилетия в европейской историографии наблюдается всплеск интереса к истории международных отношений и дипломатии Раннего Нового времени, хотя для второй половины XX в. было характерно представление о том, что изучение «большой политики» европейских кабинетов исчерпало себя: источники давно известны, а извлечь из них что-то новое не представляется возможным. Вооружившись методами смежных гуманитарных дисциплин (социологии, культурной антропологии, политологии и лингвистики), пришедших в историческую науку в XX в. в результате многочисленных «поворотов», европейские историки изменили фокус своих исследований, сделав центральным понятие «культура», через которое объясняются в том числе и политические процессы. В настоящее время активно изучаются механизмы культурного трансфера, различные формы межкультурной коммуникации, в том числе символической, особенности политической культуры и переговорного процесса. Одной из тенденций последних лет является рассмотрение дипломатической сферы через театральную терминологию. Эти новшества разделяются не всеми учеными, некоторые высказывают опасения, что размытость границ политической и культурной истории лишает классическую историю международных отношений устоявшегося предмета исследования, а он по-прежнему имеет прикладное значение для действующих дипломатов.

Современная российская историография, живо откликающаяся на зарубежные подходы и с успехом аккумулирующая наиболее эффективные из них, остается преимущественно в рамках классической, политически ориентированной истории международных отношений, однако и в ней после распада СССР произошли существенные изменения. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать эти изменения на примере работ, посвященных европейской проблематике XVIII в. до Французской революции, выделить наиболее востребованные исследовательские направления и имеющиеся в историографии лакуны.

Исследование: основная часть. История международных отношений и дипломатии XVIII в. имеет в нашей стране давние традиции изучения. Главная заслуга историков XIX в. состоит в систематической работе по введению в научный оборот и публикации документов: указы и личные бумаги российских монархов, материалы правительственных

органов, инструкции дипломатическим представителям, переписка руководителей внешнеполитического ведомства Коллегии иностранных дел. Среди наиболее крупных изданий — Сборники императорского Русского исторического общества, Архив князя Воронцова, Чтения в Обществе истории и древностей российских. Отдельные документы печатались в историко-литературных журналах «Русская старина» и «Русский архив». Многотомное «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами», подготовленное Ф. Ф. Мартенсом и снабженное обстоятельными комментариями, до сих пор востребовано историками².

На основе этих материалов были созданы первые монографические исследования по истории международных отношений в XVIII в. (главным образом двусторонних отношений России с великими европейскими державами — Пруссией, Австрией, Францией, Великобританией)³; проанализированы основные направления внешней политики России и ее участие в крупнейших международных конфликтах эпохи: Северной войне 1700–1721 гг., Войнах за польское, австрийское и баварское наследство, Семилетней войне 1756–1763 гг., русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 гг., разделах Польши, войне Соединенных Штатов Америки за независимость, Русско-шведских войнах 1741–1743 и 1788–1790 гг.⁴; сформулировано понятие «восточный вопрос»⁵. Особое внимание уделялось складыванию системы дипломатических представительств России за рубежом — постоянных миссий, консульств и агентской сети⁶.

² Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1874–1909. Т. 1–15.

³ Трачевский А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780–1790. СПб., 1877; Феокистов Е. Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны. СПб., 1882; Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892; Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз в годы Семилетней войны. 1746–1758. СПб., 1902; Нотович Н. А. Россия и Англия: историко-политический этюд. М., 1907.

⁴ Бестужев К. Н. Императрица Елисавета. М., 1912; Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896; Брикнер А. Г. История Екатерины II. М., 2005.

⁵ См. например: Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883; Жигарев С. П. Русская политика в восточном вопросе. (Ея история в XVI–XIX веках и будущие задачи): Историко-юридические очерки. М., 1896; См. также: Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1995. Кн. XVI: Работы разных лет. Восточный вопрос. История падения Польши.

⁶ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. СПб. 1897; Уляницкий В. А. Русские консульства за границу в XVIII веке: В 2-х ч. М., 1899.

В XIX в. российские архивные учреждения поддерживали научные связи с архивами европейских стран, развивался обмен документами. На русский язык переводились и издавались донесения иностранных дипломатов из Лондона, Парижа, Вены, Берлина и Дрездена. После революции 1917 г. эти связи были прерваны.

В послевоенные годы Академия наук СССР подготовила ряд фундаментальных трудов — трехтомное и пятитомное издание «История дипломатии»⁷ и десяти томная «Всемирная история»⁸, охватывающих историю человечества с древнейших времен, которые существенно расширили имевшиеся представления о механизмах функционирования международной политики и методах дипломатии на Западе и Востоке. Однако обобщающие разделы по истории международных отношений в томах, посвященных эпохе Раннего Нового времени, отсутствуют: соответствующие сведения были помещены в страноведческие разделы и рассматривались преимущественно сквозь призму классовой или национально-освободительной борьбы.

Что касается конкретно-исторических исследований, то наиболее подробно была изучена причерноморская и закавказская политика России⁹, защищены диссертации по истории взаимоотношений России с Великобританией и Неаполитанским королевством¹⁰. Среди

⁷ История дипломатии: В 3-х т. / Под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. М., 1941; История дипломатии: В 5-ти т. / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семёнова, С.Д. Сказкина и В.М. Хвостова. М., 1959. Т. 1. Первые тома обоих изданий охватывают период с древнейших времен до 1871 г.

⁸ Всемирная история / Гл. ред. Е.М. Жуков: В 10-и т. М., 1959. Т. V. Имена монархов в названиях глав и разделов за редким исключением не упоминаются. С 1960 г. АН СССР и Министерство иностранных дел совместно готовили публикацию серий документов по истории внешней политики России XIX в. См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1960 — по наст. вр.; Международные отношения в начальный период Великой французской революции (1789): Сб. документов из Архива внешней политики МИД СССР. М., 1989.

⁹ См. например: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. (Его подготовка и заключение). М., 1955; Она же. Северное Причерноморье в 1775–1800 годах. М., 1959; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966; Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. М., 1985.

¹⁰ Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения в 1762–1775 гг.: дисс. ... канд. историч. наук. М., 1954; Черняк Е.Б. Секретная дипломатия Великобритании. М.: Наука. 1975; Сибирева Г.А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981; Кумок М.В. Русско-английские отношения в 30–40-е годы XVIII века: дисс. ... канд. историч. наук. М., 1987.

монографий, посвященных внешней политике России, отметим работу Г. А. Некрасова об эпохе дворцовых переворотов. В ней показано, каким образом российское правительство формировало внешнеполитический курс в условиях существования двух враждебных блоков европейских государств — Венского союза во главе с Австрией и Испанией и Ганноверского союза во главе с Англией и Францией¹¹. Выбор, сделанный в пользу Австрии, вплоть до окончания Семилетней войны оставался константой в российской внешней политике. В дальнейшем Россия балансировала между Австрией и Пруссией, что наиболее ярко проявилось в ходе Войны за баварское наследство 1778–1779 гг. События были детально изучены Г. А. Нерсесовом в монографии «Политика России на Тешенском конгрессе», впервые опубликованной в 1950 г. в Горьком и переизданной в Москве в 1988 г. после смерти автора по инициативе Т. М. Исламова¹².

И все-таки дипломатия Нового времени — прерогатива монархов и аристократии, а о них писать было не принято. Единственный российский правитель XVIII в., биография которого дважды издавалась в советское время (в серии «Жизнь замечательных людей»), был Петр I¹³. С изменением политической ситуации в стране российская историография во многом вернулась к сюжетам, которые разрабатывались еще в XIX в. С конца 1980-х годов начали появляться биографии Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Петра III и их сподвижников: Э. И. Бирона, Н. И. Панина, Г. А. Потемкина. Монографии Е. В. Анисимова, И. В. Курукина, О. И. Елисейевой и многих других позволили переосмыслить место и роль XVIII века в истории России¹⁴. Ее вхождение в круг великих держав стало рассматриваться не только как результат петров-

¹¹ Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739 гг. М., 1979.

¹² Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе (1778–1779). М., 1988.

¹³ Мавродин В. В. Петр I. М., 1948; Павленко Н. И. Петр I. М., 1975; Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984 (в 1990 г. переиздана под название «Дипломатия Петра Великого»). См. также биографии сподвижников Петра I: Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981; Он же. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.

¹⁴ См., например: Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986; Он же. Елизавета Петровна. М., 1999; Он же. Анна Иоанновна. М., 2002; Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII в. СПб., 1992; Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989; Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. М., 2003; Он же. Бирон. М., 2006; Мильников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002; Елисейева О. И. Потёмкин. М., 2006; Она же. Екатерина II. М., 2008.

ских завоеваний и применения права силы, но и как следствие постепенного встраивания в систему международных отношений в Европе путем заключения союзных договоров как с одним, так и несколькими партнерами одновременно.

Методология. Системный подход, прочно вошедший в российскую историографию, подразумевает, что международные отношения рассматриваются в качестве последовательно сменяющих друг друга систем, а каждое государство — в качестве важного элемента такой системы, способствующего поддержанию ее жизнеспособности или, напротив, расшатывающего ее. Критерии выделения той или иной системы разнятся, но находятся преимущественно в политической плоскости. XVIII век для европейского континента был эпохой глубокой трансформации правового порядка, закрепленного Вестфальскими мирными договорами 1648 г., и становления пентархии — гегемонии пяти великих держав (Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции), окончательно оформленной Венским конгрессом 1815 г. и фактически просуществовавшей до Первой мировой войны. Если в «Истории дипломатии» 1959 г. лишь один раз упоминалась «система оборонительных союзов европейских государств» [История дипломатии, 1959, с. 466], то в четвертом томе «Истории Европы» 1994 г. было два раздела, написанных Е. Б. Черняком, которые посвящены непосредственно системе международных отношений в XVII–XVIII вв., основывающейся на идее баланса сил¹⁵. Однако Вестфальской эту систему Е. Б. Черняк не называет, как это сейчас принято в мировой историографии.

Процедура исследования. Анализ Вестфальской и Венской систем принадлежит А. В. Ревякину и Н. Ю. Васильевой. Они выделили основные факторы (династические, конфессиональные, политические, торгово-экономические), которые оказывали влияние на формирование обеих систем и способствовали их восстановлению после серьезных кризисов¹⁶. Отметим здесь, что признание неотделимости международных отношений от внутривнутриполитической повестки дня является одной из важнейших характеристики современных исследований.

Специалисты из Института российской истории РАН, которые подготовили ряд обобщающих трудов по истории внешней политики Рос-

¹⁵ История Европы: В 6-ти томах. М., 1994 Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века) / Отв. ред. М. А. Барг.

¹⁶ См.: История международных отношений в Новое время: Учебное пособие. М., 2004; История международных отношений: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского: В 3 т. М., 2012. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / Под ред. А. В. Ревякина; авт. колл. А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева.

сии¹⁷, предпочитают выделять в рамках Вестфальской системы Утрехтско-Ништадтскую, сложившуюся после окончания Войны за испанское наследство 1701–1714 гг. и Северной войны 1700–1721 гг., а внутри Венской — Крымскую (1856–1877) и Берлинскую (1877–1914)¹⁸. Здесь возникает вопрос, можно ли считать заключенные системой, подразумевающей определенную устойчивость, если она существует всего 20–25 лет.

Дискуссионной представляется точка зрения М.Ю. Анисимова, много лет занимающегося историей российской дипломатии в царствование Елизаветы Петровны, о несостоявшейся в 1761–1762 гг. Аугсбургской системе международных отношений с доминирующей ролью России¹⁹. По его мнению, резкий разворот во внешней политике России, вызванный воцарением Петра III, был во многом продолжен Екатериной II и ее ближайшим советником Н. И. Паниным, которые «расценивали союзы с другими державами как нечто стеснительное для России, превращающее ее в державу второго ранга, лишаящее ее самостоятельности во внешней политике». Лишь после войны с Османской империей 1768–1774 гг., в которой Россия воевала фактически своими силами, она вернулась в Европу и начала с чистого листа строить отношения с прежними союзниками, но так и «никогда не поднималась на ту высоту, на которой оказалась к концу правления Елизаветы Петровны» [Анисимов, 2014, с. 530, 543].

Тезис о выходе России из системы союзов в первой половине царствования Екатерины II мне представляется спорным, поскольку существовала «северная система» графа Панина, одним из элементов которой был союз 1764 г. с Пруссией. Однако желание российской императрицы оставаться в стороне, выступать в роли арбитра в европейских делах и самостоятельно решать свои внешнеполитические задачи,

¹⁷ Внешняя политика России. Источниковедение и историография. М., 1992; История внешней политики России: XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2000; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М., 1999; Российская дипломатия: История и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа. М., 2001; Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2007.

¹⁸ От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб, 2015.

¹⁹ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века (от Ахенского мира до начала Семилетней войны). М., 2012; Он же. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014.

подмечено верно. Тем не менее, говорить о полной изоляции России в эти годы не приходится.

Современная российская историография уделяет большое внимание царствованию Екатерины II, особенно таким сложным, излишне политизированным проблемам, как разделы Польши и «восточный вопрос». Политике России в Речи Посполитой в 1756–1768 гг. посвящена монография Б. В. Носова, который среди прочего анализирует планы обмена Восточной Пруссии на Курляндию, находящуюся в ленной зависимости от Польши, в годы Семилетней войны²⁰.

П. В. Стегний также рассматривает разделы Польши в контексте формирования системы международных отношений в Центральной и Восточной Европе²¹. По его мнению, ослабление внутреннего единства Германской империи, произошедшее в ходе Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., привело к созданию на пространстве от Рейна до Эльбы зоны своеобразного вакуума власти, который поочередно пытались заполнить Людовик XIV, Карл XII и Фридрих Вильгельм I. К середине XVIII в. эпицентр острого противоборства двух ведущих германских государств — Пруссии и Австрии — сместился на периферию Вестфальской системы, в сторону Восточной Европы, конкретно — Речи Посполитой, предельно ослабленной своим анахроничным государственным устройством²².

Глубокое исследование геополитических проектов Екатерины II второй половины 1770–1780-х годов, как реализованных (присоединение Крыма), так и оставшихся на бумаге, в том числе знаменитого «греческого проекта» (одного из многочисленных планов раздела европейских владений Османской империи и восстановления древней Греческой империи с великим князем Константином во главе), провели В. Н. Виноградов, О. И. Елисеева и П. В. Стегний²³. Работая с неопубликованными

²⁰ Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004.

²¹ Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002.

²² Стегний П. В. Прощайте, мадам Корф. М., 2009; Он же. В тени восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 2013.

²³ Век Екатерины II: Россия и Балканы / Отв. ред. И. И. Лещиловская. М., 1998; Век Екатерины II: Дела балканские / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2000; История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2004; Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М., 2000; Она же. Григорий Потемкин. М., 2005; Болотина Н. Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М., 2006; См. еще одно яркое исследование жизни князя Потемкина: Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М., 2003. Стегний П. В. Еще раз о греческом проекте Екатерины II: Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 100–118.

документами Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного военно-исторического архива, они представили убедительные доказательства того, что «греческий проект» вовсе не был мистификацией, а реально отражал присущее Екатерине II видение задач восточной политики России.

Весь комплекс противоречий, раздиравших европейский континент на разных этапах истории XVIII в., и проблема баланса сил в целом рассматриваются и в работах, посвященных двусторонним отношениям России с Великобританией²⁴, Францией²⁵, Австрией²⁶, Испанией²⁷. Особенностью исследований П. П. Черкасова, М. А. Петровой и О. В. Волосюк является привлечение архивных документов не только из российских архивов, но и из архивов Франции, Австрии и Испании, что позволило им воссоздать более полную картину двусторонних контактов, внести вклад в изучение крупнейших конфликтов эпохи. В последние годы вышли также обобщающие работы по истории внешней политики отдельных европейских стран²⁸.

Важной тенденцией в отечественной историографии является интерес к идеологическому и культурному контексту российской внешней политики. Работы о «символическом измерении» греческого проекта развивают тезис о том, что его глубинная основа заключалась в представлении о Восточном Средиземноморье не только как о сакральном пространстве, но и как о древнем центре православия, оси вселенной,

²⁴ Яковлев Н. Н. Россия и Британия. М., 2000; Медведев Ю. П. Русско-английские отношения в середине XVIII века: 1748–1763: дисс. ... канд. историч. наук. М., 2004.

²⁵ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995; он же. Екатерина II и Людовик XVI: Русско-французские отношения (1774–1792). М., 2001; Он же. Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010.

²⁶ Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010; Петрова М. А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011.

²⁷ Бобылев В. С. Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII века, 1759–1799 гг. М., 1997; Волосюк О. В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. М., 2011.

²⁸ Шатохина-Мордвинцева Г. А. Внешняя политика Нидерландов. 1716–1763 гг.: становление голландского нейтралитета. М., 1998; она же. Нейтральный внешне-политический курс Нидерландов: от Мюнстерского мира 1648 г. до конца Первой мировой войны: дисс. ... докт. историч. наук. М., 2010; Аникеева Н. Е., Ведюшкин В. А., Волосюк О. В., Медников И. Ю., Пожарская С. П. История внешней политики Испании. М., 2013; История Испании. М., 2014. Т. 2: От Войны за Испанское наследство до начала XXI века; Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании: Учебник. М., 2016.

с которой российское государство связано узами политической и религиозной преемственности²⁹. На примере знаменитой Архипелагской экспедиции, снаряженной в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., И. М. Смилянская, М. Б. Велижев, Е. Б. Смилянская по-новому взглянули на специфику освоения «иног» культурного пространства, влияния культурных и религиозных стереотипов на восприятие реалий и на поведение участников походов в «чужую» цивилизацию. Особое внимание исследователей вызвал резонанс, который приход России в Западную Европу и Средиземноморье получил в европейском и российском общественном мнении, в исторической памяти современников и потомков³⁰, а также в литературе и искусстве³¹.

Среди новых тем и исследовательских направлений необходимо отметить фундаментальные работы О. Г. Агеевой по истории российского двора и дипломатического церемониала императорской России в XVIII в. как способа символической коммуникации с иностранными государствами и одновременно средства легитимации императорской власти, способствующего «снятию барьеров» и «восприятию Российской империи в качестве просвещенной европейской державы» [Агеева, 2012, с. 788]. Автор показывает структуру двора, состав высших церемониальных чинов и церемониального ведомства, раскрывает влияние европейских образцов на формирование церемониала при российском дворе, в том числе восточного, и изменения, которые в нем происходили с течением времени³².

Результаты исследования. Самым существенным изменением, произошедшим в российской историографии за последние 25 лет, стало распространение предмета истории международных отношений на область научных и культурных связей и, как следствие, появление междисциплинарных исследований, сочетающих в себе исторические подходы и методы смежных гуманитарных дисциплин — лингвистики,

²⁹ Смилянская И. М. Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. 1995. № 5. С. 68–81.

³⁰ Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011; Смилянская Е. Б. Греческие острова Екатерины II: Опыт имперской политики России в Средиземноморье. М., 2015.

³¹ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

³² Агеева О. Г. Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. М., 2006; Она же. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008; она же. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012.

филологии, искусствоведения. XVIII век вошел в историю как Век Просвещения, и именно так называется международный альманах, который с 2006 г. готовится в Институте всеобщей истории РАН под редакцией С.Я. Карпа и публикует материалы о российско-европейских культурных связях в том числе на английском и французском языках³³.

Отечественные историки стремятся преодолеть европоцентричный подход и посмотреть, как происходило освоение мира в XVIII веке, в том числе путем изучения не только его идей и ценностей, но и символов, визуальных образов и репрезентаций, практик (религиозной жизни, воспитания и образования, путешествий, чтения, страсти к коллекционированию и т.д.). Как отмечают авторы четвертого тома новой шеститомной «Всемирной истории», «традиционное представление о Просвещении как о культурном феномене, действие которого ограничивалось европейскими странами и сферой их влияния, за последнее время обогатилось представлением об этой эпохе как о качественно новой стадии глобального взаимодействия культур» [Всемирная история, 2013, с. 10].

В эпоху Просвещения, особенно в России, дипломаты играли ключевую роль в процессах межкультурной коммуникации: они были знакомы с видными деятелями эпохи, имели возможность быстрее других узнавать о новых книгах, изобретениях, модных новинках, покупать произведения искусства для императорских и частных собраний, организовывали переселение иностранных колонистов и талантливых мастеров в Россию — словом, выступали в качестве культурных посредников. Их деятельность нашла отражение в работах С.О. Андросова, С.Я. Карпа, К.В. Малиновского, И.Р. Плева, Л.Ю. Савинской и др.³⁴

Частью культуры эпохи Просвещения стали путешествия, среди которых неизменный исследовательский интерес вызывают поездки высочайших особ. В последние годы вышел целый ряд работ, раскры-

³³ Век Просвещения / *Mi Siècle des Lumières* / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2006–2015. Вып. I–V.

³⁴ Карп С.Я. Французские просветители и Россия: Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998; Европейское Просвещение и цивилизация России: международный сборник / Под ред. С.Я. Карпа, С.А. Мезина. М., 2004; Савинская Л.Ю. Коллекционеры-дипломаты екатерининской эпохи: к истории коллекционирования живописи в России // Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1. С. 379–398; Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008; Андросов С.О. Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. М., 2011; Малиновский К.В. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб., 2007; он же. История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке. СПб., 2012; Он же. Материалы Якоба Штелина: В 3 т. СПб., 2014.

вающих неизвестные подробности «Великого посольства» Петра I, многочисленных поездок Екатерины II по России, а также путешествия великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны в Европу под именем графа и графини Северных. В них путешествия рассматриваются не только как форма дипломатии, но и как способ организации политической жизни, призванный оказать влияние на общественное мнение не только внутри России, но и за ее пределами³⁵.

За последние годы в научный оборот были введены новые источники, прежде всего архивные материалы, подготовлены публикации документов. Большое значение имеет обширное эпистолярное наследие Екатерины II. В 1997 г. В. С. Лопатин целиком опубликовал ее переписку с князем Г. А. Потемкиным с подробнейшими комментариями³⁶. 25-летним итогом исследовательской работы С. Я. Карпа стал первый том переписки императрицы и Фридриха Мельхиора Гримма, ее художественного агента и постоянного корреспондента, которая велась с 1764 по 1796 и насчитывает около 430 писем³⁷. В первом томе опубликованы письма с 1764 по 1778 г. Фундаментальное издание с комментариями, правда, на французском языке. Большой интерес представляет сборник документов «Россия — Португалия: XVIII — начало XX века», который охватывает самый широкий круг тем из области международной политики, экономики и культуры³⁸.

Кроме того, в России осуществляются переводы классических трудов по теории дипломатии³⁹ и сочинений зарубежных авторов,

³⁵ См., например: Гузевич Д. Ю. Великое Посольство и Франция (1697–1699): неиспользованные возможности или начало контактов? М., 2010; Мезин С. А. Пётр I во Франции. СПб., 2015; Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины II по России. М., 2005; Ибнеева Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009; Зазулина Н. Н. Миссия великого князя. Путешествие Павла Петровича в 1781–1782 годах: с привлечением сведений из архивов Ватикана, Австрии, Италии, Германии и Швейцарии. М., 2015; Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М., 2016.

³⁶ Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка. 1769–1791 / Под ред. В. С. Лопатина. М., 1997.

³⁷ Karp S. Catherine II de Russie — Friedrich Melchior Grimm. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. Ferney-Voltaire, 2016. Vol. I: 1764–1778.

³⁸ Россия — Португалия: XVIII — начало XX века: сборник документов. 1722–1815. М., 2007. Т. 1.

³⁹ См. переводы на русский язык: Гроций Г. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994; Кальер Ф. де О способах договариваться с государями. М., 2000 (= Серия «Классика дипломатии»); Пеке А. Рассуждение об искусстве переговоров. М., 2004 (= Серия «Классика дипломатии»).

посвященных истории России XVIII в. Особый интерес представляют биографии российских монархов в восприятии коллег из Германии, Великобритании, Франции⁴⁰.

Российские историки также печатаются за рубежом. Например, в Фернее, центре изучения наследия Вольтера, выходит серия «Архивы Востока», в рамках которой издаются сочинения, материалы и документы, показывающие роль французского языка и культуры в развитии литературных, художественных и идейных связей Западной и Восточной Европы. Эта серия является результатом программы международного научного сотрудничества, разработанной Центром по изучению XVIII века в Монпелье при поддержке Национального Центра научных исследований Франции, Дома наук о человеке и Российской академии наук. Так, в 2007 г. на французском языке вышел подробнейший гид по российским архивам, дающий представление о хранящихся там материалах по истории XVIII в., в том числе дипломатических⁴¹. В 2011 г. был опубликован двухтомный словарь под редакцией А. Мезин и В.С. Ржеуцкого, который зафиксировал имена и биографии всех французов и франкофонов (швейцарцев, валлонов и т.д.), приехавших в Россию в XVIII веке⁴².

Анализ результатов. Необходимо продолжать изучение организационной структуры российского внешнеполитического ведомства — Коллегии иностранных дел. С.Л. Турилова и П.В. Стегний сделали важные шаги в этом направлении⁴³. В 2002 г. А. Жуковская защитила в Париже диссертацию о российской дипломатической службе в XVIII в. на французском языке, но она не опубликована и широкому читателю неизвестна⁴⁴. Отсутствуют работы о дипломатическом делопроизводстве

⁴⁰ См. некоторые из них: Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М., 2000; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002; Доннерт Э. Екатерина Великая: личность и эпоха. М., 2003; Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М., 2003; Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М., 2013; Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы / Пер. с нем. И. Карташева и М. Лавринович. М., 2015.

⁴¹ Les Archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des archives et inédits / Sous la dir. de G. Dulac et Sergueï Karp. Ferney-Voltaire, 2007.

⁴² Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier / Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. 2 vol.

⁴³ Турилова С.Л. История внешнеполитического ведомства России (1720–1832 гг.). М., 2000; Стегний П.В. Коллегия иностранных дел в период правления Екатерины II // Вестник Российского университета дружбы народов. 2002. № 1 (2). С. 5–28.

⁴⁴ Joukovskaïa A. Le service diplomatique russe au XVIIIe siècle. Genèse et fonctionnement du collège des Affaires étrangères. Diss. P., 2002.

в целом, которые могли бы дать представление о механизмах принятия внешнеполитических решений при российском дворе. Явные лакуны существуют в изучении взаимоотношений России с германскими и итальянскими государствами.

Растущий интерес к фигуре дипломата как посредника, выступающего в качестве альтер эго монарха и являющегося третьим звеном в общении между двумя дворами, способствовал появлению биографий выдающихся дипломатов России. Среди них Н. В. Репнин, Н. Б. Юсупов, С. Р. Воронцов⁴⁵. Однако обобщающих работ, которые бы систематизировали сведения о кадровом составе российских миссий за рубежом, их национальном, социальном составе, уровне образования, личных интересах и методах работы, контактах с местной средой и коллегами по дипломатическому корпусу, пока недостаточно⁴⁶.

Заключение. В статье проанализировано современное состояние российских исследований по истории международных отношений и дипломатии XVIII в. и тех изменений, которые произошли в этой области за последние 25 лет. Был накоплен большой фактический материал, основанный на введении в научный оборот новых источников, который позволил иначе взглянуть на многие международные проблемы эпохи и особенно на формирование внешней политики России. Кроме того, дипломатические документы используются теперь не только для изучения явлений, напрямую относящихся к классической истории международных отношений, но и в исследованиях по истории культуры. Плодотворным оказался системный подход, рассматривающий отношения между игроками на международной арене в их взаимосвязи, а также с учетом самых разных факторов, в том числе внутривнутриполитических, оказывающих влияние на выбор внешнеполитического курса. Для российской историографии последних лет характерен интерес к символическим формам международных отношений, к идеологическому

⁴⁵ Российская дипломатия в портретах / Под ред. А. В. Игнатьева, И. С. Рыбаченок, Г. А. Санина. М., 1992; Портреты российских дипломатов. М., 2002; Лобко С. И. Н. В. Репнин — государственный деятель России второй половины XVIII века: дисс. ... канд. историч. наук. М., 2010; Буторов А. В. Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. М., 2012; Захарова О. Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность С. Р. Воронцова. М., 2013.

⁴⁶ См.: Петрова М. А. Российские дипломаты екатерининской эпохи: опыт создания коллективной биографии (на примере германских государств) // Труды Института российской истории. М., 2014. Вып. 12. С. 93–108; Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* / Отв. ред. О. В. Волосюк. М., 2016.

и общекультурному контексту внешней политики. На наш взгляд, это часть единой для мировой историографии тенденции к расширению понятия «международные отношения», которое включает в себя не только межгосударственные отношения, но самый широкий спектр межкультурных контактов, что особенно актуально применительно к XVIII в., вошедшему в историю как век Просвещения, когда начался новый этап глобального взаимодействия культур.

Литература

1. Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М.: Новый хронограф, 2012. 936 с.
2. Анисимов М. Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 571 с.
3. Всемирная история: В 6-ти томах / Гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2013. Т. 4: Мир в XVIII веке. 787 с.
4. История дипломатии: В 5-и т. / Под ред. В. А. Зорина, В. С. Семёнова, С. Д. Сказкина и В. М. Хвостова. М.: Наука, 1959. Т. 1. 896 с.

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIPLOMACY OF THE 18TH CENTURY IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Maria A. Petrova

Abstract. *The article examines the state of Russian studies on the history of international relations and diplomacy of the XVIII century (mostly of its second half) and the changes that have occurred in this area over the past 25 years. Firstly, a systematic approach has come in the contemporary Russian historiography, implying that each state is regarded as an important element in the system of international relations, which could maintain its vitality or, on the contrary, undermine the fragile balance of power. Secondly, the history of international relations and foreign policy is no longer inseparable from the internal political agenda and being studied in the broader socio-economic and socio-cultural context. Thirdly, one may note a growing interest in the symbolic forms of diplomacy, especially in the ceremonial as the way of interacting in the international arena, which reflected the state of bilateral relations, and at the same time the way of legitimation of power. Fourthly, the diplomatic documents are used to study phenomena that are not directly related to the classical history of international relations, for example in the history of education, economy and culture, as well as in the studies on mutual perception.*

The most significant change that has occurred over the past 25 years not only in the Russian historiography is the expansion of the concept of interna-

tional relations, which includes not only interstate relations, but a wide range of cross-cultural contacts. This is in particular important in the respect to the XVIII century, known as the age of Enlightenment when a new phase of global cultural interaction began.

In addition, a wide number of unstudied sources were brought to life, the publications of documents were prepared and many interesting works of foreign authors dedicated to the problems under consideration were translated into Russian.

Keywords: *International relations, diplomacy, Russian historiography, Enlightenment*

References

1. Ageeva, O. G. (2012). *Diplomatičeskij ceremonial imperatorskoj Rossii. XVIII vek.* [The Diplomatic Ceremonial in Imperial Russia]. Moscow: Novyj hronograf.
2. Anisimov, M. Ju. (2014). *Semiletnjaja vojna i rossijskaja diplomatija v 1756–1763 gg.* [The Seven-years' War and the Russian Diplomacy in 1756–1763]. Moscow: Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK.
3. Chubar'jan, A. O. (Ed.). *Vsemirnaja istorija (2013)* [The World History]. V 6-ti tomah. Moscow: Nauka. T. 4: *Mir v XVIII veke* [The World in the XVIIIth Century].
4. Zorin, V. A., Semenov, V. S., Skazkin, S. D., & Hvostov, V. M. (Eds.). *Istorija diplomatii (1959)* [The History of Diplomacy]. V 5-i t. Moscow: Nauka. T. 1.

Информация об авторе:

Петрова Мария Александровна

к.ист.н., старший научный сотрудник; Институт всеобщей истории РАН, Российская Федерация, maria.petrova@bk.ru

Maria A. Petrova

PhD (history), Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, maria.petrova@bk.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О «ВЕКЕ ЛЮДОВИКА XIV» В ЕВРОПЕ

Е. А. ПОПОВА

Аннотация. В представленной работе были изучены и проанализированы основные подходы к оценке места Франции, ее роли в международных отношениях второй половины XVII века в современной отечественной историографии.

Долгое правление Людовика XIV (1643–1715) всегда привлекало исследователей. Однако в отечественной историографии вплоть до 90-х годов XX века практически не было специальных работ, раскрывающих роль Франции в международных отношениях во второй половине XVII столетия.

На рубеже веков отечественные историки, руководствуясь новыми теоретическими установками, проявили интерес к проблемам глобализации, политического преобладания, абсолютного суверенитета, национального интереса, роли личности в истории. История международных отношений «века Людовика XIV» дает обширный материал для исследования указанных проблем.

В работе над статьей автором были использованы хронологический, историко-генетический и историко-типологический методы. Процесс исследования проходил в несколько этапов, в ходе которых были собраны, систематизированы и проанализированы основные труды историков по изучаемой эпохе.

Изучение отечественной историографии «века Людовика XIV» в Европе позволяет определить основные вехи и подходы историков в оценке роли Франции в международных отношениях XVII в. Основные научные труды по дипломатии Людовика XIV и международным отношениям той эпохи, роли отдельных личностей (короля, его министров, военачальников) были опубликованы на рубеже XX и XXI веков.

На протяжении многих десятилетий в отечественной историографии господствовало мнение о безусловной гегемонии Франции в Европе во второй половине XVII в. В последних исследованиях все чаще обнаруживается позиция историков, согласно которой Франция своей

агрессивной политикой лишь боролась за преобладание в Европе.

Ключевые слова: Людовик XIV, внешняя политика, гегемония, историография

Введение. Проблема главенства той или иной страны в системе международных отношений, комплекс факторов, позволяющих достичь этого положения, признание такой преобладающей роли другими государствами относится к числу приоритетных в различных направлениях гуманитарного знания: истории, политологии, философии и социологии.

Фигура Людовика XIV, во время правления которого Франция заняла лидирующее положение в европейской политике, безусловно, является хрестоматийной. Его личности, различным аспектам внутренней и внешней политики его правления посвящено огромное количество научной и популярной литературы прежде всего французской, а также иной зарубежной, по преимуществу англоязычной. В отечественной исторической литературе этот интерес также нашел определенное отражение, по объему не сравнимое с зарубежной историографией. Однако перу отечественных исследователей принадлежит ряд интересных работ, раскрывающих роль Франции в международных отношениях во второй половине XVII столетия.

В настоящей статье предпринята попытка выявить основные подходы к оценке внешнеполитических устремлений Людовика XIV, положения Франции, ее роли в международных отношениях второй половины XVII века в современной отечественной историографии.

Теоретическое основание исследования. В 90-е годы XX века отечественная историческая наука, как и общество в целом, оказалось на распутье. В связи с отказом от классового подхода к изучению истории, были предприняты поиски новых мировоззренческих основ и методологических подходов. Отечественные историки, руководствуясь новыми теоретическими установками, проявляют ярко выраженный интерес к проблемам глобализации, политического преобладания, абсолютного суверенитета, национального интереса, роли личности в истории. История международных отношений «века Людовика XIV» дает обширный материал для исследования указанных проблем. В этой связи представляется интересным определить позицию отечественных исследователей к вопросу о месте и роли Франции эпохи Короля-Солнце в системе международных отношений.

Исследование: основная часть. Осмысление места Франции в Европе, путей, способов и инструментов достижения ее лидирующего положения в XVII веке, роли личности монарха в этом процессе, пагуб-

ного влияния амбициозной внешней политики на состояние дел внутри государства началось еще при жизни Короля-Солнце и продолжается до сих пор. Интерес к этим проблемам обнаруживается уже в колоссальном мемуарном наследии и литературе того времени. Первой серьезной попыткой осветить эпоху правления Людовика XIV и особое положение Франции в эту эпоху следует признать труд Вольтера «Век Людовика XIV». Это название стало в дальнейшем часто использоваться историками для обозначения особой роли Франции в европейских делах той эпохи.

Методология исследования. Реалии современной плюралистической методологии позволили использовать комплексное применение различных методов исследования, базовым из которых явился хронологический метод, включающий анализ работ в хронологической последовательности¹, историко-генетический — для определения причинно-следственных связей в появлении различных оценок и подходов в изучении темы, историко-типологический — для выявления отдельных этапов изучения и их основных характеристик.

Процедура исследования. Автор настоящей статьи при выборе темы и работой над диссертацией² в начале 2000-х годов обратил внимание на незначительный интерес российских историков к эпохе Людовика XIV. Однако по прошествии чуть более десяти лет ситуация изменилась. Появились статьи, монографии, коллективные работы и новые фундаментальные учебники по истории международных отношений этого периода, изучение и анализ которых позволяет определить общие тенденции и особенные подходы современных российских ученых к «веку Людовика XIV» в Европе.

Начало изучения этого периода российскими историками относится к XIX веку. В дореволюционной отечественной историографии проблемы внешней политики Франции были затронуты в ряде работ. Среди них следует отметить исследование Я. Г. Гуревича «Происхождение войны за испанское наследство и коммерческие интересы Англии». Я. Г. Гуревич, рассматривая истоки войны за испанское наследство, обращается к истории отношений Франции и Габсбургов, начиная с эпохи заключения Пиренейского мира. Широкий круг источников, на которые

¹ От правила рассмотрения в исторической последовательности автор статьи делает отступления, чтобы уточнить точку зрения историков по отдельным аспектам международных отношений.

² Попова Е. А. «Преобладание Франции в европейской политике во второй половине XVII века: пути восхождения». Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М., 2004.

опирается автор, и комплексный подход к исследованию поставленной проблемы делает эту работу очень информативной и полезной для выявления экономических причин политических событий: «На первый взгляд может легко казаться, будто в войне за испанское наследство дело шло только о восстановлении политического равновесия Европы, о том, будет ли на престоле Испании династия Бурбонов или Габсбургов, Филипп Анжуйский или эрцгерцог Карл; но при ближайшем рассмотрении причин и хода войны... выступает и другая сторона — уже не раз до того времени проглядывавшееся торговое соперничество Франции, Англии или Голландии» [Гуревич, 1884, с. VII]. Конец XVII — начало XVIII вв., согласно мнению историка, ознаменованы торжеством парламентаризма и протестантизма в Англии, переходом от высшей степени могущества абсолютной монархии во Франции к началу политического, общественного и экономического упадка [Гуревич, 1884, с. VII].

Вызывает интерес и другая небольшая по объему работа этого же автора «Значение царствования Людовика XIV и его личности», в которой мы находим такую характеристику французского монарха: «Хотя Людовик XIV и не принадлежал к числу тех немногих исторических деятелей, которые налагают неизгладимую печать своего гения на ту эпоху, представителями которой они являются, тем не менее, время Людовика XIV не без основания носит его имя. Дело в том, что он явился как бы олицетворением той абсолютистской системы управления, стремление к осуществлению которой во второй половине XVII века обнаружилось не в одной Франции... Но из того, что Людовик XIV олицетворял собою политические устремления своего времени не следует еще, что он был великим государем и великим человеком» [Гуревич, 1886, с. 8]. Такой взгляд на короля и его правление нередко можно встретить в научных трудах последующих поколений историков.

Современник Я. Г. Гуревича известный русский историк Н. И. Кареев иначе трактовал основы французской внешней политики, призывая не искать в ней ни национальных, ни экономических, ни политических интересов самой Франции: «доминирующей нотой этой политики были могущество и слава самого короля и преобладание его династии над всеми царствующими домами Европы» [Кареев, 1908, с. 97]. Кареев подчеркивал, что политика монарха была порождением психологии абсолютизма, в которой «интересы самой власти объединялись не столько с интересами нации, сколько с интересами династии» [Кареев, 1908, с. 97]

После публикации работ Я. Г. Гуревича специальных исследований по внешней политике Франции периода правления Людовика XIV долгое время не появлялось. Важным этапом в изучении «века Людовика XIV»

надо признать появление одноименной работы видного историка А. Н. Савина, которая была издана на основе лекций, прочитанных в 1912–1913 гг.³ Здесь преобладает негативная оценка правления короля, который своей «великодержавной политикой» привел страну к разорению. Дипломатия Людовика XIV получила характеристику тёмной и опасной политики. Принимая во внимание либеральные взгляды историка, можно предположить завуалированную таким образом критику царского режима⁴.

Внешняя политика французского абсолютизма нашла отражение в ряде учебных изданий, среди которых следует обратить внимание на «Историю дипломатии», ставшую первым опытом советской исторической науки по созданию фундаментального труда по истории дипломатии от древности до современности. Авторы раздела «Дипломатия в XVII веке» С. В. Бахрушин и С. Д. Сказкин определяют этот период как время французской гегемонии в XVII веке: «Если в XVI веке первую роль в международных отношениях играла Испания, то в XVII веке можно говорить о настоящей гегемонии Франции, по крайней мере на континенте» [История, 1941, с. 204]. Авторы отмечают особую роль Вестфальского мира в усилении позиций французской монархии: «Принципы „политического равновесия“, выдвинутые во время переговоров в Мюнстере и Оснабрюке, обеспечили политическое преобладание Франции. Самый опасный из противников Франции — Империя — фактически перестал существовать.» [История, 1941, с. 212]. Необходимо подчеркнуть, что этот подход в оценке международных отношений в XVII веке надолго стал определяющим в отечественной историографии.

Советские историки, а затем и российские, большее внимание уделили исследованию центрального события международных отношений середины XVII столетия — Вестфальскому миру, заложившему базу для последующих притязаний французской монархии, и содержанию франко-имперских отношений как следствию новых реалий международных отношений. Хронологически эти исследования выходят за рамки «века Людовика XIV», так как рассматривается период до 1661 года, когда началось самостоятельное правление Людовика. Однако, основные направления французской политики были заложены предшественниками Короля-Солнце, и представляется целесообразным кратко осветить

³ Издание было подготовлено студентами, кропотливо собравшими свои записи. Позднее эта работа была переиздана в 1930 году. Это переиздание отражало процессы, происходившие в советской медиевистике в 20–30е гг. Подробнее см. Соколов А. Б. Культура придворного общества при Людовике XIV: точка зрения А. Н. Савина // Ярославский педагогический вестник. 2015. №1. С. 286–287.

⁴ Савин А. Н. Век Людовика XIV. М., 1930.

изучение этого периода в отечественной исторической науке.

В советской историографии начало изучению отдельных сюжетов политики Франции в Германии было положено диссертацией М. Г. Ивановой, посвященной борьбе Франции с испанскими и австрийскими Габсбургами в период от Вестфальского до Пиренейского мира⁵. Это исследование, базирующееся на изучении дипломатических источников, а также переписке кардинала Мазарини, раскрывает причины и историю создания Рейнской лиги, повествует об англо-французском сотрудничестве перед заключением Пиренейского мира, а также о франко-шведских отношениях, затрагивая одним словом, приоритетные направления внешней политики Франции в период регентства Анны Австрийской.

Дальнейшее изучение роли Франции в Европе связано с научным творчеством одного из крупнейших отечественных историков — Б. Ф. Поршнева, работы которого отличает глубокое философское осмысление проблем, а также собственная концепция исторического развития. Детальному исследованию политики Франции в середине XVII века посвящена книга Б. Ф. Поршнева «Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века». В этой работе, среди прочего, автор уделяет внимание и франко-имперским переговорам в Мюнстере. Он пишет, что главной целью Франции на этих переговорах было прекращение войны на континенте и заключение мира с Габсбургами «во чтобы то ни стало». Это стало бы «ключом и к решению английского вопроса, и к предупреждению внутренней катастрофы, «смуты» вырисовывавшейся на горизонте [Поршнева, 1970, с. 66]. Представляется, что Б. Ф. Поршнева несколько преувеличил влияние событий в Англии на ход переговорного процесса в Мюнстере, полагая, что Мазарини спешил с заключением мира с Габсбургами, чтобы иметь возможность направить освободившиеся силы Франции на борьбу с английской революцией.

Франко-имперские переговоры и заключение Мюнстерского трактата стали предметом исследования в диссертации М. П. Беляева, основные положения которой были позже изложены в книге «Французская и имперская дипломатия в поисках мира»⁶. М. П. Беляеву удалось,

⁵ Иванова М. Г. Борьба Франции с испанскими и австрийскими Габсбургами в период от Вестфальского до Пиренейского мира (1648–1659). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. Горький. 1954.

⁶ Беляев М. П. Франко-имперские переговоры (1644–1648) и заключение мюнстерского мира. Дисс. . . канд. ист. наук. М., 1997; Беляев М. П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира. М., 2000.

основываясь на изучении широкого круга источников, воссоздать ход франко-имперских переговоров и впервые в отечественной исторической науке проанализировать спорные статьи Мюнстерского трактата. Эта книга стала первым в отечественной историографии специальным исследованием Вестфальского мирного конгресса.

В последние годы появился ряд работ, касающихся отдельных аспектов франко-германских отношений. Е. Ю. Ивонин в статье «Архиепископы Майнцские — эрцканцлеры и курфюрсты империи»⁷, анализируя историю создания Рейнской лиги, приходит к выводу, что цели главных инициаторов этого союза — кардинала Мазарини и курфюрста Майнца, не были идентичными: если курфюрст Майнца хотел с помощью союза сплотить большинство курфюрстов на рейхстагах, укрепив тем самым свое положение и создав оборонительный союз для защиты имперского мира, то Мазарини хотел использовать этот союз для защиты территориальных приобретений Франции по миру 1648 года и для предотвращения совместных действий испанских Нидерландов и венского двора.

Имперским выборам 1658 года⁸ и связанному с ними процессу создания Рейнской лиги посвящена статья Л. И. Ивониной. В результате исследования автор приходит к выводу, что «франко-немецкие отношения в столетие после 1648 года характеризовались дифференциацией и совершенствованием возможностей политического давления со стороны Франции...» [Ивонина, 2000, с. 178].

С середины XX века в историографии истории международных отношений важную роль занимали труды, в которых внешняя политика отдельных государств объяснялась исходя из потребностей внутреннего развития страны. Однако в 90-е гг. произошел поворот в содержании и направленности исследований. Признавалось, что значение факторов внутренней политики при формировании курса внешней не стоит преувеличивать. Внешнеполитические действия стран определяются геополитическими, династическими или так называемыми национальными интересами.

Эти тенденции в развитии историографии истории международных отношений нашли свое отражение и в отечественной научной литературе.

Некоторые вопросы из истории внешней политики Франции с начала самостоятельного правления Людовика XIV до конца 70х гг. XVII века анализируются в монографии В. Н. Малова «Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская

⁷ Ивонин Е. Ю. Архиепископы Майнцские — эрцканцлеры и курфюрсты империи // Проблемы истории международных отношений в новое время. Смоленск, 2002. С. 70–102.

⁸ Кардинал Мазарини выдвигал кандидатуру Людовика XIV в императоры.

бюрократия и французское общество». Основываясь на глубоком знании источников, автор выявляет причины франко-голландской войны. Не отрицая роль кольберовского протекционизма в назревании противоречий в отношениях двух стран, В. Н. Малов подчеркивает, что «в данном случае французская монархия руководствовалась, в первую очередь, политико-гегемонистскими соображениями» [Малов, 1991, с. 204].

В российской исторической науке, кроме уже указанных работ, следует отметить книгу Ю. В. Борисова «Дипломатия Людовика XIV», внесшей заметный вклад в отечественную историографию истории Франции и международных отношений второй половины XVII — начала XVIII вв. Эта монография дает представление не только о методах, средствах и приемах французской дипломатии, успехах и проигрышах внешней политики Людовика, но и воссоздает колорит эпохи, обращаясь к личностям министров Короля-Солнце, его окружению и семье. Автор так определяет внешнюю политику Людовика XIV: «Суть ее в следующем. Мир — временное состояние общества. Это лишь интервал — более или менее большой — между войнами. Сила — единственное надежное средство решения межгосударственных конфликтов. Цель войны — завоевание новых территорий». Подлинные внешнеполитические интересы прикрывались словесной шелухой: «король дал мир Европе»; «он хочет спокойствия и благоденствия для христианства». Если обратиться к истории возникновения внешнеполитических стереотипов, прославляющих что угодно, кроме правды, то у современной дипломатии богатейшее наследие французского королевства, как справедливо замечает историк [Борисов, 1991, с. 67–68].

Борисов обращает внимание читателей, что идеи величия, глубоко укоренившиеся в сознании Людовика XIV, «мешали ему трезво определять место отдельных государств в системе международных отношений в Европе. Он недооценивал финансовые возможности Голландии, силу английского протестантизма. Не видел зарождения идей германского единства... Мания величия проявлялась и в том, что Людовик XIV читал себя главной политической фигурой в Европе» [Борисов, 1991, с. 68–69].

Внешняя политика короля имела как сильные, так и слабые стороны. С одной стороны, замечает Ю. В. Борисов, в правление этого монарха в основном было завершено формирование территории французского государства. С другой стороны, затраченные усилия часто не приносили ожидаемых результатов, так как «...экономические, финансовые, военные возможности Франции не отвечали агрессивным замыслам монарха и его окружения, всегда отдававшим предпочтение силе и только силе. А это и триста лет назад, и в наши дни никогда не приводило и не

приводит к добру» [Борисов, 1991, с. 364].

Л. И. Ивонина, профессор Смоленского государственного университета, автор значительного числа статей и монографий, посвященных международным отношениям середины XVII — первой половины XVIII столетия. Среди публикаций последнего десятилетия, касающихся вопросов внешней политики Франции, можно отметить *«Очерки международных отношений в Европе во время становления Вестфальской системы (1648–1715)»*, *«Мазарини»*, *«Война за испанское наследство, Полководцы-миротворцы? (Евгений Савойский и Клод-Луи Виллар)»* (в соавторстве), *«Армии и сражения войны за Испанское наследство (1701–1714)»* (в соавторстве).

Характеризуя начало правления Людовика XIV, Л. И. Ивонина, вслед за французскими историками, говорит о планах «утверждения французской гегемонии в Европе путем ослабления двух ветвей Габсбургов, заключения союзов со Швецией, Англией, Германскими князьями, Польшей, Турцией..., захвате Испанских Нидерландов и присоединение к Франции земель и городов на ее северных, восточных и южных границах, разделе владений Испании, борьбы с Римом за влияние в католическом мире..., расширения колониальных владений Франции» [Ивонина, 1998, с. 11]. Автор замечает, что, реализуя свои планы, Людовик XIV «претендовал не только на политическую, но и на духовную гегемонию в Европе, что позволило бы усилить его влияние на католических государей Германии и Италии» [Ивонина, 1998, с. 15].

В исследовании, посвященном деятельности маркиза де Торси, главы версальской дипломатии на закате правления Короля-Солнце, Л. И. Ивонина уточняет, что начало личного правления Людовика XIV ознаменовалось стремлением к нарушению системы равновесия сил, что привело к четырем войнам XVII — начала XVIII вв. Мир в начале правления Людовика XIV был триумфом французской внешней политики на континенте, а в конце его власти являлся признанием нового европейского порядка, в котором Франция многое не могла изменить⁹.

В монографии «Война за испанское наследство» автор, в отличие от позиции своего предшественника Я. Г. Гуревича, довольно осторожно говорит о роли коммерческого фактора в возникновении войны за испанское наследство и в то же время готова допустить, что этот фактор стал «доминантой государственных интересов» стран «буржуазной цивилизации» к середине XVIII века [Ивонина, 2010, с. 178]. Интересно, что в дискуссии о том, кто несет главную ответственность за развязывание

⁹ Ивонина Л. И. Маркиз де Торси // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 44–67.

войны, Ивонина высказывает мнение, несколько отличное от большинства отечественных историков, писавших о стремлении Людовика XIV к гегемонии в Европе. Она возлагает вину на Леопольда I Австрийского, который «семимильными шагами двигался к войне, будучи уверенным в своей правоте, силе и поддержке большинства государств континента и, прежде всего имперских чинов» [Ивонина, 2010, с. 71]. Однако в другой работе, посвященной этому же европейскому конфликту, автор пишет, что «полстолетия гегемонию в Европе осуществляли две державы — Франция и Швеция» [Ивонина, 2009, с. 3].

Размышляя над истоками внешнеполитических действий европейских стран, Л. И. Ивонина замечает следующее: «Важнейшими элементами международных отношений классической Европы были борьба за династический и государственный престиж, укрепление позиций государственной власти и внутреннего порядка за счет внешнеполитических достижений, завоеваний не только на континенте, но и за его пределами» [Ивонина, 2010, с.7]. Эта позиция автора вписывается в тенденцию «примата внешней политики» в современной историографии международных отношений.

В современных учебниках по истории международных отношений можно проследить две основные линии в оценке внешней политики Франции во второй половине XVII столетия. В коллективной работе «История международных отношений и внешней политики России» автор раздела «Международные отношения в Европе в XVII–XVIII вв.» Н. С. Елманова, опираясь на классическую оценку этого периода в отечественной историографии, пишет: «Во второй половине XVII — начале XVIII в. лидирующее положение принадлежало Франции» [Международные отношения, 2001, с. 21]. Далее отмечается, что система международных отношений, установившаяся в Европе после Вестфальского мира, исходила из принципа политического равновесия. «Однако именно Франция — государство, названное в договоре гарантом соблюдения условий мира, — нарушала это равновесие своими притязаниями и завоевательными действиями. Поэтому страны, независимость и территории которых оказывались под угрозой, не имея возможности поодиночке сопротивляться могущественной Франции, создавали коалиции, неизменно направленные против Версаля» [Международные отношения, 2001, с. 25]. Подводя итог правлению Людовика XIV, Н. С. Елманова замечает: «Кривая французского могущества и величия короля-солнца, которая беспрестанно стремилась вверх первые двадцать пять лет его правления и достигла пика в середине 80-х годов XVII в., резко упала вниз. «Век Франции» в западноевропейской истории кончился. Насту-

пало время баланса сил» [Международные отношения, 2001, с. 31–32].

Более сдержанную оценку успехов французской короны на европейской политической арене мы находим в работе А. В. Ревякина «История международных отношений нового времени». Автор не пишет о французском преобладании, а Людовика XIV определяет, скорее, как «возмутителя спокойствия» в Европе. Характеризуя итоги войны за испанское наследство, А. В. Ревякин пишет о крахе намерений Людовика XIV «изменить расстановку сил в свою пользу и добиться господства Франции Европе и колониях. Благодаря усилиям антифранцузской коалиции баланс сил в начале XVIII был восстановлен...» [Ревякин, 2004, с. 41, 46].

Результаты исследования. В статье были рассмотрены основные работы отечественных исследователей, посвященные внешней политике Франции в период правления Людовика XIV.

Анализ результатов. Изучение отечественной историографии «века Людовика XIV» в Европе позволяет выявить основные вехи изучения и подходы историков в оценке роли Франции в международных отношениях XVII в. Исследование отдельных аспектов началось еще в XIX веке изучением истоков войны за испанское наследство. После довольно долгого забвения исследование было продолжено спустя полвека, и в фокусе внимания отечественных историков были, в основном, исследования истоков политики Короля-Солнце, а именно Вестфальский мир и дипломатия Франции середины XVII века. Интерес именно к этому периоду объяснялся, в первую очередь, и его значимостью для дальнейшего развития системы международных отношений, и отсутствием фундаментальных исследований столь важных для судеб Европы событий.

Внимание исследователей к изучению дипломатии Людовика XIV и международных отношений той эпохи, роли отдельных личностей (короля, его министров, военачальников) в истории этого периода, обнаруживается в 90-е гг. XX в. и продолжается до сих пор, что объясняется пока не очень значительным вкладом отечественных историков в изучение международных отношений во второй половине XVII — начале XVIII вв.

Заключение. Долгие годы в отечественной историографии господствовало мнение, разделяемое и многими зарубежными историками, о безусловной гегемонии Франции в Европе во второй половине XVII в. В последних исследованиях все чаще обнаруживается позиция историков, согласно которой Франция своей агрессивной политикой лишь боролась за преобладание, столкнувшись в военном противостоянии со многими государствами Европы, заинтересованными в сохранении

баланса сил, достигнутого в ходе Вестфальского мира.

Литература

1. Беляев М. П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира. М.: ИВИ РАН, 2000. 112 с.
2. Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991. 384 с.
3. Гуревич Я. Г. Происхождение войны за испанское наследство и коммерческие интересы Англии. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1884. 183 с.
4. Гуревич Я. Г. Значение царствования Людовика XIV и его личности. СПб., Типография В. С. Балашева, 1886. 20 с.
5. Ивонина Л. И. Война за испанское наследство. Смоленск: Издательство СмолГУ. 2010. 318 с.
6. Ивонина Л. И. Война за наследство в Испании // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 3–20.
7. Ивонина Л. И. Дипломатия и революция (Две Английские революции и европейская политика XVII в.). Смоленск: СГПУ, 1998. 278 с.
8. Ивонина Л. И. Франция, имперские выборы 1658 года и создание Рейнского союза // Исследование по зарубежной истории. Смоленск, 2000. С. 162–179.
9. История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. М.: Соцэкгиз. 1941. Т. I. 586 с.
10. Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича. 1908. 452 с.
11. Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991. 248 с.
12. Поршневу Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века. М.: Наука, 1979. 387 с.
13. Протопопов А., Козьменко В., Елманова Н. История международных отношений и внешней политики России. М.: Аспект Пресс, 2001. 344 с.
14. Ревякин А. В. История международных отношений нового времени. М.: РОС-СПЭН 2004. 264 с.

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE «AGE OF LOUIS XIV» IN EUROPE

Elena A. Popova

Abstract. *The author tries to identify the main approaches to the evaluation of the French place, its role in the international relations of the second half of the XVII century in modern Russian historical studies.*

Long reign of Louis XIV (1643–1715) has always attracted researchers. However, the Russian historians of the early 90-ies carried out research on the role of France in international relations during the second half of the XVII century.

At the turn of the century Russian historians have shown a clear interest in the problems of globalization, of the political dominance, of the absolute sovereignty, of the national interest, of the role of personality in history. The history of international relations, « the Age of Louis XIV» provides extensive material for the study of these problems.

In working on this article, the author used a chronological, historical and typological methods. The study took place in several stages, when the main works by historians of the studied period were collected, systematized and analyzed.

The study of Russian historiography of «the Age of Louis XIV» in Europe to determine the main stages and historians approach to assessing the role of France in the international relations of the XVII century. Main areas of research for Louis XIV diplomacy and international relations of the era, the role of individuals (and the king and his ministers, generals) were published at the turn of XX and XX centuries.

Opinion of the unconditional French hegemony in Europe during the second half of the XVII century for a long time dominated the Russian historiography. Now historians believe that France with its aggressive policy only struggled for supremacy in Europe.

Keywords: *Louis XIV, foreign policy, hegemony, historiography*

References

1. Beljaev, M. P. (2000). Francuzskaja i imperskaja diplomatija v poiskah mira [The French and Imperial Diplomacy in Search of Peace]. Moscow: IVI RAN.
2. Borisov, Yu. V. (199). Diplomacija Ljudovika XIV [The Diplomacy of Louis XIV]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.
3. Gurevich, Ja. G. (1884). Proishozhdenie vojny za ispanskoe nasledstvo i komercheskie interesy Anglii [The Origins of the War of the Spanish Succession and the Commercial Interests of England]. St. Petersburg: Tipografija V. S. Balasheva.
4. Gurevich, Ja. G. (1886). Znachenie carstvovanija Ljudovika XIV i ego lichnosti [The significance of the Reign of Louis XIV and of his Personality]. St. Petersburg: Tipografija V. S. Balasheva.
5. Ivonina, L. I. (1998). Diplomacija i revolucija (Dve Anglijskie revolucii i evropejskaja politika XVII v.) [The Diplomacy and the Revolyuion (Two English Revolutions and the European Politics of the XVIIth Century)]. Smolensk: SGPU.
6. Ivonina, L. I. (2000). Francija, imperskie vybory 1658 goda i sozdanie Rejnskogo sojuza [France, the Imperial Elections of 1658 and the emergence of the Rhine Alliance]. In *Issledovanie po zarubezhnoj istorii [The Researches in the History of Foreign Coutries]*. Smolensk, 162–179.
7. Ivonina, L. I. (2009). Vojna za nasledstvo v Ispanii [The War of the Spanish Succession]. *Voprosy istorii [The Questions of History]*, 1, 3–20.

8. Ivonina, L.I. (2010). *Vojna za ispanское nasledstvo* [The War of the Spanish Succession]. Smolensk: Izdatel'stvo SmolGU.
9. Kareev, N.I. (1908). *Zapadno-evropejskaja absoljutnaja monarhija XVI, XVII i XVIII vekov* [The Absolutist Monarchy in Western Europe of XVI, XVII and XVIII Centuries]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasjulevicha.
10. Malov, V.N. (1991), Zh.-B. Kol'ber. *Absoljutistskaja bjurokratija i francuzskoe obshhestvo* [J.-B. Colbert. The Absolutist Bureaucracy and the French Society]. Moscow: Nauka.
11. Porshnev, B.F. (1979). *Francija, anglijskaja revoljucija i evropejskaja politika v seredine XVII veka* [France, the English Revolution and the European Politics in the Middle of the XVIIth Century]. Moscow: Nauka.
12. Potemkin, V.P. (Ed.). *Istorija diplomatii (1941)* [The History of Diplomacy]. Moscow: Socjkgiz. T. I.
13. Protopopov, A., Koz'menko, V., Elmanova, N. (2001). *Istorija mezhdunarodnyh odnoszenij i vneshnej politiki Rossii* [The History of International Relations and of the Foreign Policy of Russia]. Moscow: Aspekt Press.
14. Revyakin, A.V. (2004). *Istorija mezhdunarodnyh odnoszenij novogo vremeni* [The History of International Relations of the Modern Age]. Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторе:

Попова Елена Анатольевна

к.ист.н., доцент; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, e-popova@yandex.ru

Elena A. Popova

PhD (history), Assoc. Prof.; RUDN-University, Russian Federation, e-popova@yandex.ru

ВЕСТФАЛЬСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. В. РЕВЯКИН

***Аннотация.** Статья посвящена современной российской историографии Вестфальской системы международных отношений. Отмечается, что наши исследователи традиционно уделяют истории внешней политики отдельных государств больше внимания, чем истории двусторонних и многосторонних отношений. Поэтому правовые и дипломатические механизмы многостороннего взаимодействия государств на международной арене изучены в нашей исторической литературе недостаточно. Часто мы встречаем в ней лишь формальные упоминания о Вестфальской системе, без сколько-нибудь глубокого анализа роли ее институтов. В статье анализируется ряд работ, в которых уделено внимание предпосылкам возникновения Вестфальской системы, закономерностям ее развития, причинам кризиса и упадка, а также роли в истории международных отношений. Автору статьи представляется, что противоречивое отношение к Вестфальской системе в современной отечественной литературе во многом объясняется различиями в методологических подходах авторов. Долгое время историки нашей страны, руководствуясь классовым методом, усматривали в международных отношениях преимущественно борьбу сил реакции и общественного прогресса и не уделяли достаточно внимания их собственной специфике. Поскольку такой подход себя в целом не оправдал, отечественные историки в последние годы увлеклись геополитикой. В соответствии с геополитическим подходом, борьба крупнейших держав за господство, за стратегически важные территории или контроль над ними, за жизненно важные ресурсы и т.п. считается движущей силой международных отношений и неиссякаемым источником международных противоречий. Характерно, что сторонники как классового, так и геополитического подходов признают Вестфальскую систему лишь формально, не придавая ей большого значения. Напротив, с большим вниманием к ней относятся привер-*

женцы системного подхода, также пользующегося в настоящее время заметной популярностью. Последние исходят из предположения, что кроме межгосударственных противоречий, важным фактором развития международных отношений было стремление европейских держав договариваться между собой об условиях мирного существования, тем более острое в обстановке относительного равновесия их сил, установившегося после окончания Тридцатилетней войны. По мнению автора, вопрос о международном праве, его роли и значении в развитии международных отношений также служит источником разногласий историков в дискуссиях о Вестфальской системе.

Ключевые слова: историография, история международных отношений, Вестфальская система

Введение. Современная отечественная литература по истории международных отношений обширна. Она определенно наследует традициям дореволюционной русской и советской историографии, для которой указанная область исследований была одним из явных, очевидных приоритетов. Историография прежних лет вместе с тем служит для нее ценным научным ресурсом, без использования которого в своей деятельности не может сегодня обойтись ни один ученый. И в том и в другом отношении история международных отношений заметно отличается от других, более юных отраслей науки о прошлом общества, заявивших о себе лишь в последние десятилетия.

Впрочем, богатое наследие легко оборачивается бременем, нести которое подчас нелегко. А. В. Чудинов, один из авторов тома 4 новейшего коллективного труда «Всемирная история», не без оснований называет историю международных отношений «одной из наиболее консервативных отраслей исторической науки». Однако вряд ли справедлив его упрек историкам-международникам в том, что среди них «даже сегодня, в начале XXI столетия... в порядке вещей ссылаться на публикации дипломатических документов и даже на монографии по данной тематике, вышедшие еще в XIX в., при том что во многих других сферах историографии издания аналогичной давности представляют интерес лишь для историков науки». И все же нельзя не согласиться с мыслью автора, что история международных отношений нуждается в содержательном обновлении. Характеризуя современные подходы к ее изучению, А. В. Чудинов отмечает: «Теперь она не только изучается сугубо в политическом ракурсе, но и включается в более широкий социально-экономический и социокультурный контекст. То есть, с одной стороны, история межгосударственных отношений рассматривается в неразрывной связи с происходившими в обществе экономическими процессами и социальными

сдвигами. С другой — трактуется как одна из сфер культуры в широком смысле слова...» [Всемирная история, 2013, с. 514].

Теоретические основания исследования. По нашему мнению, в каком контексте ни рассматривай международные отношения, они в течение последних столетий были и до сих пор остаются по преимуществу отношениями межгосударственными. Поэтому пристальное внимание отечественных исследователей к дипломатической истории глубоко обосновано и закономерно. Зато вызывает вопросы традиционная склонность нашей историографии толковать историю международных отношений с позиций внешней политики отдельных государств. Подобно тому как любая действующая машина или живой организм не сводимы к простой совокупности их деталей и органов, так и международные отношения не представляют собой простой суммы внешнеполитических усилий отдельных государств. И в том и в другом случае принципиально важно разобраться, каким образом, в соответствии с какими принципами и закономерностями отдельные элементы системы работают во взаимодействии, сообща.

Не случайно, что при всем богатстве выбора у нас не так много исследований, в которых освещаются или хотя бы просто акцентируются процессы возникновения, развития, кризиса и упадка Вестфальской системы международных отношений. Поразительный факт: за последние полстолетия опубликованы считанные работы, прямо или косвенно посвященные дипломатическим аспектам истории Тридцатилетней войны и Вестфальского конгресса. Отметим вышедшую в 1970 г. монографию Б. Ф. Поршнева «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.», в 2000 г. — М. Н. Беляева «Французская и имперская дипломатия в поисках мира: из истории Вестфальского мирного конгресса» и в 2002 г. — А. Ю. Прокопьева «Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648». Лишь в последней упоминается учрежденная на Вестфальском конгрессе — «впервые в истории Европы — система международных соглашений, основанных на суверенитете отдельных государств», да и то лишь со слов немецкого историка Ф. Дикманна [Прокопьев, 2002, с. 324]. Напротив, Б. Ф. Поршнев о Вестфальской системе международных отношений не проронил ни слова, — как мы увидим в дальнейшем, ему до нее вообще не было дела, поскольку озабочен он был другими научными проблемами. А вот М. Н. Беляев заслонился от этого вопроса по сути фигурой умолчания — он лишь коротко заметил, что Вестфальский мир «заложил основы политического и государственного устройства тогдашней Европы» [Беляев, 2000, с. 6]. Согласимся, это положение поддается различным толкованиям.

Исследование: основная часть. Между тем Вестфальский конгресс и Вестфальский мир — важные события, оставившие глубокий след в истории Европы. Поэтому о них в той или иной связи часто упоминают в общих работах, посвященных истории международных отношений XVII–XVIII вв., но — чрезвычайно редко в связи именно с международной системой того времени. Получается вроде так: Вестфальский мир — отдельно, система международных отношений — также отдельно. Систему, современную Вестфальскому миру, даже избегают называть Вестфальской. Так поступают, например, авторы первого тома «Истории дипломатии» — труда, долгое время пользовавшегося в нашей литературе почти непререкаемым авторитетом. Но тому, что авторы «Истории дипломатии» избегают названия «Вестфальская система», мы еще можем найти некоторое оправдание. С. В. Бахрушин и С. Д. Сказкин признают, что «определив границы государств европейского континента, Вестфальский трактат явился исходным документом для всех последующих договоров, вплоть до французской буржуазной революции конца XVIII в.» Но поскольку, по мнению авторов «Истории дипломатии», первая система международных отношений сложилась задолго до Вестфальского конгресса — еще в XVI в., его значение они усматривают прежде всего в том, что с него начинается «история европейских конгрессов» [История дипломатии, 1959, с. 275–276]. Стало быть, если Вестфальский конгресс не играл роли в создании системы международных отношений, то она не заслуживает и соответствующего названия. Труднее понять логику Б. Е. Черняка. В томе 4 «Истории Европы» он пишет: «Вестфальский мир 1648 г. ... зафиксировал глубокие сдвиги во всей системе международных отношений. Точнее, дело шло о создании новой системы международных отношений, которая просуществовала в целом почти полтора века» [История Европы, 1994, с. 191]. Но при этом историк воздерживается от того, чтобы «назвать вещи своими именами».

Нужно отметить, что в учебной и обобщающей литературе последних 10–15 лет Вестфальской, равно и пришедшим ей на смену другим системам международных отношений, уделяется значительное внимание. В первую очередь мы, конечно, имеем в виду нашу, «мгимовскую» «Историю международных отношений» в трех томах¹, но не только.

¹ История международных отношений / Под ред. А. В. Торкунова и М. М. Наринского. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / Авт. коллектив А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева; Т. 2: Межвоенный период и Вторая мировая война / Авт. коллектив А. Ю. Борисов, Н. Е. Клейменова, М. М. Наринский, А. Ю. Сидоров; т. 3: Ялтинско-Потсдамская система / Авт. коллектив Ю. А. Дубинин, Б. Ф. Мартынов, М. М. Наринский, Т. В. Юрьева. М.: Аспект-Пресс. 2012 и др. издания.

Что касается исследовательской литературы, здесь тоже наблюдаются отрадные явления. Ниже мы назовем и процитируем авторов, которые сознательно приложили усилия к тому, чтобы «вписать» конкретную тему и проблему своего исследования в более широкий контекст развития Вестфальской системы. Но часть историков игнорирует этот исторический фон, что, по нашему мнению, не лучшим образом отражается на результатах и выводах их исследований.

Не вдаваясь в подробности, сошлемся на одну из принципиально важных проблем истории внешней политики и международных отношений России XVII–XVIII вв. Предметом продолжительных и оживленных споров в нашей литературе является вопрос о международном статусе России. Одни относят ее превращение в великую державу и полноправное вхождение в европейскую систему государств лишь к правлению Екатерины II, другие связывают это событие с Елизаветой Петровной, третьи — с Петром I, четвертые вообще возводят его к временам Алексея Михайловича и чуть ли не Ивана Васильевича Грозного. Но приводимые ими доказательства почти всегда основаны на аргументах, которые выдвигали русская дипломатия, правительство и правящие круги России. Вопрос не в том, насколько убедительными были эти аргументы и как относились к притязаниям России другие страны, в том числе и «статусные» великие державы, хотя это и важно. Вопрос в другом — насколько эти притязания соответствовали реальной роли и фактическому весу России в международных отношениях, а также подтверждались практикой ее дипломатического взаимодействия с другими государствами.

Можно сослаться еще на одну застарелую проблему. Как известно, Россия была упомянута в тексте Вестфальского мира в качестве одного из гарантов его выполнения и союзника Швеции. Каково значение этого события? Какие последствия оно имело для России, Европы и Вестфальского международного порядка? Четкого, аргументированного ответа на эти вопросы слышать пока не приходилось. Да и невозможно на них ответить без анализа механизмов взаимодействия крупнейших государств в целом на европейской международной арене в XVII–XVIII вв.

Методология. Трудности «идентификации» Вестфальской системы во многом объясняются различиями в методологических подходах современных авторов. Было время, сравнительно недавнее, когда в нашей исторической науке безусловно господствовал классовый подход к изучению явлений общественной жизни. Международные отношения раннего Нового времени представлялись нашим историкам полем борьбы сил, олицетворявших, с одной стороны, нарождающийся передовой буржуазный общественно-политический строй, а, с другой — клонящийся

к упадку, хотя и не сдающийся, отсталый феодальный. Суть классового подхода ярко выразил на примере Тридцатилетней войны Б. Ф. Поршнев: «...Если характеризовать ее чисто политически, [она] была войной Габсбургов и войной против Габсбургов... поистине в ней смертельно бились политическая реакция и политический прогресс» [Поршнев, 1970, с. 43–44]. Вряд ли нужно доказывать, что за минувшую четверть столетия востребованность классового подхода заметно снизилась.

Еще в советские времена многие историки отдавали себе отчет в том, что классовый подход к изучению истории международных отношений недостаточен, не оправдывает себя. Самые благоразумные из них, конечно, ставили задачу не ниспровергнуть марксистскую методологию, но дополнить ее другими, более перспективными, целесообразными методами. Отсюда — возросший интерес к популярным в мировой науке второй половины прошлого столетия системному подходу и геополитике.

Системный подход потому так и называется, что предлагает взглянуть на международные отношения как на целостную систему, составные части которой находятся между собой в корреляции, которая возникает лишь при определенных условиях и развитие которой носит закономерный характер. Парадоксально, но факт: системный подход нашел применение в томе 1 самой что ни на есть советской и официальной «Истории дипломатии», преимущественно по отношению к истории международных отношений Древности, Средних веков и раннего Нового времени. Существенные особенности этого подхода также отражены в ней адекватно. Отметим, что Л. А. Нарочницкий в «Истории дипломатии» определял систему международных отношений как «систему вполне самостоятельных и суверенных держав, связанных между собой постоянными экономическими и политическими отношениями» [История дипломатии, 1959, с. 594]. Она является побочным продуктом борьбы государств за главенство или гегемонию, когда ни одно из них не в состоянии навязать свою власть остальным. Отсюда другой важный признак системы международных отношений — «политическое равновесие или баланс» некоторого количества основных, самых сильных в военном отношении государств, которых авторы «Истории дипломатии» называют «державами» или «великими державами». Наконец, систему характеризует и определенный международно-правовой порядок, поскольку в условиях баланса сил государства вынуждены договариваться между собой об условиях мирного существования.

Нельзя не оценить и то обстоятельство, что в первом томе «Истории дипломатии» нашли также применение отдельные элементы

геополитического подхода к изучению международных отношений. Суть его сводится к представлению о том, что борьба крупнейших держав за господство, за стратегически важные территории или контроль над ними, за жизненно важные ресурсы и т.п. является движущей силой международных отношений и неиссякаемым источником международных противоречий. Именно это представление авторы «Истории дипломатии» положили в основу периодизации истории международных отношений Нового времени, которая полностью исходит из идеи доминирования одних держав над другими и их перманентной борьбы за господство. Соответственно XVI в. охарактеризован ими как «период испанского преобладания», XVII в. — французского, высшей точкой которой был Вестфальский мир, XVIII в. — борьбы Великобритании «за первое место в мировой политике» [История дипломатии, 1959, с. 250, 377, 380].

Процедура исследования. По мере того как отечественные исследователи теряли интерес к марксистской методологии, ширились ряды поклонников системного и геополитического подходов. По нашим очень субъективным наблюдениям, последние даже добились некоторого перевеса, если не числом, то умением, своей активностью. В настоящей статье, посвященной современной отечественной историографии Венской системы, мы не планируем подробно останавливаться на научной литературе, выдержанной в духе геополитического анализа. Отметим только самые заметные вехи и симптоматичные явления.

Вне всякого сомнения, в течение последних лет 15–20, если не дольше, активно развивают указанное направление в изучении истории международных отношений Нового времени (строго говоря — до 1917 г.) сотрудники соответствующих структурных подразделений Института российской истории РАН. Главным образом их силами в 1998–1999 гг. были подготовлены и выпущены два тома, открывающих серию «История внешней политики России» (в 5 томах), которые охватывают соответственно периоды XV–XVII и XVIII вв.

В хронологически первом из них можно конечно найти несколько упоминаний сначала о стремлении России войти в «европейскую систему отношений, заложенную Вестфальским миром 1648 года» [История внешней политики, 1999, с. 9], затем о ее вхождении в эту систему, уже как о свершившемся факте: «Только во второй половине XVII века Русское государство смогло стать одной из ведущих политических сил в Восточной Европе, восстановить и укрепить свое место в общеевропейской системе международных отношений» [История внешней политики, 1999, с. 11]. Но о политических и правовых предпосылках, конкретных обстоятельствах, содержании и последствиях этого про-

цесса приводятся лишь отрывочные сведения. Зато в томе содержится много рассуждений об особенностях геополитического положения России, геополитических факторах ее развития на протяжении столетий, ее геополитических целях на разных этапах истории, начиная с IX в. Приведем, может быть, самое важное из них, имеющее отношение к рассматриваемой нами исторической эпохе. «...Геополитическое положение России на границе Европы и Азии, — пишет Г. А. Санин, — ставило перед страной следующие основные проблемы: обеспечение безопасности восточных рубежей России (восточная проблема); защита южных границ России от походов крымских татар и Турции (южная проблема); воссоединение с Россией западнорусских — украинских и белорусских — земель (западная проблема); обеспечение выхода в Балтийское море (северо-западная проблема)» [История внешней политики, 1999, с. 409].

В следующем по хронологии томе «Истории внешней политики России», охватывающем события XVIII в., роль и место нашей страны в европейской международной системе очерчена более рельефно: «Меняется само место России в системе международных отношений. Уже в конце XVII столетия Россия была довольно весомой политической силой, которая оказывала заметное влияние на положение в Центральной и особенно в Юго-Восточной Европе. Победы в Северной войне возвели Россию в гораздо более высокий ранг — в ранг великой европейской державы. Это положение страны было укреплено войнами и политикой Елизаветы Петровны и Екатерины II. Влияние России становится реальным фактором европейской и мировой политики, она оказывает активное воздействие на развитие международных отношений» [История внешней политики, 1998, с. 265]. Тем не менее, продолжает Г. А. Санин, автор вышеприведенных строк, «основные геополитические проблемы внешней политики России на первый взгляд остались прежними: балтийская, воссоединение украинских и белорусских земель, укрепление южной границы и прорыв к Черному морю, укрепление и освоение Сибири и Дальнего Востока». Но изменилось «содержание» этих проблем: в результате завоевания Россией выхода к Балтийскому морю «все более важное значение приобретает вопрос о свободном мореплавании через Зундские проливы»; воссоединение украинских и белорусских земель подтолкнуло Россию к борьбе за «политическое преобладание в Юго-Восточной Европе»; с присоединением Северного Причерноморья возникает «новая геополитическая проблема... — проблема Черноморских проливов» [История внешней политики, 1998, с. 266–267].

Более обстоятельную характеристику Вестфальской системы международных отношений Г. А. Санин дает в коллективном труде «Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI — начало XIX в.», также подготовленном коллективом в основном научных сотрудников ИРИ РАН. В частности, он отмечает, что Вестфальский мир зафиксировал ряд «норм и принципов», с которыми отныне соотносывали свои действия на международной арене европейские государства, включая «государственный интерес» и «равновесие сил». Как поясняет историк, целью «равновесия» провозглашалось «сохранение «справедливого мира», а одним из средств достижения «государственного интереса» — установление «естественных границ» своей страны, которые должны были находится в прямой зависимости от силы державы и проходить по естественным и хорошо защищенным рубежам» [Санин, 2007, с. 105]. Правда, на практике, уточняет историк, Вестфальской системе не удалось осуществить искомое равновесие сил — она, напротив, «обеспечила их перевес в пользу Франции и ее союзников» [Санин, 2007, с. 106]. По сути эта система воплощала не столько официально провозглашенные правовые принципы, сколько «определенное соотношение сил» европейских держав [Санин, 2007, с. 115]. Тем не менее, утверждает Г. А. Санин, она носила «полицентричный» характер, благодаря чему практически вышли из употребления понятия политический «центр» и «периферия» Европы. Существованию Вестфальской системы автор отводит сравнительно не продолжительный срок — уже в первой четверти XVIII в. она, по его мнению, уступила место т.н. Утрехтской системе международных отношений [Санин, 2007, с. 108].

В указанном труде Г. А. Санин категорически утверждает, что «в середине XVII столетия Россия являлась неотъемлемой частью сложившейся к 1648 г. Вестфальской системы международных отношений». Подтверждение своему выводу он усматривает прежде всего в том, что геополитические проблемы России XVII–XVIII вв., уже известные нам по его прежним работам, «были тесно связаны с проблемами геополитики Европы», и даже более того — «решение их зависело от международной ситуации». К «основным проблемам геополитики Европы» того времени историк относит «франко-габсбургское соперничество за преобладание в Центральной Европе, отражение натиска Османской империи, борьбу за контроль над Балтикой и северными германскими землями». Поэтому, например, война с Речью Посполитой объективно требовала от России сближения со Швецией и «более сильной тогда антигабсбургской группировкой», а необходимость бороться с османской агрессией побуждала ее, наоборот, стремиться к сближению с Речью Посполитой и Австрией [Санин, 2007, с. 132].

В 2015 г. вышла еще одна коллективная монография, подготовленная в стенах ИРИ РАН. В отличие от обобщающих трудов, которые мы рассмотрели выше, новая книга представляет собой попытку применить методологию геополитического анализа для решения конкретной научной проблемы — формирования территории Российского государства и его внешних границ. В результате исследования обнаружилось, что указанный процесс на самом деле был настолько сложным и противоречивым, что его просто невозможно объяснить в категориях геополитики. В частности, Е. И. Кобзарева, один из авторов коллективной монографии, задается в книге вопросом: отдавал ли себе отчет Иван Грозный, затеявая Ливонскую войну, в том, что присоединение Прибалтики, через которую «Русское государство, начиная с периода существования Киевской Руси, вело торговлю с Европой», «соответствует геополитическим интересам России»? Но однозначного ответа на этот вопрос историк дать не смогла. «Насколько Иван IV, — отмечает она, — понимал стратегическое значение завоевания Ливонии и получения Россией выхода к Балтийскому морю, остается неясным» [Кобзарева, 2015, с. 40–41]. Даже столетие спустя, по данным Е. И. Кобзаревой, свои притязания на восточные провинции Речи Посполитой русское правительство мотивировало соображениями, весьма далекими от геополитики: «Русские указывали на свое право владеть белорусскими землями на правах потомков Рюриков» [Кобзарева, 2015, с. 49]. Лишь в середине XVIII в., как установил М. Ю. Анисимов, другой автор этой же монографии, правительство Елизаветы Петровны выдвинуло программу расширения территории государства, выдержанную в категориях геополитики. Ее суть, пишет он, «заключалась в переносе границы на запад и ее проведение по рекам, по Днепру и Западной Двине. Проведение искусственной преграды — межгосударственной границы, по естественным рубежам позволяло разом решить основные проблемы пограничья». Именно эта программа и была осуществлена в 1772 г., в результате первого раздела Речи Посполитой [Анисимов, Западная граница, 2015, с. 124, 126]. Но в дальнейшем, как следует из упомянутой монографии, границы России на западе, юге и востоке расширялись столь стремительно, что за ними не поспевала никакая программа. Во всяком случае, отсутствуют данные, что территориальный рост России происходил в соответствии с внятным геополитическим видением этой проблемы, сформулированным заранее, а не задним числом.

Но вернемся к системному подходу. Примером исследования, выполненного в соответствии с его требованиями, является книга известного дипломата и историка П. В. Стегния «Разделы Польши и диплома-

тия Екатерины II». Автор исследует свою тему с учетом эволюции Вестфальской системы международных отношений, дает ей ёмкую и точную характеристику. Вестфальский мир, по его словам, вошел в историю Европы «как веха, знаменующая если не начало цивилизованного периода международных отношений, то свидетельство всеобщего стремления европейских государств разработать комплекс норм и мер, усиливающих правовую сторону этих отношений» [Стегний, 2002, с. 66]. Крупным изъяном возникшей таким образом европейской системы историк считает ее сравнительно узкие географические рамки — «вестфальские гарантии», утверждает он, распространялись только на «остроконфликтное пространство Юго-Западной и Центральной Германии». Это создавало объективные предпосылки для последующей дестабилизации т.н. восточной периферии Вестфалья — Османской империи, Речи Посполитой, Швеции. Отмечает П. В. Стегний и «внутреннюю парадоксальность Вестфальской системы», также подрывавшую его устойчивость, а именно то обстоятельство, что «в роли основных возмутителей спокойствия» выступали сами гаранты Вестфальского мира — Франция и Швеция [Стегний, 2002, с. 67]. Войны начала XVIII в., считает он, серьезно расшатали Вестфальскую систему, однако европейский порядок удалось сохранить благодаря появлению сначала Утрехтской и Ганноверской, а затем и Восточной «подсистем» международных отношений. Как поясняет историк, они соответствовали не столько букве, сколько «духу Вестфалья», способствуя повышению роли в европейских делах многосторонней дипломатии [Стегний, 2002, с. 406–407].

Столь же искусно вплетает предмет своего исследования — формирование русско-австрийского союза в 80-е годы XVIII в. — в более широкий контекст международных отношений М. А. Петрова. Автор рассматривает этот союз, «с одной стороны, как инструмент внешней политики заключивших его держав, а с другой — как фактор международных отношений в целом, как неотъемлемую составляющую европейской системы союзов и европейского баланса сил» [Петрова, 2011, с. 8]. В изучаемый период, по словам историка, происходила «глубокая трансформация Вестфальской системы международных отношений, сложившейся в 1648 г.» Этот процесс она связывает с некоторыми особенностями устройства самой международной системы: попытки реализовать «государственный интерес, или государственные соображения» (*raison d'État*), исходя из которых европейские державы определяли свой внешнеполитический курс», «неизбежно на практике вели к возникновению противоречий и даже открытых столкновений» между ними. Однако не доводить дело до крайности в прошлом им позволял «своеобразный защитный механизм, в основе

которого лежал принцип равновесия, или баланса, сил». М. А. Петрова четко объясняет, как работал этот «защитный механизм»: «Если одна держава осуществляла территориальное приращение (другими словами, захват территорий) в регионе, входившем в сферу ее внешнеполитических интересов, то предполагалось, что другие вправе рассчитывать на аналогичную компенсацию в интересующем их регионе» [Петрова, 2011, с. 5–6]. Именно на сбой в работе этого компенсационного механизма, особенно в связи с известными «греческим» и «баварским» проектами правительств России и Австрии, автор исследования указывает как на одну из причин трансформации (лучше бы сказать: кризиса!) Вестфальской системы. «... Слишком уж много завоевательных планов было и у Екатерины II, и у Иосифа II, — утверждает М. А. Петрова. — И если с притязаниями российской императрицы на владения Османской империи великие державы на тот момент готовы были смириться, то радикального пересмотра законов внутри Европы, затеянного австрийским монархом, они допустить не могли» [Петрова, 2011, с. 387].

Впрочем, исследований, которые были бы строго выдержаны в рамках определенной методологии, в современной научной литературе не так уж и много. В ней преобладает эклектика, поскольку авторы в одной и той же работе используют одновременно различные методологические подходы.

Примером одновременного использования системного и классового подходов являются главы Е. Б. Черняка в томе 4 «Истории Европы», опубликованном в 1994 г. С одной стороны, историю международных отношений второй половины XVII — начала XVIII вв. он рассматривает в увязке с особенностями функционирования Вестфальской системы. Большое внимание он уделяет правовым принципам ее устройства, в частности, отмечает ярко выраженную деидеологизацию международных отношений: «Из внешнеполитических целей правительств исчезли идеологические задачи», включая «подавление ереси». В результате светские государственные интересы, которые, по словам историка, «ранее нередко выступали прикрытыми религиозными и другими идеологическими мотивами, теперь представляли без этой порой мистифицирующей и искажающей их оболочки». Он отмечает и такую особенность международно-правового порядка Европы второй половины XVII–XVIII вв., как большое влияние на «поведение держав» их династических интересов: «... В какой-то мере династические притязания даже целиком приняли на себя функцию идеологического обоснования торговых и стратегических интересов, которую они раньше делили с религиозными мотивами внешней политики». Вместе с тем

Е. Б. Черняк учитывает и глубокие перемены («перестройку»), которые произошли после окончания Тридцатилетней войны в самой основе международных отношений — в их «структуре», пишет он, явно имея в виду соотношение и расстановку сил держав на европейской арене: «Восстановление... потерпевших крушение планов создания вселенской монархии оказалось не под силу даже наиболее мощной из европейских держав. Их сменили планы утверждения не господства, а относительно преобладающего положения в Западной Европе, которые, однако, встретили быстро нараставшее противодействие со стороны государств, еще недавно принадлежавших к различным лагерям» [История Европы, 1994, с. 191–192].

Но с другой стороны, Е. Б. Черняк последовательно проводит мысль о «переходном характере» эпохи XVII–XVIII вв. в истории Европы на пути ее движения от феодализма к капитализму. Основные государства того времени он также последовательно подразделяет на раннебуржуазные (Великобритания, Голландия) и феодально-абсолютистские (Франция и др.). Впрочем, историк признает, что различия в социально-политическом строе государств не особенно влияли на международные отношения. «При коренном различии раннебуржуазных и феодальных государств, — утверждает он, — в их социальном и политическом строе было немало общих черт... Именно поэтому и у тех и у других государств при определении внешнеполитических задач могли фигурировать сходные торговые, династические, а иногда даже и религиозные мотивы» [История Европы, 1994, с. 430–431].

Со своей стороны, А. В. Чудинов в томе 4 «Всемирной истории», вышедшем в свет в 2013 г., пытается совместить системный и геополитический подходы. В частности, он отмечает, что в XVIII в. «впервые утвердилась единая для всей Европы система международных отношений, построенная на более или менее развитой правовой основе» [Всемирная история, 2013, с. 514]. Он подчеркивает значение Вестфальского мира, который, по его словам, заложил основы этой системы на Западе европейского региона. Упоминает он и о важнейшем принципе ее устройства — «европейском балансе», для сохранения которого «правительствам всех европейских держав приходилось прилагать непрестанные усилия». Характеризуя «движущие мотивы внешней политики европейских держав в XVIII в.», историк отмечает также «существенное» снижение роли династических интересов, а также религии, уступивших первое место «прагматизму, национальному (государственному) интересу (*raison d'État*)» [Всемирная история, 2013, с. 523, 524]. Но международное положение отдельных государств, их внеш-

неполитические интересы А. В. Чудинов предпочитает анализировать в категориях геополитики. В частности, по поводу франко-британского соперничества он пишет: «...Геополитические интересы Великобритании и Франции — двух держав, наиболее активно осуществлявших колониальную экспансию, не могли не войти в противоречие между собой» [Всемирная история, 2013, с. 519]. Агрессивные войны Пруссии, по его мнению, нарушили «геополитическое равновесие» в той части Европы, где «традиционно доминировала Австрия». А в основе тесных отношений между Венским и Санкт-Петербургским дворами лежала «близость геополитических интересов Австрии и России». Русско-австрийский союз историк называет «геополитической константой на протяжении всего XVIII в.» [Всемирная история, 2013, с. 519, 522–523].

Нерядовым примером методологической эклектики, на наш взгляд, является коллективный труд «От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века», опубликованный в 2015 г. коллективом ученых ИРИ РАН. Ранее мы убедились в их приверженности геополитическому подходу — и вдруг такой поворот. Но на самом деле никакой смены вех не произошло. Указанный труд — лишь свидетельство интереса, который они, судя по их работам, уже в течение некоторого времени проявляют к своеобразной методологии, которую почти полвека тому назад предложил Б. Ф. Поршнев.

Прежде всего примем во внимание, что отдельные положения, выдвинутые этим ученым, удивительным образом созвучны геополитическому подходу, хотя сам он отрицательно отзывался о, по его выражению, «немецкой геополитике», обвиняя ее в апологии захватнических войн. Историк, в частности, утверждал, что «на протяжении целых исторических эпох» международные отношения представляли собой по существу «отношения войны». Поэтому даже мирные паузы в истории стран и народов были ничем иным, по его мнению, как «отсроченной или сбалансированной войной», причем роль дипломатии он сводил к «превентивному взвешиванию военных угроз, наращиванию военного могущества своей страны с помощью приобретения союзников, парированию подобных же усилий противника». Но так ситуация выглядит с теоретической высоты, а «в конкретной истории», уточнял Б. Ф. Поршнев, агрессивность одной из сторон может быть «либо парализована встречной агрессивностью, либо даже превращена в чисто оборонительную политику». Такое «уравновешивание сил» или, иначе говоря, такая «система европейского равновесия» возникла в Европе, по мнению историка, еще до Тридцатилетней войны. Сама же эта война «не была победой ни вызвавших ее

Габсбургов, ни лагеря антигабсбургских держав». Она, подчеркивает Б. Ф. Поршнев, «осталась почти бесплодной. Устаревшая система государств почти чудом уцелела. Международная структура сохранилась в Европе на целых 150 лет, когда она рухнула в результате Французской революции и Наполеоновских войн» [Поршнев, 1970, с. 379].

Обратим внимание: историк использовал в данном случае понятия «система государств» и «международная структура» как совершенно равноценные. В этом и заключается суть дела. Какую систему имел в виду историк? Ту ли систему суверенных и равноправных государств, связанных между собой постоянными дипломатическими и прочими отношениями, о которой писали авторы «Истории дипломатии»? Вовсе нет. Б. Ф. Поршнев даже возражал против попыток ограничить «понятие международной системы только теми государствами, между которыми существуют прямые регулярные сношения» [Поршнев, 1970, с. 10]. Он предложил более широкое понимание системы, которая включает государства, объединенные не только прямой, но и «цепной, непрямой, опосредованной связью». Подобно тому, пояснял он, как «ход пешки на шахматной доске... меняет нечто в соотношении всех остальных фигур» [Поршнев, 1970, с. 32], так и действия одного государства меняют расстановку сил в системе, вызывая натяжение всей цепочки его прямых и косвенных связей с другими государствами.

Такое истолкование «системы» было производным от выдвинутой историком методологии изучения «синхронистических» срезов истории. Он писал: «Синхронистический срез взаимоотношений народов, государств, цивилизаций, вообще всех элементов жизни людей по какой-либо избранной дате или узкому периоду открывает сферу плодотворных научных исследований историка» [Поршнев, 1970, с. 21]. Иначе говоря, «систему европейских государств» он предлагал рассматривать не в развитии, не в динамике, что было бы естественно для историка, но подобно социологу — в условном состоянии покоя, в статике. Б. Ф. Поршнев признавался, что объект «синхронистического» исследования можно определить, даже не прибегая к понятию «система» — для этого, по его выражению, «вполне подходит термин «структура»» [Поршнев, 1970, с. 37].

С позиций такого «синхронистического» подхода авторы упомянутого труда и попытались интерпретировать историю международных связей России на протяжении без малого четырех столетий. Всю эту историю они, согласно методологии Б. Ф. Поршнева, разделили на несколько «узких периодов», каждый продолжительностью не больше трех–четырёх десятилетий, присвоив им звучные названия — Вест-

фальская, Утрехтско-Ништадтская, Аугсбургская и Петербургская системы международных отношений, если ограничиться только XVII–XVIII вв. Первые два периода особенно в пояснениях не нуждаются. Третий назван М. Ю. Анисимовым в честь так и не состоявшегося мирного конгресса в Аугсбурге, который, как ожидалось, должен был положить конец Семилетней войне и позволить России «реализовать свои притязания и утвердиться как ведущая держава в новой европейской системе международных отношений» [Анисимов, Кризис, 2015, с. 201–202]. Четвертый период, совпадающий с правлением Екатерины II, Г. А. Гребенщикова символически назвала «Петербургским», поскольку он «ознаменовался вхождением России в концерт европейских держав» в качестве его «полноправного члена» [Гребенщикова, 2015, с. 256].

Результаты исследования. Итак, мы убедились в том, что с точки зрения методологических подходов к изучению истории Вестфальской системы в современной отечественной литературе преобладает эклектика. Не является исключением и коллективный труд, обзором которого мы завершаем настоящую статью. Внешне он выглядит как попытка осветить историю международных отношений с позиций системного анализа. Но в действительности речь идет лишь о серии горизонтальных, «синхронистических» срезов, позволивших авторам выявить некую структуру международных отношений на отдельных этапах их развития — расстановку и соотношение сил государств, состав политических блоков и военных союзов, основные линии противоборства и противостояния государств и т.д. Это уже немало, овчинка стоит выделки. Но к системному анализу он имеет отдаленное отношение.

Анализ результатов. В настоящей статье мы старались подвести читателя к следующему выводу. Между основными подходами к изучению истории международных отношений, которые нам удалось выявить на основе изучения современной отечественной литературы, по сути немало общего. Это делает возможным использовать их в одном исследовании в различных комбинациях, добываясь при этом существенных позитивных результатов. Эклектика — явление хоть и спорное, но не такое уж плохое, чтобы его отвергать из принципа.

Заключение. Вместе с тем в заключение хотелось бы обратить внимание читателей на один пункт, который решительно отличает системный подход от геополитического и классового анализа — это внимательное и уважительное отношение к международному праву. Правовые нормы и принципы, по нашему убеждению, являются не декором, а существенной, неотъемлемой составной частью любой международной системы, заслуживающей этого определения.

Литература

1. Анисимов М. Ю. Западная граница России в 1686–1772 // Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 98–127.
2. Анисимов М. Ю. Кризис Утрехтско-Ништадтской системы и Россия // От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века / И. С. Рыбачёнок, ред. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив. 2015. С. 165–206.
3. Беляев М. П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира: из истории Вестфальского мирного конгресса. — М., ИВИ РАН, 2000. 111 с.
4. Всемирная история. В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. Т. 4. Мир в XVIII веке / отв. ред. С. Я. Карп. М.: Наука. 2013. 787 с.
5. Гребенщикова Г. А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. // От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив. 2015. С. 207–258.
6. История внешней политики России. XVIII век. (От Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Международные отношения, 1998. 304 с.
7. История внешней политики России. Конец XV — XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. 448 с.
8. История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 1 / Под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова. М.: Госполитиздат. 1959. 896 с.
9. История Европы / Гл. ред. А. О. Чубарьян. Ин-т всеобщей истории РАН. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). М.: Наука, 1994. 509 с.
10. Кобзарева Е. И. Россия и Швеция: проблема разграничения спорных территорий в Прибалтике и Западной России в XVII в. // Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 40–60.
11. Петрова М. А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М.: Наука, 2011. 419 с.
12. Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. 436 с.
13. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия. 2002. 384 с.
14. Санин Г. А. Геополитические факторы во внешней политике России второй половины XVII — начала XVIII века и Вестфальская система международных отношений // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI — начало XIX в. М.: Наука, 2007. С. 104–136.
15. Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002. 692 с.

THE WESTPHALIA SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN RECENT RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Alexander V. Revyakin

Abstract. *The article deals with the current Russian historiography of the Westphalia system of international relations. The author points out that the Russian researchers pay traditionally more attention to the history of foreign policy of single countries than to the history of their bilateral and multilateral links. As the result, they unwillingly neglect the development of legal and diplomatic instruments of multilateral interaction between nations on a wide international stage. The author admits that the Westphalia system is often mentioned in the historical literature, but he regrets that the performance of its institutes becomes rarely the subject of particular analysis. He reviews a number of works, which cover subjects like the origins of the Westphalia system, major tendencies and landmarks of its development, causes of its crises and decline as well as its role in the history of international relations. The author argues that the ambivalent attitude as regards the Westphalia system, observed in the current Russian literature, is largely the consequence of personal choice by the researchers between different methodological approaches to the study of the history of international relations. For a long time historians in this country had to comply with the Marxist approach based on the theory of class struggle. Accordingly, they considered the international relations in the first place as a manifestation of the conflict between the forces of social progress and reaction. This led them to underestimate the specific nature of the subject. Proved insufficient, this approach was rejected by many historians in favor of geopolitics. According to the geopolitical approach, the struggle of major powers for supremacy, strategically important territories, vital resources, etc., constitutes a moving force and an inexhaustible source of international contradictions. The feature of both Marxist and geopolitical approaches is that if even their adepts admit the existence of the Westphalia system, they do it in a formal way because they in fact deny its historical significance. On the contrary, those historians, who have opted for the system approach to the study of the history of international relations, widely accepted now in the current Russian historiography, too, attach much importance to it. They presume that not only the contradictions between the nations, but also their desire, particularly strong in the situation of a relative balance of power since the end of the Thirty-years' war, to reach an agreement on the conditions of peaceful existence, were important factors of international relations. The author concludes that the question of the international law, its role and significance in the development of international relations is another source of disagreement between historians in the discussions around the Westphalia system.*

Keywords: *historiography, history of international relations, Westphalia system*

References

1. Anisimov, M. Ju. (2015). Krizis Utrehtsko-Nishtadtskoj sistemy i Rossija [The Crisis of the Utrecht-Nystad System and Russia]. In I.S. Rybachjonok (Ed.). *Ot carstva k imperii: Rossija v sistemah mezhdunarodnyh otnoshenij. Vtoraja polovina XVI — nachalo XX veka* [From Czarism to Empire: Russia in the Systems of International Relations. The Second Half of the XVIth — the Beginning of the XXth Centuries]. Moscow; St. Petersburg: Institut rossijskoj istorii RAN; Centr gumanitarnyh iniciativ, 165–206.
2. Anisimov, M. Ju. (2015). Zapadnaja granica Rossii v 1686–1772 [Russia's Western Border in 1686–1772]. In E. P. Kudrjavceva (Ed.). *Formirovanie territorii Rossijskogo gosudarstva. XVI — nachalo XX v. (granicy i geopolitika)* [The Formation of the Territory of the Russian State. The XVIth — the Beginning of the XXth Centuries (Frontiers and Geopolitics)]. Moscow: Universitet Dmitrija Pozharskogo, 98–127.
3. Beljaev, M. P. (2000). Francuzskaja i imperskaja diplomatija v poiskah mira: iz istorii Vestfal'skogo mirnogo kongressa [The French and Imperial Diplomacy in Search of Peace: from the History of the Westphalia Congress]. Moscow, IVI RAN.
4. Chubar'jan, A. O. (Ed.). Istorija Evropy (1994) [The History of Europe]. T. 4. Evropa novogo vremeni (XVII–XVIII veka) [Europe of the Modern Age (XVII–XVIII Centuries)]. Moscow: Nauka.
5. Chubar'jan, A. O. (Ed.). Vsemirnaja istorija (2013) [The World History]. V 6 t. In-t vseobshh. istorii RAN. T. 4. Mir v XVIII veke [The World in the XVIIIth Century]. Moscow: Nauka.
6. Grebenshnikova, G. A. (2015). Rossija v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij vo vtoroj polovine XVIII v. [Russia in the System of International Relations of the Second Half of the XVIII Century]. In I.S. Rybachjonok (Ed.). *Ot carstva k imperii: Rossija v sistemah mezhdunarodnyh otnoshenij. Vtoraja polovina XVI — nachalo XX veka* [From Czarism to Empire: Russia in the Systems of International Relations. The Second Half of the XVIth — the Beginning of the XXth Centuries]. Moscow; St. Petersburg: Institut rossijskoj istorii RAN; Centr gumanitarnyh iniciativ, 207–258.
7. Istorija vneshnej politiki Rossii. Konec XV–XVII vek (Ot sverzhenija ordynskogo iga do Severnoj vojny) (1999) [The History of the Foreign Policy of Russia. The End of the XVth — XVIIth Centuries (From the Overthrow of the Horde's Yoke to the Northern War)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.
8. Istorija vneshnej politiki Rossii. XVIII vek. (Ot Severnoj vojny do vojn Rossii protiv Napoleona) (1998) [The History of the Foreign Policy of Russia. XVIIIth Century. (From the Northern War to the Wars of Russia against Napoleon)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.

9. Kobzareva, E.I. (2015). Rossiya i Shvecija: problema razgranichenija spornyh territorij v Pribaltike i Zapadnoj Rossii v XVII v. [Russia and Sweden: the Problem of Delimitation of the Disputed Territories in the Baltics and Western Russia]. In E. P. Kudrjavceva (Ed.). *Formirovanie territorii Rossijskogo gosudarstva. XVI — nachalo XX v. (granicy i geopolitika) [The Formation of the Territory of the Russian State. The XVIth — the Beginning of the XXth Centuries (Frontiers and Geopolitics)]*. Moscow: Universitet Dmitrija Pozharskogo, 40–60.
10. Petrova, M. A. (2011). Ekaterina II i Iosif II: formirovanie rossijsko-avstrijskogo sojuza, 1780–1790. [Catherine II and Joseph II: the Formation of the Russian-Austrian Alliance, 1780–1790]. Moscow: Nauka.
11. Porshnev, B. F. (1970). Francija, Anglijskaja revoljucija i evropejskaja politika v seredine XVII v. [France, the English Revolution and European Politics in the Middle of the XVIIth Century]. Moscow: Nauka.
12. Prokop'ev, A.Ju. (2002). Germanija v jepohu religioznogo raskola. 1555–1648 [Germany in the Age of the Religious Divisions. 1555–1648]. St. Petersburg: IC Gumanitarnaja Akademija.
13. Sanin, G. A. (2007). Geopoliticheskie faktory vo vneshnej politike Rossii vtoroj poloviny XVII — nachala XVIII veka i Vestfal'skaja sistema mezhdunarodnyh otnoshenij [Geopolitical Factors of the Foreign Policy of Russia of the Second Half of the XVIIth — the Beginning of the XVIIIth Centuries and the Westphalia System of International Relations]. In S. L. Tihvinskij (Ed.). *Geopoliticheskie faktory vo vneshnej politike Rossii. Vtoraja polovina XVI — nachalo XIX v. [Geopolitical Factors of the Foreign Policy of Russia. The Second Half of the the XVIth — the beginning of the the XXth Centuries]*. Moscow: Nauka, 104–136.
14. Stegnij, P.V. (2002). Razdely Pol'shi i diplomatija Ekateriny II: 1772, 1793, 1795 [The Partitions of Poland and the Diplomacy of Catherine II: 1772, 1793, 1795]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.
15. Zorin, V. A., Semenov, V. S., Skazkin, S. D., & Hvastov, V. M. (Eds.). *Istorija diplomatii (1959) [The History of Diplomacy] / Izd. 2-e. T. 1* Moscow: Gospolitizdat.

Информация об авторе:

Ревякин Александр Васильевич

д.ист.н., проф.; проф., МГИМО МИД России, Российская Федерация,
a.reviakin@mail.ru

Alexander V. Revyakin

Dr. (history), Prof.; Prof., Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia, Russian Federation, a.reviakin@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СИСТЕМЫ СЕРЕДИНЫ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ

Е. В. РОМАНОВА

***Аннотация.** Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа опубликованной в конце XX — начале XXI веков научной и учебной литературы по истории международных отношений выявить основные подходы авторов к типологии систем международных отношений середины XVII — первой половины XX веков, определить степень их сходства и характер различий. В статье соотнесены трактовки понятий «международная система» и «порядок» отечественными специалистами в области теории международных отношений с описанием и характеристиками систем, предложенными в исторических работах, прежде всего в университетских учебниках и коллективных трудах, охватывающих продолжительный временной отрезок.*

Проведенное исследование подтверждает отсутствие в современной историографии единого взгляда на периодизацию и типологические признаки систем международных отношений середины XVII — первой половины XX столетий. Часть исследователей выделяет три системы, последовательно сменявшие одна другую на протяжении рассматриваемого периода (Вестфальскую, Венскую и Версальско-Вашингтонскую), другие предлагают более дробную периодизацию.

Проведенный анализ позволил выявить ряд общих критериев, которые лежат в основе характеристики и периодизации международных систем. Наиболее часто исследователи апеллируют к фактору соотношения и расстановки сил великих держав. Он дополняется указанием на специфический механизм регулирования межгосударственных отношений, присущий той или иной системе: баланс сил — для Вестфальской, баланс (равновесие) сил, дополненный европейским концертом, — для Венской и Лига Наций — для Версальско-Вашингтонской. Применение этого критерия может дать основание выделить Тиль-

зитскую систему (систему гегемонии) и систему конца XIX — начала XX века, в которой баланс сил поддерживался не столько европейским концертом, сколько противостоявшими друг другу союздам.

Проанализированные работы содержат указания на правовые основания систем международных отношений, которые, однако, не всегда рассматриваются как неперенный атрибут системы. В ряде работ выделяются системы, существовавшие де-факто, но не получившие правового оформления. Историки уделяют внимание анализу действовавших в ту или иную эпоху представлений держав о правилах поведения на международной арене, однако они не так четко артикулированы, чтобы рассматриваться как критерий периодизации. Наконец, характеризуя системы международных отношений, некоторые исследователи обращаются не только к собственно системным свойствам, но и к состоянию среды. Так, стадии развития капитализма и связанные с ними общественный уклад иногда соотносят с системами международных отношений середины XVII — первой половины XX веков.

Ключевые слова: система международных отношений, международный порядок, историография

Введение. Рассмотрение истории международных отношений сквозь призму системного подхода — отличительная черта современных российских исследований в данной области. При достаточно большом количестве работ, авторы которых заявляют системный подход в качестве методологии исследования или просто оперируют понятием «система международных отношений», в академической литературе отсутствует единство в трактовке этого термина. Как правило, в качестве основных характеристик системы называют несводимость ее свойств к свойствам отдельных элементов, взаимосвязанный характер отношений между ними, относительную устойчивость этих отношений, а основными элементами системы считают (суверенные) государства¹. В трудах историков и политологов начало процесса складывания системы международных отношений связывают либо с образованием государств, либо с событиями середины XVII в. — заключением комплекса договоров, объединенных собирательным названием Вестфальский мир. В последнем случае обоснование хронологической границы может быть двояким: ключевым фактором признается закрепление Вестфальским миром принципа суверенитета в качестве основы отношений

¹ Подробный анализ современной литературы по этому вопросу содержится в книге: Сетов Р. А. Современный миропорядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М.: Три квадрата, 2010. С. 107–137.

между государствами и/или то, что к середине XVII в. в Западной Европе образовались централизованные государства, отношения между которыми приобрели долговременный и относительно стабильный характер.

Во избежание терминологической путаницы, важно в данном случае обратить внимание на замечание М. М. Лебедевой, высказанное в статье «Что угрожает Вестфалю?», о разграничении между понятиями «политическая система мира» и «система международных отношений». В основе созданной в 1648 г. и, по оценке многих специалистов, существующей по сей день, хотя и переживающей кризис, политической системы — признание принципа суверенитета, т.е., по словам М. М. Лебедевой, того, что «национальные государства (государства, вошедшие в Вестфальскую систему) обладают всей полнотой власти на своей территории и равны между собой вне ее» [Лебедева, 2008, с. 117]. «Различные конфигурации отношений между государствами», количество центров силы находятся в другой плоскости и определяют систему международных отношений [Лебедева, 2008, с. 118].

Преимущественно во втором значении используется термин «система» в исторических работах. При этом он применяется не только для характеристики совокупности межгосударственных отношений на всем протяжении их развития, но и для их отдельных временных или пространственных состояний. Так, например, существование Вестфальской системы ограничивается периодом от заключения Вестфальского мира до Французской революции конца XVIII в. или до Утрехтского мира, выделяются Венская, Версальская, Вашингтонская системы и т.п. В то время как в работах по теории международных отношений для обозначения подобных состояний чаще применяются термины «вариантная структура», «модель», «порядок» или «подсистема», в исторических исследованиях они не закрепились.

Среди историков нет единства в решении проблемы выделения критериев международных систем (или систем международных отношений), их характеристики и периодизации. В ее рамках одним из наиболее дискуссионных является вопрос о системах середины XVII — первой половины XX вв., т.е. эпохи зарождения и развития капитализма в экономике, времени европоцентризма в мировой политике и многополярности в политике европейской. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа вышедшей в конце XX — начале XXI вв. научной и учебной литературы по истории международных отношений выявить основные подходы авторов к типологии систем международных отношений, определить степень их сходства и характер различий.

Теоретические основания исследования. Применительно к системам международных отношений термин «типология», вынесенный в заглавие статьи, — скорее из области политологических, а не исторических исследований. Политологи классифицируют системы по количеству центров силы (многополярные, биполярные, однополярные), как системы концерта, баланса сил или гегемонии. В работе «Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций)» Э. Я. Баталов относит выделение исторически существовавших систем к одному из видов типологии, подчеркивая при этом ее условность, поскольку такие системы не повторялись². Однако выявление и сравнение типологических признаков, которые позволяют исследователям определять международные отношения, ограниченные временными или географическими рамками, как систему, представляется важным, так как это дает возможность глубже понять суть процессов, разворачивавшихся на мировой арене в течение столетий.

При проведении подобного анализа целесообразно опереться на разработки отечественных специалистов в области теории международных отношений. Первые отечественные работы, обосновывавшие применение системного подхода к исследованиям в этой сфере, появились еще в конце 1960-х — 1970-е гг. Однако особенно популярным он стал с 1990-х гг. В трудах конца XX — начала XXI вв. системный подход заявлялся как антитеза классовому, как метод, обеспечивающий деидеологизацию исследований в области международных отношений. Однако справедливым в данном случае представляется утверждение А. А. Кокошина о том, что системный подход не является «строгой теоретической или методологической концепцией», это — «совокупность познавательных принципов», а «не мировоззренческий и идеологический феномен» [Кокошин, 2008, с 15, 20]. Поэтому, применяя системный подход, разные исследователи в зависимости от своих мировоззренческих позиций могут по-разному определять тот набор характеристик, который лежит в основе системы.

Так, автор написанной в духе марксистской методологии, опубликованной в 1976 г. книги «Системный подход и международные отношения» Э. А. Поздняков противопоставлял «марксистский» и «буржуазный (ассоциируемый исследователем с американской теорией международных отношений. — *Е. Р.*) метод познания систем». Если в основе первого лежал «исторический и классовый подход», то «американские системники» предлагали «внеисторические схемы, лишённые социаль-

² Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005. С. 108–109.

но-классового содержания» [Поздняков, 1976, с. 21]. Идеологически заданная, подобная оценка не лишена значительной доли справедливости. Антиисторизм американской теории международных отношений подчеркивали и критики из стран Европы, где теоретические исследования в этой сфере долгое время велись не в рамках отдельной дисциплины, а развивались в русле истории международных отношений, международного права, философии³.

Э. А. Поздняков предлагает стройную иерархию систем разных уровней. Для него международные отношения — прежде всего отношения межгосударственные, которые представляют собой целостную систему, характеризующуюся в первую очередь «борьбой и сотрудничеством» великих держав. Она обладает значительной автономией, но все же «в конечном счете» является выражением базисных социально-экономических отношений. В свою очередь надстройкой над структурой межгосударственных отношений являются «особого рода отношения, связанные с различными международными организациями, типа Лиги Наций или ООН, с существованием и действием международно-правовых норм, регулирующих в определенной мере взаимоотношения государств, а также с разного рода международно-политическими и международно-правовыми доктринами» [Поздняков, 1976, с. 63–64].

Исходя из предложенного понимания сущности системы, Э. А. Поздняков подходил к вопросу о периодизации. С точки зрения автора, система существует в определенных вариантных структурах, которые характеризуется конкретными «центросиловыми отношениями», «узлами противоречий», «надстроечной частью». А в основе всего этого лежат «социально-экономические и классовые отношения» [Поздняков, 1976, с. 72] той или иной эпохи.

В постсоветский период резко возросло количество работ по теории международных отношений. В рамках складывавшейся научной дисциплины выделялись политико-социологическое и историко-международное направления. Именно представители последнего уделяли наибольшее внимание вопросам системности и эволюции систем. В их следовании принципу историзма можно увидеть определенную преемственность с рассмотренной выше работой Э. А. Позднякова. В то же время заметен отход этих авторов от детерминизма, смена акцентов, а иногда и концептуальные расхождения.

³ Об этом, в частности, писал долго работавший в Англии Х. Булл. Bull. H. International Theory: A Case for a Classical Approach // World Politics. 1966. Vol. 18, № 3. P. 361–377.

Остановимся на двух подходах к трактовке международных систем, предложенных в работах А.С. Маныкина и А.Д. Богатурова. По определению, данному А.С. Маныкиным, под системностью понимается «такой характер долговременных отношений между государствами или группами государств, который отличают стабильность и взаимозависимость, в основе этих отношений лежит стремление к достижению определенного, осознанного комплекса устойчивых целей, в них в той или иной мере присутствуют элементы правовой регламентации базовых аспектов международной деятельности» [Основы, 2009, с. 40].

Хотя в центре внимания А.С. Маныкина — межгосударственные отношения, он уделяет внимание влиянию на эту сферу социально-экономических факторов. Так, с точки зрения исследователя, «развитие буржуазных отношений» способствовало становлению национальных государств и выработке ими долгосрочных интересов, что стало предпосылкой для формирования системы международных отношений. Дальнейшее развитие капитализма вело к формированию единого мирового хозяйства, что способствовало «укреплению системных связей в сфере международных отношений» [Основы, 2009, с. 42].

Обращаясь к проблеме периодизации истории развития системы международных отношений, А.С. Маныкин вводит термин «модель», которым обозначает крупный этап в эволюции системы, с присущими ему специфическим «внутренним содержанием, структурой, характером взаимоотношений между составляющими элементами, господствующим набором ценностей» [Основы, 2009, с. 47]. «Модель» также выступает как аналитическая категория, позволяющая сравнить состояния системы в разные исторические эпохи и увидеть развитие принципа системности в международных отношениях. При сравнении предлагается учитывать, в частности, такие характеристики разных моделей, как разветвленность союзов, сложность конфликтов, уровень развития правовых начал, наличие или отсутствие международных организаций, географический охват действия принципов системности. А.С. Маныкин также обращает внимание на социально-политические особенности составляющих систему государств в разные периоды эволюции системы. Выделяются этапы развития самой модели — стадии становления, консолидации, стабильного развития кризиса, который может вызвать модернизацию системы и возобновление фазы стабильного развития или перейти в фазу распада.

В фокусе внимания работ А.Д. Богатурова находятся международные отношения второй половины XX — начала XXI вв. Однако он обращается и к более ранним периодам их развития, оперируя при этом

понятием «подсистема». В первом томе «Системной истории международных отношений» автор обосновывает такое решение тем, что «единой глобальной, общемировой системы политических отношений между государствами» [Богатуров, 2000, с. 10] к тому времени еще не существовало. Наряду с «подсистемой», исследователь использует термин «порядок». Хотя четкого разграничения между ними не проводится и в ряде случаев они выглядят синонимами, различие оттенков смысла иногда заметно. Понятие «подсистема» представляется более широким, чем «порядок». Так, А. Д. Богатуров пишет о «европейской подсистеме», которая «в разные периоды в исторической литературе, а отчасти в дипломатическом обиходе называлась по-разному — как правило, в зависимости от «названия международных договоров, которые... признавались основополагающими для межгосударственных отношений в Европе» [Богатуров, 2000, с. 11]. В качестве примеров приводятся Венская (названная по Венскому конгрессу 1814–1815 гг.) и Парижская (по Парижскому конгрессу 1856 г.) подсистемы. В то же время исследователь констатирует, что в случаях, когда речь идет о «комплексах конкретных договоренностей и возникших на их основе отношений», предпочтительным для него является использование термина «порядок» [Богатуров, 2000, с. 12].

Сходным образом трактуют термин «международный порядок» А. Ю. Сидоров и Н. Е. Клейменова в университетском учебнике «История международных отношений. 1918–1939 гг.». Характерно, что авторы используют его как синоним термину «система международных отношений», который они определяют следующим образом: «Система международных отношений (международный порядок) представляет собой конкретно-историческую, устойчивую форму политической организации международных отношений, которая закрепляется в договорах и соглашениях и отражает как соотношение (баланс) сил, так и специфику отношений между входящими в систему государствами» [Сидоров, Клейменова, 2006, с. 17].

Несколько иные акценты в трактовке понятия «международный порядок» расставлены в статье А. Д. Богатурова «Международный порядок в наступившем веке», опубликованной в первом номере журнала «Международные процессы» за 2003 г. В данном случае порядок определяется не договорами и иными правовыми актами, а, прежде всего, иерархией государств, их отношениями, в основе которых лежат факторы мощи. В то же время автор выделяет «три основных подхода к интерпретации порядка: реалистический, социально-конструктивистский и институциональный». Первый учитывает, прежде всего, соотношения

потенциалов между государствами, второй акцентирует внимание на «правилах поведения между ними», третий делает «упор на инструментарию регулирования, основой которого... выступают международные институты, понимаемые как механизмы межгосударственного сотрудничества, способные оказывать примиряющие и сдерживающее влияние на поведение отдельных стран в интересах сообщества в целом» [Богатуров, 2003, с.7]. Подчеркнем, что исследователь не отрицает возможности синтеза различных подходов.

Таким образом, в данном случае «порядок» предстает более широким и комплексным понятием, чем тогда, когда он определяется посредством основополагающих международных договоров и возникших на их основе отношений. Трактовка «порядка» А. Д. Богатуровым по некоторым параметрам близка к понятию «модели» в концепции А. С. Манькина и «вариантной структуры системы» Э. А. Позднякова, хотя она предполагает рассмотрение сферы межгосударственных отношений как более автономной от социально-экономических и политических процессов, протекающих внутри составляющих систему государств.

Подводя итоги данному разделу и констатируя отсутствие терминологического единства и определенные концептуальные расхождения, отметим, что теоретические разработки позволяют задать направление для анализа истории международных отношений с применением системного подхода. Однако, как известно, историческая реальность богаче любых теоретических построений. Поэтому важно понять, как они соотносятся с теми характеристиками, которые историки дают различным системам международных отношений.

Исследование: основная часть

Методология исследования. Отталкиваясь от приведенных выше теоретических положений, используя методы анализа, сравнения и синтеза, в статье будет сделана попытка вычлнить в работах по истории международных отношений не всегда четко артикулированные подходы к трактовке понятия «система».

Процедура исследования. Сложность решения этой задачи заключается в том, что работы, авторы которых пишут о системе (системах) международных отношений, часто различны по своему хронологическому и тематическому охвату. Они могут быть посвящены достаточно протяженному периоду (примером чего являются современные университетские учебники и учебные пособия по истории международных отношений) или конкретному сюжету (как, например, статьи, в названиях которых фигурируют «Брестская система международных отноше-

ний», «московско-азиатская подсистема»⁴), рассмотрению места России в системах международных отношений⁵. Все это предопределяет разную степень проработки методологического раздела и внимания к проблеме того, по каким критериям классифицируются международные системы. Ввиду ограниченного объема статьи предпочтение при анализе отдавалось работам более общего характера. В первую очередь это университетские учебники, учебные пособия, коллективные монографии, посвященные достаточно протяженному периоду истории международных отношений. Неизбежными оказывались некоторые упрощения и обобщения, за рамками статьи оставались нюансы, оттенки смыслов. В центре внимания находились не столько концепции каждого исследователя, сколько обобщенные характеристики систем.

Наименее дробной периодизацией истории международных отношений середины XVII — первой половины XX вв. является разделение ее на три этапа. Подобный подход представлен в цитированных выше «Основах общей теории международных отношений», где А. С. Маныкин выделяет Вестфальскую, Венскую и Версальско-Вашингтонскую модели.

Вестфальская система в хронологических рамках от Вестфальского мира 1648 г. до Французской революции конца XVIII в. рассматривается также в учебном пособии по истории международных отношений в Новое время А. В. Ревякина и в трехтомнике «История международных отношений» под редакцией А. В. Торкунова и М. М. Наринского, где соответствующие главы написаны А. В. Ревякиным. В работах под-

⁴ См., например: Ланник Л. В. Брестская система международных отношений и германская военная элита // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М.: Институт Российской истории, 2014. С. 323–336; Печенкин С. В. К вопросу о типологии и систематизации истории международных отношений: московско-азиатская подсистема 20-х — 40-х гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал: scientific-theoretical and applied journal. 2012. № 7 (21), ч. 2. С. 127–129; Миньяр-Белоручев К. В. Становление и развитие региональной подсистемы международных отношений на политической карте Северной Америки в XIX в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. Т. 13, № 1. С. 127–130.

⁵ Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг.: учебное пособие. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 496 с.; От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX в. М.; СПб: Ин-т Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 440 с.

черкивается, что Вестфальский мир «послужил исходным пунктом для всех позднейших международных договоров вплоть до Французской революции конца XVIII в.», его положения рассматривались в качестве «правовой основы международного порядка в Европе» [Ревякин, 2004, с. 38; История, 2012, с. 80]. В учебнике А. С. Медякова он назван «краеугольным камнем международных отношений Нового времени... до Венского конгресса 1815 г.» [Медяков, 2007, с. 20]. Однако авторская трактовка хронологических рамок Вестфальской системы не поддается однозначному истолкованию, о чем будет сказано ниже.

Рассмотрим те черты, которые, по мнению исследователей, являлись отличительными особенностями Вестфальской системы. К ним относят баланс сил, связь суверенитета с фигурой монарха и, соответственно, сохранение значения династического принципа в международных отношениях, выражавшегося в войнах за наследство. Еще одним фактором, определявшим политику государств в этот период, как указывает А. В. Ревякин, являлся торговый интерес, часто смыкавшийся с государственным. А. С. Медяков останавливается на характере дипломатии, специфике ведения войн и заключения мирных договоров в середине XVII — конце XVIII вв.⁶

А. С. Маныкин указывает на связь Вестфальской системы со Старым порядком⁷, и отмечает, что в основе ее кризиса лежало развитие буржуазных отношений. В качестве его конкретных проявлений в отече-

⁶ Ревякин А. В. История международных отношений в Новое время: учебное пособие. М.: РОССПЭН, 2004. С. 19, 35–42. Медяков А. С. История международных отношений в Новое время: учебник. М. Просвещение, 2007. С. 4–21.

⁷ Основы общей теории международных отношений: учебное пособие / Под ред. А. С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 67. Подобную характеристику Вестфальской системы можно найти в статье Л. И. Ивопиной: Ивопина Л. И. Война и мир в теории и практике Вестфальской системы международных отношений // Вопросы новой и новейшей истории зарубежных стран: межвузовский сборник научных трудов. Рязань: Изд-во Рязанского государственного университета, 2011. С. 54–63. Взгляд на связь международных отношений середины XVII–XVIII вв. со Старым порядком, понимаемым как переходный период от феодального к буржуазному обществу, находится в традициях советской историографии. В то же время понятие Старого порядка столь многогранно, что подобное соотнесение может трактоваться по-разному. Так, ряд современных западных исследователей связывают эпоху классического функционирования баланса сил с абсолютизмом, подчеркивая, что действие этого принципа «в чистом виде» было возможно именно при определенном политическом строе составлявших систему государств. Краткий обзор и ссылки на литературу по этому вопросу можно найти в книге: Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsneal, T. Risse, B. Simmons. London: SAGE Publications Ltd., 2001. P. 158–159.

ственных работах называют нарушение баланса сил в Европе после Семилетней войны и подрывавшее основы системы провозглашение в ходе Американской и Французской революций принципа национального суверенитета⁸.

Вместе с тем некоторые исследователи ограничивают период функционирования Вестфальской системы войной за испанское наследство и Северной войной. Так, во вводном разделе учебника А. Ю. Сидорова и Н. Е. Клейменовой в ряду систем международных отношений в Новое время выделяются Вестфальская и Постутрехтская. Политико-правовые основы последней, с их точки зрения, определялись Утрехтским и Ништадтским мирными договорами. Авторы коллективной монографии «От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX» говорят о том, что на смену Вестфальской системе пришла Утрехтско-Ништадтская.

Представляется, что приверженцы подобного подхода ставят в основу периодизации расстановку сил великих держав. В учебнике А. Ю. Сидорова и Н. Е. Клейменовой рассматриваются международные отношения 1918–1939 г., поэтому закономерно, что предшествующим столетиям их развития уделено лишь несколько страниц. Соответственно авторы в нескольких предложениях описывают смену систем международных отношений, произошедшую, по их мнению, в 1710-е — 1720-е гг. Из этого лаконичного описания можно заключить, что она определялась ограничением французского преобладания в Европе в результате войны за испанское наследство, а также тем, что «в группе великих европейских держав Испанию и Швецию сменили Великобритания и Россия, а в середине XVIII в. к ним присоединилась и Пруссия» [Сидоров, Клейменова, 2006, с. 26].

Борьба держав за военно-политическое лидерство рассматривается в качестве движущей силы развития международных отношений авторами книги «От царства к империи». В соответствии с этим подходом Е. И. Кобзарева видит сущность Вестфальской системы в противостоянии габсбургской и антигабсбургской коалиций⁹, а Г. А. Санин даже характеризует ее как «биполярную». Как указывает исследователь, в результате войны за испанское наследство и Северной войны произошло изменение соотношения сил в Европе, и новая Утрехтско-Ништадтская система стала «полицентричной»¹⁰. Иной взгляд на произошедшую

⁸ Основы... С. 67; Ревякин А. В. Указ. соч. С. 54, 59, 65–68.

⁹ От царства... С. 72.

¹⁰ Там же. С. 164.

трансформацию находим у А. С. Медякова. Характеризуя ее как структурное изменение, модификацию системы, он пишет: «результатом войн начала XVIII в. стало складывание пентархии, заменившей многочисленную и более подвижную систему 1648 г. олигархией пяти сильнейших государств и ставшей основой международных отношений более чем на целый век вперед» [Медяков, 2007, с. 41]. По мнению А. С. Манькина, складывание более четкой иерархии в рамках модели означало лишь то, что завершилась стадия ее консолидации. [Основы, 2009, с. 66].

Вопрос о верхней хронологической границе Утрехтской (Утрехтско-Ништадтской) системы также не решается однозначно. Так, М. Ю. Анисимов полагает, что окончательное укрепление в Европе после Семилетней войны пяти великих держав «знаменовало собой фактическое изменение системы международных отношений. Однако державам так и не удалось юридически оформить новую систему, которая сменила бы отжившую свой век Утрехтскую, и новый порядок международных отношений можно определить как „Постутрехтский“» [Анисимов, 2014, с. 139]. В одной из глав книги «От царства к империи» Г. А. Гребенщикова выдвигает положение о формировании во второй половине XVIII в. «новой системы, которую можно назвать Петербургской» ([От царства, 2015, с. 256]. Ее формирование связывается с повышением роли России в европейской политике, признанием ее «союзной силой». Однако в данном вопросе согласие внутри коллектива написавших этот труд исследователей, как кажется, отсутствует: во вводном разделе, где перечисляются последовательно сменявшие друг друга, на взгляд авторов, системы середины XVII — начала XX в., она не упоминается¹¹.

Отдельно стоит вопрос о характеристике состояния международных отношений в период Наполеоновских войн. Ряд исследователей рассматривает периоды масштабных общеевропейских или мировых войн как переходные, на протяжении которых происходило разрушение старой системы и вызревали предпосылки новой. Таким образом, они часто не включаются ни в рамки предшествовавшей войне системы, ни в рамки той, что формируется по ее итогам. Вместе с тем при рассмотрении международных отношений эпохи Наполеоновских войн в некоторых трудах упоминается термин «система». Так, в работах А. В. Ревякина говорится о «семейной» и «континентальной» системах, но они рассматриваются как системы не международных отношений, а французской внешней политики в Европе. А. Ю. Сидоров и Н. Е. Клейменова выделяют Тильзитскую систему международных отношений — систему

¹¹ Там же. С. 6–7.

французской гегемонии в Европе и русско-французского союза. Однако эта система эпохи войн, как, впрочем, и системы французской внешней политики, характеризуется как крайне непрочная и неустойчивая¹².

Не менее, а скорее даже более дискуссионной является проблема определения сущностных характеристик и периодизации Венской системы. Анализ ее историографии, проведенный А. В. Ревякиным, показывает широту разброса мнений историков, несовпадение их позиций по вопросам определения ее структуры (как равновесной или иерархичной), различия в оценках значения европейского концерта, пентархии, принципа легитимизма (рассмотрение их как сущностных или второстепенных характеристик системы)¹³. Наличие такого подробного и глубокого разбора позволяет нам в рамках данной статьи лишь обобщить ее ключевые характеристики и выделить основные дискуссионные моменты в периодизации.

В числе отличительных черт Венской системы называют баланс сил (или политическое равновесие), европейский концерт как механизм поддержания баланса и, соответственно, всей системы, а также принцип легитимизма. На вопрос о том, на протяжении какого времени эти принципы и институты сохраняли свою действенность, историки отвечают по-разному. При этом не всегда позиция авторов четко выражена. Так, например, А. С. Медяков указывает на то, что «методы... и результаты создания итальянского и германского национальных государств, по существу, означали крах политических и международно-правовых основ Венской системы» [Медяков, 2007, с.326], но в то же время в другом месте продлевает период существования Венской системы до Первой мировой войны, называя основными вехами ее изменений революцию 1848 г. и Крымскую войну, «а также создание в 1871 г. Германской империи и последовавший за этим переход к системе союзов» [Медяков, 2007, с.326]. Подобная неопределенность вполне объяснима: как указывалось еще в советской историографии, эрозия или крах отдельных элементов системы происходили неравномерно и не одновременно. Вопрос заключается в том, какие из них считать сущностными.

Рассмотрение научной и учебной литературы по истории международных отношений в XIX в. позволяет выявить (несколько упрощая

¹² Ревякин А. В. Указ. соч. С. 79–85; История... С. 158–161. Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг.: учебник. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 26.

¹³ Ревякин А. В. Венская система в современной отечественной историографии. 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ / под ред. А. В. Ревякина М.: МГИМО–Университет, 2016. С. 6–40.

картину) три основные точки зрения относительно времени краха Венской системы. Одна связывает его с Крымской войной, другая — с завершением объединения Германии, третья — с началом Первой мировой войны. При этом некоторые исследователи, не указывая четкую границу, скорее склонны относить его к периоду от революций 1848–1849 гг. до создания Германской империи. Обобщая аргументы приверженцев этой точки зрения, как и тех, кто полагает, что система была разрушена в войне 1853–1856 гг. или в 1871 г., можно выделить указания на изменения в соотношении и расстановке сил (в случае Крымской войны — существенное ослабление России, а в случае 1871 г. — создание мощнейшей Германской империи в центре Европы), на крах пентархии, понимаемой как союз великих держав, и европейского концерта как механизма регулирования отношений между ними, изменение в поведении держав на международной арене — отказ от следования принципу легитимизма и переход к «реальной политике». Если рассмотреть эти аргументы в контексте приведенных выше трактовок «порядка» в теории международных отношений, можно увидеть, что они соотносятся и с реалистическим (расстановка сил), и с институциональным (крах европейского концерта), и с социально-конструктивистским (изменение поведения) взглядом. Эти доводы более разносторонни, чем те, что приводятся в обоснование выделения Утрехтской (Утрехтско-Ништадтской) системы в начале XVIII в., которое базируется на аргументации в духе реалистического подхода.

Историки, полагающие, что Венская система просуществовала до Первой мировой войны, подвергают сомнению значимость не указанных выше критериев, а произошедших в системе в 1850-е — 1870-е гг. сдвигов. Так, например, А. С. Маныкин рассматривает этот период как фазу модернизации системы, за которой последовал новый этап ее стабильного развития. С его точки зрения, «базовые решения» Венского конгресса не были отменены, «консервативно-охранительные принципы», хоть и дали трещину, но в итоге остались в силе, после ряда войн был восстановлен баланс сил, вновь созданная Германская империя не стремилась к слому статус-кво и, наконец, сохранилось присущее Венской системе «стремление к поиску консенсуса, консультациям, арбитражу» [Основы, 2009, с. 69]. Как заключает в результате исследования современной российской историографии Венской системы А. В. Ревякин, ряд авторов не разделяет точку зрения о сломе Венской системы в ходе войн 1850-х — 1870-х гг., «утверждая, что, несмотря на войны и периодические «подвижки» в соотношении сил держав, политическое равновесие сохранялось вплоть до конца XIX и даже до начала XX в.», «меньше, чем принято думать... пострадал международно-правовой порядок, учрежденный договорами

1814–1815 гг.,... европейский концерт, несмотря на частые и длительные перебои в работе, также продолжал функционировать в течение целого столетия» [Ревякин, 2016, с. 39].

Не всегда уточнению разногласий может способствовать обращение к трактовкам рядом исследователей сущностных характеристик тех систем, которые в их представлении, пришли на смену Венской в середине XIX в. В книге «От царства к империи» в качестве таковых названы Крымская (1856–1877 гг.), а затем Берлинская (1878–1914 гг.). Крымская система предстает как система изоляции России, ее сдерживания на Юго-Западе¹⁴. В то же время, как пишет автор главы «Россия в Крымской системе» В. М. Хевролина, она «рассматривалась Горчаковым как инструмент мира и согласия между европейскими державами..., как сила, противостоящая либерализму и революции» [От царства, 2015, с. 320]. Падение системы, как представляется, отчасти связывается автором с тем, что преобладающее влияние в ней стали играть, в терминологии В. М. Хевролиной, «державы-хищницы» — Англия, Пруссия, Франция. Нельзя ли из этого заключить, что Крымская система, по крайней мере, на протяжении какого-то периода своего существования сохраняла институты Венской, ее консервативно-охранительную тенденцию?

Представленная в книге периодизация и характеристика систем оставляет открытым вопрос о трактовке авторами значения объединения Италии и Германии, роли этих событий в развитии системы международных отношений. Означает ли выбор Берлинского конгресса в качестве рубежа системного сдвига, что Русско-турецкая война оказала большее влияние на расстановку сил, чем процессы, происходившие в 1860-е — 1870-е гг. в Центральной Европе? Установления Парижского и Берлинского конгрессов распространялись преимущественно на балканско-ближневосточный регион, который не был включен в правовое поле Венской системы. Возможно, в данном случае плодотворным было бы обращение к понятию подсистема, которое иногда используется исследователями применительно к комплексу межгосударственных отношений в том или ином регионе Европы в Новое время¹⁵. Подсистема

¹⁴ От царства... С. 293, 298.

¹⁵ Так, например, П. В. Стегний пишет о трансформации Вестфальской системы в начале XVIII в. и появлении утрехтской, ганноверской, а затем — и восточной подсистем. Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. С. 67; Агансон О. И. оперирует термином «Балканская подсистема», относя ее создание к Берлинскому конгрессу, а трансформацию к событиям Балканских войн. См.: Агансон О. И. Балканы накануне Первой мировой войны: на пути к новому балансу сил // Новая и новейшая история, 2014. № 4. С. 17–31.

в таких работах рассматривается как особым образом организованная составная часть усложнявшейся европейской системы.

Иная точка зрения на то, какая система пришла на смену Венской, представлена в учебном пособии А. В. Ревякина. Исследователь указывает, что «фактически к концу XIX в. сложилась новая, довольно устойчивая система международных отношений, характеризовавшаяся таким признаками, как баланс сил основных держав, наличие общепризнанных и закрепленных международными договорами границ между европейскими государствами, существование двух противостоящих друг другу военно-политических группировок» [Ревякин, 2004, с. 178]. К специфическим чертам этой системы, таким образом, можно отнести установление нового (по сравнению с Венской системой) баланса сил, появление института военно-политических союзов вместо европейского концерта как механизма регулирования этого баланса. Отличает ее от предшествующей Венской и последующей Версальской систем (и, соответственно, вызывает вопрос о возможности поставить ее в один ряд с ними) то, что она не получила правового оформления на каком-либо общеевропейском конгрессе или конференции.

Не так много внимания современные авторы уделяют проблеме взаимосвязи социально-экономических процессов, протекавших в европейских странах в XIX в., с состоянием международных отношений. На нее указывается в главе «Россия в Крымской системе» книги «От царства к империи». Сама Крымская система характеризуется в этой главе как «продукт капиталистической эпохи» [От царства, 2015, с. 298], а шаткость политического равновесия определяется условиями бурного развития капиталистических отношений в Европе. В подобных формулировках можно увидеть преемственность с «Историей дипломатии», в первом томе которой отмечалось, что международные отношения в 1860-е — 1870 гг. находились под воздействием дальнейшего укрепления и распространения вширь капиталистических отношений¹⁶. Однако эта тема не получает последовательного освещения в современной коллективной монографии и вряд может считаться ее концептуальной основой.

В учебнике А. С. Медякова говорится о влиянии «двойной революции» конца XVIII в. — начавшегося в Англии промышленного переворота и Французской революции — на историю XIX столетия. Оно выразилось в продолжении и интенсификации процесса складывания национальных государств, воздействии идеологии национализма на политику, возрастании роли экономических интересов в комплексе ин-

¹⁶ История дипломатии. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959 С. 381.

тересов великих держав. Эти процессы рассматриваются как общие для периода 1815–1914 гг. В то же время автор указывает на определенные изменения, которые, как представляется, носили качественный характер. Так, он пишет, что «первая половина века была отмечена полным и безусловным (экономическим. — *Е.Р.*) лидерством Англии», а к его концу с завершением в большинстве стран континента промышленного переворота великие державы вновь расположились на одной шкале, хотя и с значительными разрывами» [Медяков, 2007, с. 152]. Однако вопрос о том, соотносятся ли эти изменения с какими-либо этапами развития или трансформацией системы международных отношений остается открытым. Не пользуется популярностью в современной литературе концепция империализма. Таким образом, если международные отношения последней трети (конца) XIX в. — начала XX вв. и выделяются в отдельную систему современными историками, то, в отличие от советской историографии, такая периодизация не связана с положением о переходе от капитализма свободной конкуренции к империализму; в ее основе — указания на изменения в балансе сил и механизмах поддержания стабильности системы.

Переходя к характеристике в современных работах международных отношений межвоенного периода, отметим, что здесь также нечасто можно встретить традиционное для советской историографии указание на связь характера их развития с «общим кризисом капитализма». По некоторым положениям смыкается с этой концепцией трактовка С. И. Луневым и Г. К. Широковым «хронического кризиса мировой системы», наступившего после Первой мировой войны, данная в книге «Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии». Как пишут исследователи, он характеризовался «антикапиталистическими революциями», «затяжными гражданскими войнами», приходом к власти «антисистемных движений, выступавших в рамках самого капитализма» в Германии и Италии, ростом национально-освободительного движения [Лунев, Широков, 2001, с. 11–12]. В. Н. Горохов отмечает возникновение нового «„межформационного“, идейно-классового противоречия» [История новейшего времени, 2004, с. 52] в международных отношениях межвоенного периода, однако не придает ему значение основного, определяющего их развитие.

Рассматривая международную систему, сложившуюся по итогам Первой мировой войны, В. Н. Горохов отмечает в ней сочетание «демократических, справедливых» и «консервативных, империалистических» принципов мирного урегулирования, делая при этом вывод о преобладании последних. Исследователь констатирует, что «новая модель

международных отношений, отличавшаяся от старых известным либерализмом, по своему содержанию и характеру была преимущественно консервативной и в этом смысле, хотя и при иной расстановке сил, являлась «правопреемницей» прежних международных систем [История новейшего времени, 2004, с. 51]. Несколько по-иному акценты расставлены редакционной коллегией сборника статей «Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг.», ставшего итогом международной конференции, проведенной в ИВИ РАН в 2009 г. В предисловии говорится о попытке сочетания в рамках миропорядка демократических ценностей, принципов коллективной безопасности, идей о правомерности государственных интересов и национальных устремлений к независимости. При этом авторы не делают вывод о преобладании той или иной тенденции¹⁷.

Представляется, что поднятые вопросы о преемственности с прежними системами, о балансе общих интересов и индивидуальных, эгоистичных целей государств, могут быть поставлены в несколько ином ракурсе и сформулированы следующим образом: каковы были, на взгляд исследователей, механизмы поддержания стабильности в системе? Подавляющее большинство, если не все авторы работ, согласны в том, что Версальско-Вашингтонская система была неравновесной и неустойчивой. А. Ю. Сидоров и Н. Е. Клейменова отмечают, что державы отказались от идеи европейского равновесия, пытаясь создать глобальное, но такой проект потерпел крах ввиду позиции США¹⁸. А. Д. Богатуров все же оперирует термином «равновесие» применительно к Версальской системе, но, с его точки зрения, оно было ущербным, поскольку исключало США и Россию¹⁹. Таким образом, баланс сил и не рассматривался как основание системы, но в то же время полностью не игнорировался в политических расчетах. Принципиально новым явлением стало создание международной организации для поддержания мира — Лиги Наций, которая, по крайней мере, в теории должна была заменить баланс сил в качестве основного регулятора системы. Однако на практике этого не произошло, международная организация не смогла стать действенным органом по предотвращению войн. Как пишет В. Н. Горюхов в системе «не были выработаны эффективные средства устранения междуна-

¹⁷ Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 5.

¹⁸ Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. Указ. соч. С. 80.

¹⁹ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2000. Т. 1. События. 1918–1945. / Под ред. А. Д. Богатурова. М.: «Московский рабочий». 2000. С. 16–17.

ных противоречий, блокирования действий, направленных на разрушение сложившегося равновесия сил». [История новейшего времени, 2004, с. 52–53]. Рассматривая распространенные в современной научной и учебной литературе характеристики Версальской системы с позиций конструктивистской методологии, можно также прийти к выводу о том, что ее особенностью было отсутствие у государственных деятелей великих держав общего представления и согласия в отношении методов поддержания стабильности и правил поведения в системе.

В качестве специфической черты Версальско-Вашингтонской системы ряд исследователей называют ее глобальный характер²⁰. Он определялся тем, что установления системы распространялись за пределы Европы, Лига Наций не строилась по региональному принципу, и ее членами стали неевропейские государства. Однако не все ученые разделяют эту точку зрения — выше уже была приведена позиция А. Д. Богатурова, который относит к этому времени только начало процесса формирования глобальной международно-политической системы и пишет о существовании автономных подсистем: Версальской, Вашингтонской, Латиноамериканской и Ближневосточной. В то же время исследователь отмечает фактор давления глобализации мирополитических процессов (появления неевропейских центров силы) на Европу. В таких условиях попытка сохранить систему международных отношений как систему европейского равновесия была обречена на провал²¹.

Вопрос о корреляции процессов, происходивших на мировой арене, в сфере становившейся глобальной экономики и в европейской политике, не только применительно к XX в., но к более ранним периодам ставится в некоторых отечественных работах по теории международных отношений²², на их взаимосвязь указывается в научной и учебной литературе.

Так, предмет цитированной выше монографии С. И. Лунева и Г. К. Широкова — трансформация мировой системы. В этой концепции экономика и политика интегрированы. Формирование мировой системы обусловлено развитием капитализма, вовлекавшим в сферу своего влияния все новые и новые территории. Ее главными акторами в Новое

²⁰ См., например: Версальско-Вашингтонская система. С. 5; А. Ю. Сидоров и Н. Е. Клейменова отмечают, что Версальско-Вашингтонская система создавалась как глобальная. Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. Указ. соч. С. 27.

²¹ Системная история... Т. 1. С. 11, 16–17.

По принципу рассмотрения региональных подсистем построено изложение в учебнике А. Ю. Сидорова и Н. Е. Клейменовой

²² Основы... С. 175–220, 154–515.

время предстают метрополии, обладающие обширными колониальными империями. Структура европейских отношений рассматривается в рамках такой концепции как составляющая мировой системы. Так, авторы замечают: «именно наличие колоний придавало «великость» крупным странам и обуславливало многополюсность, а последняя вела за собой хроническую конфликтность» [Лунев, Широков, 2001, с. 11].

На необходимость анализа системы международных отношений, в числе прочего, под этим углом зрения указывается в предисловии к первому тому учебника по истории международных отношений под редакцией А. В. Торкунова и М. М. Наринского. В нем отмечается, что «линия поведения государств в европейских делах в XVII–XVIII вв., да и в канун Вестфалья, диктовалась состоянием торговли в Новом свете. Египетский поход Наполеона подготовил его европейский триумф, соотношение колониального могущества государств определяло их место в мировой политике, а желание изменить это соотношение вело к конфликтам, в том числе к Первой мировой войне». [История, 2012, с. 8].

В учебнике А. С. Медякова большое место уделено вопросам торговли и колониальной политики держав, рассматривается влияние колониальных противоречий на систему европейского равновесия. Из изложения автора следует, что оно было разным в разные периоды истории нового времени. Так, обращаясь к системе XVII в., А. С. Медяков четко разводит европейскую и колониальную политику держав. Автор отмечает, что «колониальный мир отделялся от Европы... в международно-правовом отношении», колонии никак не включались в систему европейского равновесия, не рассматривались «ни как лежащее на европейских весах некое целое с метрополией, ни как отдельная система колониально равновесия» [Медяков, 2007, с. 74]. Иной была ситуация в конце XIX — начале XX в., когда, по заключению автора, «заокеанские противоречия решающим образом влияли на европейское соотношение сил» [Медяков, 2007, с. 399].

В то же время, как представляется, в процессе типологии систем международных отношений середины XVII — первой половины XX в. характер взаимосвязи Европы с неевропейской периферией не рассматривается как сущностный признак. Основные акторы — великие державы — чаще определяются как суверенные, монархические, национальные государства, т.е. по своим «европейским параметрам», но не характеризуются с точки зрения наличия или отсутствия заокеанской империи. Остается открытым вопрос о связи накала неевропейского соперничества и действующего в Европе на том или ином этапе развития международных отношений механизма поддержания системной стабильности.

Результаты исследования. Проведенное исследование подтверждает отсутствие в современной историографии единого взгляда на периодизацию и типологические признаки систем международных отношений середины XVII — первой половины XX в. В то же время на основе анализа политологических и исторических работ возможно выявить ряд критериев, которые могут быть положены как в основу характеристики систем международных отношений, так и периодизации.

При характеристике тех или иных международных систем исследователи наиболее часто обращаются к фактору соотношения и расстановки сил великих держав. Он является основополагающим или даже единственным критерием при обосновании более дробной периодизации (выделении Утрехтской, Крымской, Берлинской систем). Определенная уязвимость такого подхода, как представляется, связана с тем, что система международных отношений динамична, сам принцип баланса сил, который иногда называют основным законом ее функционирования²³, предполагает неравномерность развития держав и нацелен на адаптацию этого свойства к системе. Что может быть признано критерием качественного изменения по этому параметру: появление новых великих держав и утрата этих позиций старыми, новая конфигурация союзов или даже относительное ослабление или усиление ведущих государств? В данном случае плодотворным кажется обращение к высказанному в теоретических работах тезису об эволюции самих системных моделей и характеристике разных стадий их развития.

Учет соотношения потенциалов может быть дополнен указанием на специфический механизм регулирования межгосударственных отношений, присущий той или иной системе: баланс сил — для Вестфальской, баланс (равновесие) сил, дополненный европейским концертом, — для Венской и Лига Наций — для Версальско-Вашингтонской. В случае опоры на этот признак встает вопрос о выделении Тильзитской системы как системы французской гегемонии (в отличие от баланса сил) и ограничения периода функционирования Венской системы с выделением системы конца XIX — начала XX вв., в которой концерт дополнялся (или, в другой трактовке, заменялся) механизмом существовавших в мирное время военно-политических союзов. Вместе с тем в отношении первой нельзя говорить о какой-либо устойчивости, наличие которой, как правило, рассматривается как неперенный при-

²³ Этот тезис может быть применим к любой системе, но в наибольшей степени он кажется справедливым для характеристики Вестфальской.

знак системы. А система союзов не получила правового оформления в каком-либо общем международном договоре.

Проанализированные работы содержат указания на правовые основания систем международных отношений, в то же время эти основания не всегда рассматриваются как непрменный атрибут систем. Выделяются «де-факто системы» (помимо системы союзов конца XIX — начала XX вв., к ним можно отнести «Постутрехсткий порядок» (сложившийся, по мнению М. Ю. Анисимова, по итогам Семилетней войны)), допускается существование системы после краха ее международно-правовых основ. Сами эти основы не всегда однозначно трактуются историками²⁴.

Историки уделяют внимание анализу действовавших в ту или иную эпоху представлений держав о правилах поведения на международной арене (что соотносится с конструктивистским подходом), однако они не так четко артикулированы (обобщения в этой области чрезвычайно сложны), чтобы рассматриваться как критерий периодизации.

Характеризуя системы международных отношений, некоторые исследователи обращаются не только к собственно системным свойствам, но и к характеру среды. Так, стадии развития капитализма и связанный с ними общественный уклад иногда соотносят с системами международных отношений середины XVII — первой половины XX вв. При этом Вестфальская система ассоциируется с торгово-мануфактурным капитализмом и Старым порядком, Венская (хотя и не без ряда оговорок) — со становлением и развитием промышленного капитализма, Версальско-Вашингтонская — с «хроническим кризисом». В меньшей степени прослеживается взаимосвязь развития систем международных отношений с эволюцией системы мирового хозяйства.

Анализ результатов. Представляется возможным выделить общую тенденцию в рассмотрении систем международных отношений в современных работах. Демонстрируя определенную преемственность с традициями советской историографии, они отличаются тем, что их авторы чаще указывают на значение политико-правовых оснований систем, обращаются к анализу механизмов поддержания стабильности, предлагают более нюансированный анализ поведения основных акторов. В то же время заметна тенденция в меньшей степени связывать развитие систем международных отношений с социально-экономическими процессами в составлявших эти системы государствах.

²⁴ На актуальность исследований в области истории международного права указал А. В. Ревякин. См.: Ревякин А. В. Венская система... С. 40.

Заключение. Синтез исторического и политологического подходов может способствовать систематизации знаний об истории международных отношений. Применение разработок из области теории международных отношений представляется перспективным в деле уточнения терминологии, в части понятий «система», «подсистема», «порядок», постановки вопросов взаимодействия и взаимовлияния системы и среды. В то же время результаты углубленных исследований различных аспектов истории международных отношений могут стать источником для дальнейшей разработки и уточнения существующих политологических конструкций.

Литература

1. Анисимов М. Ю. Кризис Утрехтской системы международных отношений и Елизаветинская Россия // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 123–140.
2. Богатуров А. Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 1. С. 6–23.
3. История международных отношений : в трех томах : учебник / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. 2012. 400 с.
4. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг.: учебник для студентов вузов по специальности «История» / Л. С. Белоусов [и др.]; под ред. Е. Ф. Язькова. М.: Простор, 2004. 556 с.
5. Кокошин А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: краткий очерк. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: ЛЕНАНД, 2008. 86 с.
6. Лебедева М. М. Что угрожает Вестфалю? // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 1. С. 117–120.
7. Лунев С. И. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии / С. И. Лунев, Г. К. Широков. М.: Academia, 2001. 304 с.
8. Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007. 463 с.
9. Основы общей теории международных отношений: учебное пособие / Маныкин А. С. [и др.]; под ред. А. С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 592 с.
10. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX в. / Рыбаченок И. С. [и др.]. М.: Ин-т Российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 440 с.
11. Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. 159 с.

12. Ревякин А. В. Венская система в современной отечественной историографии // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ / под ред. А. В. Ревякина М.: МГИМО–Университет, 2016. 207 [2] с. С. 6–40.
13. Ревякин А. В. История международных отношений в Новое время: учебное пособие. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 264 с.
14. Сидоров А. Ю. История международных отношений. 1918–1939 гг.: учебник / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 640 с.
15. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2000. Т. 1. События. 1918–1945 / Белоусова З. С. [и др.]; под ред. А. Д. Богатурова. М.: Московский рабочий. 2000. 516 с.

INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEMS OF THE MID XVII — FIRST HALF OF THE XX CENTURIES: PROBLEMS OF TYPOLOGY

Ekaterina Romanova

Abstract. *The article is aimed at identifying the main approaches of the contemporary Russian scholars to the problem of typology and periodization of the international relations systems of mid XVII — first half of the XX centuries, and at defining the degrees of their similarity and the nature of differences. The article relates the descriptions of international relations systems in the works of historians, mainly university textbooks and collective monographs that cover a relatively long period of history, to the notions of the system and order held in Russian international relations theory.*

It can be confirmed by the research undertaken, that contemporary scholars differ on the questions of periodization and typology of international relations systems of mid XVII — first half of the XX centuries. Whereas some scholars consider, that there existed three consecutive systems (orders) — of Westphalia, Vienna, and Versailles, others suggest a more fractional periodization. Several criteria for periodization have been identified. Most frequently scholars refer to the particular balance of the great powers. This is supplemented by the indications to the specific regulatory mechanism in each system: the balance of power in the system of Westphalia, the balance of power (or equilibrium) with the European concert in the system of Vienna, an international organization (the League of Nations) — in the system of Versailles. If this criterion is applied, it can be argued that there existed the system Tilsit (a system of hegemony as opposed to that of the balance of power) and the system of the late XIX — early XX centuries, in which the balance of power was supported not by the European concert but by rival alliances.

Scholarly works analyzed in the article contain references to the legal grounds of the international relations systems, but they are not always regarded as a necessary attribute of a system. According to several authors, there existed some de-facto systems, which were not formed on the basis of general international treaties. Historians also pay attention to the perceptions of the rules of proper behavior in the international scene. However, they are not easily defined and generalized to be regarded as a criterion for periodization and typology. Lastly, while describing international relations systems some scholars take into account the nature of the environment. International systems are sometimes related to the stages of the development of capitalism and the characteristics of the social order.

Keywords: *international relations system, international order, historiography*

References

1. Anisimov, M. Ju. (2014). Krizis Utrehtskoj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij i Elizavetinskaja Rossija [Crisis of the Utrecht System in International Relations and Elizabethan Russia]. *Novaja i novejšaja istorija [Modern and Current History Journal]*, 3, 123–140.
2. Belousova, Z. S., Bogaturov, A. D., Voskresenskij, A. D., Kapustjan, E. G., Korgun, V. G., Nadzhafov, D. G., ... Ostapenko, A. I. (2000). Sobytija. 1918–1945 [Events. 1918–1945]. In A. D. Bogaturov (Ed.), *Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v chetyreh tomah. 1918–2000 [Systemic History of International Relations. 1918–2000]*, 1. Moscow: Moskovskij rabochij.
3. Bogaturov, A. D. (2003). Mezhdunarodnyj porjadok v nastupivšem veke [International Order at the Turn of the XXI Century]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends. Journal of International Relations Theory and World Politics]*, 1 (1), 6–23.
4. Jaz'kov, E. F. (Ed.). (2004). Istorija novejšego vremeni stran Evropy i Ameriki: 1918–1945: uchebnik dlja studentov vuzov po special'nosti «Istorija» [Contemporary History of European and American Countries: 1918–1945: University Textbook]. Moscow: Prostor.
5. Kokoshin, A. A. (2008). O sistemnom i mental'nom podhodah k miropoliticheskim issledovanijam: kratkij ocherk [On Systemic and Mental Approaches to World Political Processes: A Brief Review]. (2nd revised ed.). Moscow: LENAND.
6. Lebedeva, M. M. (2008). Chto ugrozhaet Vestfalju? [What threatens the Westphalian Order?]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends. Journal of International Relations Theory and World Politics]*, 6 (1), 117–120.
7. Lunev, S. I., & Shirokov, G. K. (2001). Transformacija mirovoj sistemy i krupnejšie strany Evrazii [Transformation of World System and the Largest Countries of Eurasia]. Moscow: Academia.

8. Manykin, A. S. (Ed.). (2009). *Osnovy obshhej teorii mezhdunarodnyh otnoshenij: uchebnoe posobie* [Foundations of the General Theory of International Relations: Textbook]. Moscow: Izd-vo MGU.
9. Medjakov, A. S. (2007). *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Novoe vremja: Uchebnik* [Modern History of International Relations: Textbook]. Moscow: Prosveshhenie.
10. Pozdnjakov, Je. A. (1976). *Sistemnyj podhod i mezhdunarodnye otnoshenija* [Systemic Approach and International Relations]. Moscow: Nauka.
11. Revjakin, A. V. (2004). *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Novoe vremja: Uchebnoe posobie* [Modern History of International Relations: Textbook]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN).
12. Revjakin, A. V., & Vasil'eva, N. Ju. (2012). *Ot Vestfal'skogo mira do okonchanija Pervoj mirovoj vojny* [From the Peace of Westphalia to World War I]. In A. V. Torkunov, & M. M. Narinskij (Eds.), *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij: v treh tomah: uchebnik* [History of International Relations in three vols.: Textbook] (Vol.1). Moscow: Aspekt Press.
13. Revjakin, A. V. (2016). *Venskaja sistema v sovremennoj otechestvennoj istoriografii* [Contemporary Historiography in Russia of the Vienna System]. In A. V. Revjakin (Ed.), *200 let Venskoj sisteme: proekt i praktika evropejskoj diplomatii: materialy IX Konventa RAMI* [200 Years of the Vienna System: Project and Practice of European Diplomacy. Papers and Proceedings of the IX RISA Convention] (pp. 6–40). Moscow: MGIMO–Universitet.
14. Rybachenok, I. S., Vinogradov, A. V., Kobzareva, E. I., Sanin, G. A., Anisimov, M. Ju., Grebenshnikova, G. A., ... Kudrjavceva, E. P. (2015). *Ot carstva k imperii. Rossija v sistemah mezhdunarodnyh otnoshenij. Vtoraja polovina XVI — nachalo XX v.* [From Tsardom to Empire. Russia in International Systems. Second half of the XVI — early XX centuries]. Moscow: In-t Rossijskoj istorii RAN; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ.
15. Sidorov, A. Ju., & Klejmenova, N. E. (2006). *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij. 1918–1939: Uchebnik* [History of International Relations. 1918–1939: Textbook]. Moscow: ZAO Centrpoligraf.

Информация об авторе:

Романова Екатерина Владимировна

к.ист.н.; доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, ekaterinavlromanova@gmail.com

Ekaterina V. Romanova

PhD (history), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Russia, ekaterinavlromanova@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX ВЕКЕ (ОТ ОКОНЧАНИЯ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА)

Н. П. ТАНЬШИНА

***Аннотация.** Статья написана в рамках методологии классического исторического исследования и посвящена современным подходам к изучению российско-французских отношений в XIX в. (от окончания Наполеоновских войн до рубежа XIX–XX вв.). Тема является весьма актуальной в связи с серьезными качественными изменениями, которые претерпела в последнюю четверть века историческая наука, пройдя через ряд кризисов или «поворотов». Если «поворот» конца 1980-х — 1990-х гг. был связан, прежде всего, с политико-идеологическими процессами, происходившими в России, то переосмысление методологии истории в последней четверти века во многом обусловлено глубинными изменениями, происходившими в историческом знании как таковом. Речь идет о «постмодернистском повороте», если и не расколовшем сообщество историков, то поставившем новые вопросы и очертившем новые методологические подходы. Основные результаты исследования заключаются в констатации следующего факта: процессы, происходящие в современном социо-гуманитарном знании, самым непосредственным образом касаются исследователей, занимающихся проблемами внешней политики и международных отношений. Это проявляется как в проблематике исследований, так и в методологических подходах. Помимо собственно методологических дискуссий применимо к истории международных отношений необходимо учитывать и взаимосвязь изучаемых исторических событий с современными международными процессами, что неизбежно приводит к «актуализации» истории. Общее заключение сводится к следующему: при изучении современной отечественной историографии российско-французских отношений были выделены следующие приоритетные направления: дипломатическая и интеллектуальная история, история повседневности, проблема*

межкультурных коммуникаций и межкультурного диалога, имагология и стереотипы взаимного восприятия.

Ключевые слова: *российско-французские отношения, историография, методология*

Введение. В последние четверть века историческая наука переживает чрезвычайно противоречивый и болезненный период. Историческая наука за это время прошла через ряд кризисов, или «поворотов». Если «поворот» конца 1980-х — 1990-х гг. был обусловлен, прежде всего, политико-идеологическими процессами, происходившими в нашей стране, то переосмысление методологии истории в последней четверти века во многом связано с глубинными процессами, происходившими в историческом знании как таковом. Все это не могло не затронуть и исследователей, занимающихся проблемами внешней политики и международных отношений.

Теоретические основания исследования. Как справедливо отмечает Л.П. Репина, процессы, происходящие в исторической науке в последнюю четверть века, связаны «как с накопившимися проблемами ее внутреннего развития, так и с общими проблемами в интеллектуальной сфере и шире — с ломкой культурной парадигмы, которая вызвала пересмотр эпистемологических основ социально-гуманитарного знания» [Репина, 2009, с. 7]. Переосмысление методологии истории в конце XX столетия было связано с очередным кризисом исторической науки, на сей раз постмодернистским, который если и не расколол сообщество историков, то поставил новые вопросы, очертил новые методологические подходы и приемы. И те, кто принял постмодернистский вызов, и те, кто, по мнению первых, так и остался «позитивистскими троглодитами», так или иначе вынуждены реагировать на изменения, происходящие в исторической науке и в целом в интеллектуальном пространстве.

В то же время, «происходившее в историографии конца XX — начала XXI столетия движение в направлении новой концептуализации социально-исторической реальности, опиралось на методологические разработки социологических теорий 1980-х годов, которые были созданы в противовес концепциям постмодерна...» [Репина, 2009, с. 310].

В области изучения международных отношений, помимо собственно методологических аспектов изучения истории, существенную роль играет актуальная политика и международная ситуация. В работах, посвященных изучению международных отношений прошлых столетий, прослеживается тенденция актуализации истории, а идея о том, что «история — служанка идеологии», причем без всякой негативной коннотации, как нельзя лучше иллюстрирует современное состояние исторической науки.

Исследование: основная часть.

Методология исследования. Как отмечает Л.П. Репина, «движение исторической науки осуществляется в соответствии с присущей ей внутренней логикой развития и с вызовами современности, требующими от нее новых решений» [Репина, 2009, с. 8]. Сложные и противоречивые тенденции, происходящие в современной исторической науке, отражаются и при изучении, казалось бы, частных вопросов. Это можно проследить на примере анализа современной историографии российско-французских отношений постнаполеоновского времени с 1814 г. до рубежа XIX–XX вв. Уже в самой формулировке можно увидеть существенные изменения: российско-французские отношения, а не русско-французские. Разница очевидна.

Изменения, происходящие в целом в исторической науке, весьма отчетливо прослеживаются и при изучении российско-французских отношений. Можно выделить следующие приоритетные направления в изучении российско-французских отношений: дипломатическая и интеллектуальная история, история повседневности, проблема межкультурных коммуникаций и межкультурного диалога, имагология и стереотипы взаимного восприятия. Поскольку историография российско-французских отношений XIX в. является весьма обширной, в рамках статьи анализируются наиболее важные с точки зрения формирования новых методологических подходов работы.

Результаты исследования. В ходе проведенного анализа современной отечественной историографии международных отношений были получены следующие результаты. Важнейшее направление исследований международных отношений — это дипломатическая история. Однако на современном этапе развития исторической науки классические дипломатические исследования в духе Антонэна Дебидура уже давно не появляются, причем это общемировая тенденция. Современные французские ученые сожалеют о сложившейся ситуации: дипломатическая история не привлекает такого пристального внимания, как прежде. Видимо, это связано с общим кризисом позитивистской методологии как таковой с ее стремлением к глобальным обобщениям и конструкциям.

Можно сказать, что современная дипломатическая история российско-французских отношений развивается в модернизированном виде, а именно сквозь призму персонификации истории, рассмотрения ее через личности, как известные, так и не очень. То есть это дипломатическая история в лицах. В рамках этого направления бесспорным лидером является Петр Петрович Черкасов. Исследователь создал целую га-

лерею образов в рамках дипломатической истории Франции и России. Применимо к XIX веку — это его работы о Якове Толстом и продолжение серии двойных портретов — императоры Александр II и Наполеон III¹. С присущим ему литературным талантом П. П. Черкасов создает не просто яркие портреты, порой вытаскивая из исторического забвения персонажей, не всегда известных даже профессионалам, но и проводит глубочайший анализ истории двусторонних отношений, основанный на детальном изучении как российских, так и французских архивов. На мой взгляд, работы П. П. Черкасова являются одним из ярких примеров плодотворного синтеза классической науки и новаций, основанного на высочайшем профессионализме и тщательнейшем и кропотливом анализе документов. При этом, что еще очень важно, П. П. Черкасов является непревзойденным мастером литературного слова, что созвучно задачам, которые ставит сегодня перед собой историческое сообщество, особенно в атмосфере дискуссий о том, что история — это конструктор воображаемого, что историй существует столько, сколько историков. Поэтому главная задача историка — насколько возможно объективно, с точки зрения автора, реконструировать события прошлого и описать их талантливым языком, понятным не только высококолым профессионалам-коллегам, но и широкому кругу читателей.

Именно в жанре научно-популярной истории написана книга П. П. Черкасова «Шпионские и иные истории из архивов России и Франции»². С одной стороны — интерес широких читателей ко всему шпионско-детективному. С другой — приучение к серьезной научной литературе, написанной на основе изучения архивных материалов, при этом талантливо, литературно и доступно.

Говоря о деятельности П. П. Черкасова, нельзя не сказать и о выпускаемом под его руководством сборнике «Россия и Франция. XVIII–XX века». Анализ публикаций сборника может быть предметом самостоятельного научного исследования. Сам факт того, что сборник пережил сложные времена (а пошел уже второй десяток выпусков) — это и показатель интереса и, несомненно, личная заслуга П. П. Черкасова.

В русле классических дипломатических исследований плодотворно работает петербургская исследовательница Татьяна Николаевна Гонча-

¹ Черкасов П. П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867). М., 2008; его же. Александр II и Наполеон III. М., 2015; его же. Граф П. Д. Киселев — российский посол во Франции (1856–1862) // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 11. М., 2014.

² Черкасов П. П. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015.

рова. В своей кандидатской диссертации на основе изучения российских и французских архивов она анализирует деятельность французских и российских дипломатов, деятельность французских консульств в России³. Это тоже весьма важное исследование, дающее фактуру, без которой никакие методологические повороты просто невозможны. Кроме того, у Т.Н. Гончаровой имеется целая серия научных статей, посвященных дипломатическим и культурным контактам между Санкт-Петербургом и Парижем в 1814–1848 гг.⁴, в том числе с выходом на историю повседневности.

Исследование повседневной жизни — это один из ведущих сюжетов современной мировой историографии, одно из кардинальных направлений как российской, так и французской исторической науки, получившее свое развитие еще в середине прошлого века в связи с деятельностью школы «Анналов».

Применимо к истории российско-французских отношений стоит выделить работы известного переводчика, филолога и историка Веры Аркадьевны Мильчиной, в частности, ее книгу «Париж в 1814–1848 годах: Повседневная жизнь»⁵. В этой работе определенное место уделяется и франко-российским связям. Работы В. А. Мильчиной основаны на изучении, в том числе, мемуарной литературы, воспоминаний, путевых заметок, оставленных нашими соотечественниками, побывавшими в Париже.

Интенсивно развивающимся современным направлением является интеллектуальная история и изучение российско-французских интеллектуальных контактов и взаимовлияний. Как отмечалось в предисловии к сборнику «Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века», «российско-французские интеллектуальные связи

³ Гончарова Т. Н. Французские дипломатическая и консульская службы в России: 1814–1848 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 2009.

⁴ Гончарова Т. Н. Опыт самодержавия. Поль де Бургуан в России (1828–1832) // Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора К. Б. Виноградова. СПб. 2005. С. 94–99; ее же. Посольство Франции и светская жизнь Санкт-Петербурга в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 2. СПбГУ, 2008. С. 141–147; ее же. Французские дипломаты в России (1814–1848): персоналии и карьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Выпуск 4. Ч. 1. С. 130–136; Внешняя политика Российской империи и ее творцы в описаниях французских дипломатов (1814–1840-е гг.) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2008. № 2. / Сост. Б. П. Заостровцев. СПб., 2009.

⁵ Мильчина В. А. Париж в 1814–1848 годах: Повседневная жизнь. М., 2013.

можно назвать в прямом смысле слова историческими — это и традиционные контакты в области культуры, и влияние французской литературы и культуры на российскую интеллигенцию того времени, и роль французского языка в образованном российском обществе» [Французы, 2013, с. 5]. И, хотя часто говорят о том, что пиком отношений России и Франции был XVIII век, XIX столетие не уступало своему предшественнику. В этом аспекте несомненный научный интерес представляет работа В. А. Мильчиной «Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы»⁶. Книга является сборником статей, написанных в разное время на основе архивных источников, прежде всего, материалов ГАРФ. Здесь представлена галерея образов и взаимные контакты представителей российской и французской интеллектуальной элиты. Интеллектуальная история конца XIX — начала XX вв. плодотворно разрабатывается екатеринбургской исследовательницей О. С. Даниловой, занимающейся анализом «французского» славянофильства⁷. Наоборот, начало XIX в. изучается В. С. Парсамовым — декабристы и французский либерализм⁸.

О глубококом интересе к проблемам интеллектуальной истории свидетельствует ряд конференций, по итогам которых были опубликованы сборники, в том числе упоминавшийся выше труд «Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв.»⁹. Очень серьезный вопрос поставил во введении к этому сборнику академик А. О. Чубарьян, подчеркнув, что «именно в XIX в. выявилась, на первый взгляд, парадоксальная особенность: большая, унесшая огромное число жизней с обеих сторон, принесшая разорение и экономический упадок война между Россией и Францией (Отечественная война 1812 г.) не привнесла с собой, однако, в русское общество настроений франкофобии». Как отмечал П. П. Черкасов, «если и случалось одному народу испытывать какие-то предубеждения в отношении другого, то ничего подобного нельзя было сказать об отношении русских к французам, даже после

⁶ Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004; Дипломатический корпус в Петербурге глазами первого секретаря французской миссии // Одиссей. М., 2003.

⁷ Данилова О. С. Французское «славянофильство» конца XIX — начала XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

⁸ Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

⁹ Французы в научной интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан. М., 2010; Намазова А. С. Русские парижане в интеллектуальной и художественной жизни Франции XIX в. // Франция-Россия: Два народа — единая история и культура. Орел, 2011.

того, как маршал Мортье наполовину разрушил Московский Кремль. Не было этого ни в 1812 г., ни в 1814 г.» [Черкасов, 2010, с. 9]. Над этой проблемой, по справедливому утверждению А. О. Чубарьяна, еще предстоит думать и психологам, и историкам [Француз, 2013, с. 6].

Показателем научного интереса к истории двусторонних связей является публикация и перевод источников, связанных с историей двусторонних отношений. Это первый, без купюр, перевод, может быть, самой известной и полемичной книги о России — Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»¹⁰. Из важных публикаций отмечу издание писем французского художника Ораса Верне, которая позволяет по-новому взглянуть на двусторонние отношения и внешнеполитическую линию императора Николая I¹¹. Автор вступительной статьи Д. Соловьев с основанием отмечает, что художнику «предназначалась роль теневого посланника при особе российского монарха» [Верне, 2008, с. 104].

То, что это переводится и издается, свидетельствует о живом интересе к периоду Реставрации и Июльской монархии, то есть к 1814–1848 гг. Это тоже весьма показательно. В XX веке, в условиях господства позитивизма и основанного на нем марксизма, историками изучалось, как правило, великое, эпохальное, революционно-героическое. Изучалась Французская революция конца XVIII в., изучались Наполеоновские войны, потом — Революция 1848 г., Парижская Коммуна — в общем, XIX век во французской истории был благодатным полем для вспашки его историками-позитивистами, марксистами, социалистами. Революционные сюжеты они «вспахали» весьма плодотворно, хотя, конечно, сейчас и многие изученные ими проблемы нуждаются в серьезном переосмыслении. В последнюю четверть века, в связи с общим пониманием приоритетности эволюционного, а не революционного пути развития, историки активно обращаются именно к тем периодам относительно мирного и стабильного существования, которые раньше воспринимались не иначе как промежуточные, переходные и слабые. Именно так долгое время как во французской, так и в отечественной науке анализировались периоды Реставрации и Июльской монархии: «как переходного периода между войнами, революциями и империями, когда не было достигнуто важных позитивных результа-

¹⁰ Кюстин А. Россия в 1839 году. Первое изд.: М., 1996; второе: М., 2000; третье: СПб., 2008. Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф; Ансело Ф. Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронации его императорского величества / Вступ. статья, сост., пер. с фр. и коммент. Н. М. Сперанской. М., 2001.

¹¹ Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и комм. Д. Васильева. М., 2008.

тов, а, напротив, зрели причины для очередного революционного взрыва [Таньшина, 2016, с. 6]. Сейчас же научный интерес исследователей возвращается именно к таким, прежде «неприоритетным» темам: эпоха Реставрации и Июльской монархии современными исследователями рассматривается «как важный этап в процессе модернизации Франции, укрепления основ либерализма, ставшего доминирующей идеологией индустриального общества» [Таньшина, 2016, с. 7].

Что касается конца XIX столетия, то традиционно это время изучалось и изучается в контексте франко-русского сближения и заключения франко-русского союза. В настоящее время дело А. З. Манфреда активно продолжает д.и.н. И. С. Рыбаченок, расширившая сферу своих научных интересов до рубежа веков¹². И. С. Рыбаченок занимается классической дипломатической историей, историей международных отношений, но, в том числе, в духе новейших методологических подходов. Эту методологию можно отнести к визуальной антропологии. Можно в этом усматривать «комиксовизацию» истории в условиях «клипового сознания», а можно отнести к истории повседневности. В любом случае — это поднятие нового пласта источников, введение в научный оборот нового материала, это новый взгляд на дипломатическую историю франко-русских отношений с позиций междисциплинарного синтеза.

Междисциплинарность — это один из неперенных атрибутов современного научного исследования. Междисциплинарный подход отличает и еще одно эффективно развивающееся сейчас направление — изучение межкультурных коммуникаций, что нашло отражение в серии работ, посвященных культурному и научному диалогу между Россией и Францией как на протяжении всего XIX в., так и особенно рубежа XIX–XX вв.

Россия — это неотъемлемая часть Европы. В связи с этим у исследователей возникают вопросы: «насколько глубоки психологические, духовные связи, насколько весомым является взаимопроникновение

¹² Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М., 1993; ее же. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891–1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М., 2004; ее же. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010. (соавт. А.Г. Голиков); ее же. Русско-французский союз в стихах и песнях // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 5. М., 2003; ее же. Военное и военно-морское сотрудничество России и Франции на рубеже XIX–XX веков / Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 8. М., Наука: 2008; ее же. Эволюция русско-французского союза 1891–1893 годов в начале XX века /Россия — Франция: 300 лет особых отношений. М., 2010.

культур, интеллектуальных поисков, взаимопереплетение традиций». И второй вопрос: «какая из европейских стран была в XIX в. наиболее близка России? Ответ очевиден — Франция» [Французы, 2013, с. 5].

Несомненно, в истории российско-французских отношений в XIX . особенно привлекает внимание исследователей начало века: время проникновения в русское общество идей Французской революции, идеалов свободы и прав человека, оказавших немалое влияние на умонастроения русской интеллигенции и всю интеллектуальную жизнь эпохи — этим вопросам посвящено большое количество работ. Как отмечал академик А. О. Чубарьян, «быть может, это произошло впервые в российской истории, и это очень важно отметить» [Французы, 2013, с. 6].

Однако и николаевская эпоха была насыщена межкультурными контактами, несмотря на весьма напряженные отношения между нашими странами, и этот период в настоящее время также активно изучается.

Конец XIX — начало XX века был отмечен расцветом двусторонних культурных связей. Как отмечал П. П. Черкасов, «если в истории российско-французских отношений и существовал „золотой век“, то это, безусловно, период с конца 1880-х годов до октября 1917 года» [Черкасов, 2010, с. 11]. За последнюю четверть века была написана целая серия научных статей, состоялся ряд конференций, было защищено несколько диссертаций, посвященных франко-российским культурным связям рубежа веков¹³.

К этому направлению тесно примыкают работы, выполненные в рамках еще одного динамично развивающегося подхода — имагологического, исследующего взаимные представления и стереотипы восприятия¹⁴.

¹³ Полякова О. Б. Историческая живопись Франции второй половины XIX века и творчество В. В. Верещагина // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 6. М., 2005; Рыбаченко И. С. Россия на всемирной выставке в Париже 1900 года // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 6. М., 2005; Полякова О. Б. Русское зарубежье и французская культура (вторая половина XIX — первая половина XX века) // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 5. М., 2003; Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.). История науки и международные связи: Сб. статей. Кол. авт. Ред.-сост. В. Берелович. М., 2002.

¹⁴ Иванова Н. Н. «Французский национальный характер» в представлениях российского столичного дворянства первой четверти XIX века // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 8. М., 2008; Губина М. В. Образ Франции в представлениях русских современников. По материалам их путевых записок (1814–1827) // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 5. М., 2003; Куфен Е. А. Французы и русские в конце XVIII — первой половине XIX века: Динамика взаимовосприятия культур: Дисс. ... канд. культурол. наук. М., 2003.

Региональная, или локальная история — также весьма популярное направление. Несомненно, для XIX века история двусторонних отношений — это история контактов между Парижем и Петербургом. Северная столица в этом плане плодотворно работает, свидетельством чему может являться сборник «Петербург — Франция», а также работа Е. И. Жерихиной «Французский мир Санкт-Петербурга». Сборник «Санкт-Петербург — Франция, приуроченный к объявленному правительствами двух стран Году России во Франции и Франции в России, является, как отмечается в предисловии, необычным «в силу особой роли и места Франции как в положении этой страны среди зарубежных партнеров России, так и в бытовом сознании наших граждан. Франция всегда была эталоном моды, красоты, изящества и аристократизма» [Санкт-Петербург, 2010, с. 8]. Е. И. Жерихина, отмечая, что, несмотря на то, что на протяжении XIX в. доля французских подданных, проживавших в Петербурге, снизилась с 3,1% до 0,2%, «французская культура стала органичной частью культуры петербургской. Население города, пестрое по национальному составу, образovalo уникальное по менталитету и мироощущению единство» [Жерихина, 2015, с. 18].

И ваш покорный слуга, в каком направлении тружусь я? Наверное, это политико-дипломатическая история сквозь призму личности, это новая историческая биография. Это статьи о послых К. А. Поццо ди Борго, П. де Баранте; К. В. Нессельроде¹⁵. Это монографии о Д. Х. Ливен и Ф. Гизо¹⁶. Это интерес к политическим проблемам: восточный и поль-

¹⁵ Таньшина Н. П. Корсиканец на русской службе, или куда приводит вендетта // Родина, 2008, № 4. С. 58–63; ее же. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67–85; ее же. Русский кисель на немецкой закваске // Родина, 2009. № 5. С. 75–79; ее же. Россия барона де Баранта // Родина. 2009. № 11–12; ее же. Посольство барона де Баранта в России в 1835–1841 гг., по воспоминаниям французского дипломата // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 10. М., 2011. С. 83–120; ее же. «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 184–204; ее же. Июльская монархия глазами российского посла во Франции К. О. Поццо ди Борго // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 7. М., 2006. С. 138–150; ее же. «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта // Научная конференция «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XX вв.». Ялта, 25–26 апреля 2016. Ялта, 2016.

¹⁶ Таньшина Н. П. Д. Х. Ливен — Ф. Гизо: к истории взаимоотношений России и Франции в годы Июльской монархии // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 6. М., 2005. С. 74–96; ее же. Княгиня Д. Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009; ее же. Франсуа Гизо: Политическая биография. М., 2016.

ский вопросы в российско-французских отношениях¹⁷; это проблема так называемой «русской угрозы» и русофобии во внешней политике Франции Луи-Филиппа¹⁸.

Анализ результатов. Процессы, происходящие в современной исторической науке, новые подходы и принципы, а также проблемы, в полной мере отражаются при изучении истории международных отношений, в данном случае — при изучении российско-французских отношений в XIX в. Говоря о политической компоненте, важно отметить еще один аспект, связанный косвенно с рассматриваемым нами предметом: всплеск научного интереса к внешней политике Николая I (несомненные параллели с современностью, причем без всякой актуализации, пресловутая «русская угроза») — огромное количество работ, посвященных николаевской эпохе, публикация документов, посвященных правлению Николая I — все это тоже способствует переосмыслению истории международных отношений той поры, в том числе и отношений между Францией и Россией.

Заключение. Новейшие тенденции в исторической науке, а именно ориентация на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, на восприятие истории как междисциплинарной науки, проявляются и в подходах к изучению международных отношений, в частности, российско-французских отношений в XIX в. На основе проведенного анализа современной отечественной историографии можно выделить следующие приоритетные направления в изучении российско-французских отношений: дипломатическая и интеллектуальная история, история повседневности, проблема межкультурных коммуникаций и межкультурного диалога, имагология и стереотипы взаимного восприятия. Что же касается российско-французских отношений, как отметил П. П. Черкасов, «политическое, а в еще большей мере культурное притяжение России и Франции непреходяще, оно испытано тремя столетиями дипломатических, экономических и культурных связей» [Черкасов, 2010, с. 15]. А изучив весь

¹⁷ Таньшина Н. П. Русско-французские отношения и Восточный вопрос в 1830–1840-е годы // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 8. М., 2008. С. 148–165; ее же. Франция в годы Восточного кризиса 1839–1841 гг.: по дипломатическим донесениям барона де Баранта // Французский ежегодник. М., 2014. Т. 2. С. 245–278; ее же. Польский вопрос и российско-французские отношения (1830–1840 гг.) // Вопросы истории, 2005, № 9. С. 85–94.

¹⁸ Таньшина Н. П. Проблема «Русской угрозы» во внешней политике Франции в годы Июльской монархии // Всероссийская научная конференция молодых ученых «Ключевские чтения». Москва, МПГУ, 6 ноября 2014 г. М., 2015.

этот комплекс вопросов, необходимо будет ответить на самый главный вопрос: о причинах трагической «невстречи» России и Франции в XIX веке. Этот вопрос принципиально важен не только для понимания двусторонних отношений, но и для анализа последующего развития всей системы международных отношений.

Литература

1. Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и комм. Д. Васильева. М.: РОССПЭН, 2008. 174 с.
2. Жерихина Е. И. Французский мир Санкт-Петербурга. СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2015. 608 с.
3. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
4. Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. Серия «Санкт-Петербург и мир». СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2010. 668 с.
5. Таньшина Н. П. Франсуа Гизо: политическая биография. М.: Изд-во МПГУ, 2016. 364 с.
6. Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М.: ИВИ РАН, 2013. 387 с.
7. Черкасов П. П. Россия и Франция: 300 лет совместной истории // Экономические стратегии. 2010. № 10. С. 6–15.

MODERN METHODOLOGY OF STUDING OF THE RUSSIAN-FRENCH RELATIONS (FROM THE END OF THE NAPOLEONIC WARS TO THE EARLY TWENTIETH CENTURY)

Natalia P.Tanshina

Abstract. *The article is written within the confines of the classical methodology of the historical research. The subject of the article is the contemporary approaches to the study of Russian-French relations in the XIX century, from the end of the Napoleonic wars until the turn of XIX — XX centuries. The theme is highly actual: in the last quarter-century the historical science had undergone a major change of the paradigm properties, passing through a series of the crises or the “turns”. The “turn” of the late 1980s — 1990s. was associated primarily with political and ideological processes which took place in our country, and the rethinking of the methodology of history in the last quarter century was largely connected to the profound changes that took place in the historical knowledge as such. This is a “postmodern turn”, which hadn’t split the community of historians, but had put new questions and outlined new methodological approaches. The main results of the research are: the processes occurring in the modern social-humanitarian knowledge directly affect the researchers, who*

concern with the foreign policy and international relations. Besides the methodological discussion in the full sense applicable to the history of international relations is need to consider the relationship of the studied historical events and current international processes, which inevitably leads to the “mainstreaming” of history. In the framework of the article the following priority directions in the study of the Russian-French relations are emphasized: diplomatic and intellectual history, the history of everyday life, the problem of cross-cultural communication and intercultural dialogue, imagology and stereotypes of the mutual perception.

Keywords: *Russian-French relations, historiography, methodology*

References

1. Cherkasov, P.P. (2010). Rossija i Francija: 300 let sovместnoj istorii [Russia and France: 300 years of the common history] // *Jekonomicheskie strategii [Economic strategies]*, 6, 15.
2. Francuzy v nauchnoj i intellektual'noj zhizni Rossii XIX veka (2013) [The French in the Russian scientific and intellectual life in the XIX century]. Moscow: IVI RAN.
3. Repina, L. P. (2009). «Novaja istoricheskaja nauka» i social'naja istorija [«The new historical science» and social history]. Moscow: Izd-vo LKI.
4. Sankt-Peterburg — Francija. Nauka, kul'tura, politika. Serija «Sankt-Peterburg i mir» (2010) [St. Petersburg — France. The science, culture, politics. The series «St. Petersburg and the world»]. St. Petersburg: Evropejskij Dom.
5. Tan'shina, N.P. (2016). Fransua Gizo: politicheskaja biografija [Francois Guizot: a Political Biography]. Moscow: Izd-vo MPGU.
6. Verne O. (2008). Pri dvore Nikolaja I: Pis'ma iz Peterburga [At the court of Nicholas I: Letters from St. Petersburg] / Per., vstup. st. i komm. D. Vasil'eva. Moscow: ROSSPEN.
7. Zherihina, E.I. (2015). Francuzskij mir Sankt-Peterburga [The French world of St. Petersburg]. St. Petersburg: OOO Izd-vo Rostok.

Информация об авторе:

Таньшина Наталия Петровна

д.ист.н., проф.; проф., Отделение истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, nata.tanshina@mail.ru

Natalia P. Tanshina

Dr. (hist.), Prof.; Prof., Department of History of the Institute of Social Sciences Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, nata.tanshina@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ РУССКОГО И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВ XV–XVII ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Т. В. ЧЕРНИКОВА

***Аннотация.** Главной целью статьи является рассмотрение проблемы взаимовосприятия русского и западноевропейского обществ XV–XVII вв. в отечественной историографии последних 25 лет. Однако также дан краткий анализ подходов к решению данной проблемы в исторической литературе XIX–XX вв., что позволяет понять актуальность проблемы и задачи, стоящие перед современными исследователями.*

Под «взаимовосприятием» понимается система воззрений, отражающая одновременно и в контексте определённой исторической эпохи, целостную картину мира «другого» («чужого»), зафиксированную в разнообразных источниках каждой из сторон, участников взаимного общения.

Проблема взаимовосприятия может быть понята только во взаимосвязи с решением более глобальных вопросов, касающихся специфики социокультурного развития России и других европейских стран в XV–XVII вв., причин, характера и роли западного влияния на Россию, а также вопроса о начале процесса европеизации (вестернизации) России.

Основная часть исследования содержит два раздела. В первом дана краткая характеристика историографии XIX–XX вв., во втором — анализ современной исторической литературы. Показано, что именно в последние 25 лет историкам удалось начать исследование взаимовосприятия, как самостоятельной проблемы, требующей синхронного анализа воззрений сторон друг на друга в контексте специфики каждого временного этапа. Существенно была расширена теоретическая и методологическая база исследований, что объяснялось как крушением монополии марксистской методологии, так и актуальностью исследования проблемы взаимовосприятия, фактически закрытой для советской исторической науки. Историки обратились к теории модернизации, диффузионной теории, теории межкультурных трансферов,

использовали разнообразные методы исследования — проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, системный, типологический, синхронистический, метод текстологического и герменевтического анализа текстов источников, социокультурный, историко-антропологический, политико-правовой и искусствоведческий методы анализа.

Значительным шагом вперёд явилась попытка в качестве центрального предмета исследования поставить проблему диалога западноевропейской и русской социокультурных систем с одновременным изучением взглядов русских людей и западноевропейцев в отношении друг друга, анализируя синхронно не только стереотипы обеих сторон, но также нюансы воззрений, динамику, а главное причины возникновения тех или иных взглядов в контексте исторических реалий XV–XVII вв.

Главный на данный момент вывод исторической науки сводится к тому, что взаимовосприятие русских и «немцев» не было однозначным. Тяга к западному опыту в России, заметная со времён Ивана III, нарастала к концу XVII в., что не исключало сохранения тенденции на взаимное отталкивание.

Ключевые слова: *Россия и Европа, XV–XVII вв., взаимовосприятие, стереотипы, историография.*

Введение. Вопрос о взаимовосприятии русских и западноевропейцев в XV–XVII вв. сложен и противоречив. Неслучайно междисциплинарный научный семинар «Россия и мир» взял эпиграфом к своему сайту цитату из Георгия Иванова: «Друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья».

Целью нашей статьи будет рассмотрение проблемы взаимовосприятия русского и западноевропейского обществ XV–XVII вв. в отечественной историографии последних 25 лет. Однако следует кратко остановиться и на позиции историков более раннего времени. Это позволит понять актуальность проблемы, выявить круг задач, стоящих перед современными исследователями, и оценить степень продвижения в их решении.

Теоретические основания исследования. Для изучения любой исторической проблематики важно определить понятийный аппарат. Для нашего историографического обзора главным в терминологии является понятие «взаимовосприятие». Какой смысл вкладывается в него? Мы понимаем под «взаимовосприятием» систему воззрений, отражающую одновременно и в контексте определённой исторической эпохи, целостную картину мира «другого» («чужого»), зафиксированную

в разнообразных источниках каждой из сторон, участников взаимного общения и межкультурного диалога.

Проблема взаимовосприятия может быть понята только в контексте решения более глобальных вопросов, в частности, вопроса о характере самой эпохи Позднего Средневековья — Раннего Нового времени в различных странах Европы, специфики социокультурной системы России по сравнению с её западными соседями, в рамках анализа причин, характера и роли западного влияния на Россию, определения того исторического момента, когда начался процесс европеизации России.

Исследование: основная часть. Историография XIX–XX вв. имела ряд характерных черт. Во-первых, с точки зрения идейно-методологических подходов можно выделить два различных этапа её развития. Дореволюционный период (особенно к началу XX в.) отличался широкой палитрой идейно-методологических подходов, влиявших на позицию историка. Стронники позитивизма, либеральной государственной школы отличались большей объективностью и историзмом. У исследователей, находившиеся под сильным влиянием славянофильских, почвеннических воззрений, а также оценок официальной государственной и церковной властей, заметна явная идеализация позиции русской стороны, упрощение проблемы в целом. Советский период с его марксистской монополией, интересом к истории экономики и классовой борьбы, был равнодушен к изучению темы взаимовосприятия, допуская здесь лишь изредка вспышки интереса к проблеме, обусловленные внешнеполитическими коллизиями современности.

Общей чертой историографии XIX–XX вв. в целом являлось то, что учёные не выделяли проблему взаимовосприятия как самостоятельную. Она возникала в контексте других вопросов. Часто историки фокусировались на рассмотрении позиции лишь одной стороны.

Чаще всего вопроса отношения западноевропейцев к «москвитянам» и русских к «немцам» касались специалисты XIX — начала XX в., изучавшие историю различных конфессий в России, а также историки церкви. Причём большее число книг было написано о протестантах, очевидно по той причине, что на русской службе XV–XVII вв. они встречались чаще, но именно католики представлялись наиболее опасными для России. Протестанты, как и католики, виделись историками как источник угрозы православию, русской церкви, культуре и стране в целом. Деятельное неприятие «немцев» мыслилось лейтмотивом воззрений российского общества XV–XVII вв. Примером тому могут служить

книга И. М. Снегирева «О начале и распространении лютеранских и реформаторских церквей в Москве» и работа И. Соколова «Отношения протестантизма к России в XVI–XVII вв.»¹.

Тот же тон присутствует в сочинении историка церкви Л. П. Руцинского «Религиозный быт русских по сведениям иностранных источников». В разделе «Отношение русских к иностранцам и иноверцам» Л. П. Руцинский доказывает, что причинами отрицательного отношения русских к «немцам» являлись религиозные мотивы. Главными источниками для подобного вывода служили свидетельства самих «немцев». «По их словам, — пишет Руцинский, — в целом мире не было народа, который бы так горячо защищал собственное учение и презирал всякое чужое, как русские; они не знали ни какого примирения с чужими мнениями и не терпели никаких возражений...» [Руцинский, 1871, с. 305]. Протестанты, заброшенные волею судьбы в Россию, воспринимали её как страну нецивилизованную. Такую оценку историк полагал предвзятой, но не искал причин её возникновения.

Менее идеологизированы были труды историков конца XIX — начала XX вв. Д. В. Цветаева и В. Я. Уланова, но и им был свойственен подход, в основе которого лежала аксиома о враждебности России инославных западных христиан.

Подобные установки не являлись единственными в дореволюционной историографии. В. О. Ключевский произвел тщательный анализ воззрений выходцев из западноевропейских стран на «Московию» XV–XVII вв. в кандидатской диссертации, опубликованной в 1866 г., — «Сказания иностранцев о Русском государстве». И хотя классик отечественной исторической мысли не ставил перед собой задачу изучать именно взаимовосприятие, его сочинение позволяет понять, какой неоднозначный образ России сложился в Западной Европе в XV–XVII вв. В сказаниях иностранцев, отмечает Ключевский, «сказывается иногда другой, высший интерес, руководивший их наблюдениями; у немногих из них, но зато самых беспристрастных и наблюдательных встречаются намёки на то, что они чувствовали в древнерусском обществе под его азиатской формой присутствие начал родственных с теми, которыми жила Западная Европа и среди множества явлений, неприятно поражающих европейца, умели подметить и такие, к которым... не могли не отнестись с сочувствием» [Ключевский, 1866, с. 6].

¹ Снегирев И. М. О начале и распространении лютеранских и реформаторских церквей в Москве // Православное обозрение. 1862. Т. 9. Сентябрь–декабрь. 55 с.; Соколов И. Отношения протестантизма к России в XVI–XVII вв. М., 1880. 543 с.

Источниковая база для изучения взаимовосприятия русских и иностранцев изучалась Ф. Аделунгом². Систематизацию «Записок» иностранцев по этнической и конфессиональной принадлежности разрабатывали многие дореволюционные историки — И. Х. Гамель, Е. Е. Замысловский, С. М. Середонин, Ю. В. Толстой и др.³ Впоследствии «касание» проблемы взаимовосприятие через источниковедческий материал присутствовало у советских историков М. А. Алпатов и Н. А. Казаковой⁴.

Особняком в ряду дореволюционной историографии стояли труды уроженца Петербурга, историка-иезуита Павла Пирлинга, а также сделанные им публикации документов из архивов Ватикана, многие из которых были переведены на русский язык. В работах Пирлинга отсутствовала «демонизация» воззрений и планов Ватикана в отношении России.

В советское время на первое место вышли исследования из области экономической истории и классовой борьбы. Правда, в середине 1920-х гг. вышла работа И. И. Полосина «Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585)»⁵, где разбирался взгляд на

² Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России. М.: в Университетской тип., 1864. Ч. I–II. 580 с.

³ Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1865. 310 с.; Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Боус) / Под ред. С. М. Середониной. М.: в Университетской тип., 1884. 112 с.; Картины жизни в Московском государстве. В извлечениях из записок иностранцев о России XVI–XVII вв. / Сост. П. Фалькович. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1913. 142 с.; Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / Сост. В. Н. Бочкарев. СПб.: Кн-во типо-лит. «Энергия», 1914. 144 с.; Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России / Под ред. Е. Е. Замысловского. СПб.: Археографическая Комиссия, 1874. 371 с.; Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. 563 с.

⁴ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М.: Наука, 1973. 476 с.; Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л.: Наука, 1980. 287 с.

⁵ Полосин И. И. Западная Европа и Московия в XVI в. // Штаден Г. о Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925. С. 9–53. Историк проанализировал взаимоотношения католиков и протестантов в России между собой, а также политику по отношению к католицизму и протестантизму со стороны высших московских светских и церковных властей. И. И. Полосин отметил, что русская церковь и высшая власть одинаково отрицательно были настроены, как к католицизму, так и к протестантизму. Последний часто воспринимался еще большей ересью, чем «латинство», хотя именно католицизм в России считали главным идеологическим противником. Этой же проблеме посвящена относительно недавняя публикация «Документ с комментарием. Тиран и заступник. Два взгляда иностранцев на Россию 1585 года. Павел Одерборн об Иване Грозном. Перевод К. А. Морозовой» (Родина. № 12. 2004).

Россию западного автора XVI в. до того фактически запрещённого и малоизвестного российским исследователям. Позже проблематика, близкая к изучению взаимовосприятия русских и западноевропейцев с соответствующими отрицательными трактовками позиции и влияния «немцев» появилась во времена Второй мировой войны и Холодной войны в работах советских исследователей С. К. Богоявленского и Н. Г. Вершининой⁶, но в отличие от историков церкви позиция русской православной церкви не была здесь отправной и сама церковь являлась объектом жёсткой критики.

К концу XX в. выявился круг задач, которые должны были решать современные историки. Во-первых, требовалась деполитизация вопроса взаимовосприятия. Во-вторых, необходимо было расширить концептуально-методологическую базу исследований. В-третьих, и это представляется нам главным, *подойти к взаимовосприятию как самостоятельной научной проблеме*. В-четвёртых, проследить диалектику развития взаимовосприятия от Древней Руси до начала XXI в.

По всем этим направлениям наметился прогресс. Хотя обобщающих концептуальных монографий пока не появилось, вопрос взаимовосприятия обсуждался на многочисленных международных конференциях, междисциплинарных семинарах, к настоящему моменту написана масса интересных статей. Среди сборников статей удачным примером является серия «Россия и внешний мир: диалог культур», основанная в 1997 г. В 2016 вышел 7-й сборник.

В основе теоретико-методологической базы многих работ оказалась теория модернизации. Не остались без внимания также теории зависимости, межкультурных трансферов, диффузионная теория. Опираясь на принципы историзма и объективности, которые предполагают изучение исторических фактов и явлений в связи с конкретно-исторической обстановкой, взятой в развитии и во всей её противоречивости, историки конца XX — начала XXI вв. старались изучать проблему на базе междисциплинарности с использованием различных методов анализа — *проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, системного, типологического, синхронистического*, методом текстологического и герменевтического анализа источников, социокультурным, историко-антропологическим, политико-правовым и искусствоведческим методами анализа.

⁶ Богоявленский С. К. Московская немецкая слобода // Известия АН СССР. Серия философия и история. Т. IV. М., 1947. № 3. С. 220–232; Вершинина Н. Г. Иноземцы и иноземные слободы в Москве. М., 1948. (Кандидатская диссертация. На правах рукописи). 408 с.

Заметна попытка в качестве центрального предмета изучения взаимовосприятия поставить диалог западноевропейской и русской социокультурных систем, анализировать синхронно не только стереотипы, но и нюансы воззрений, а также причины их возникновения в контексте реалий XV–XVII вв. Удачным примером такого подхода является первый раздел сборника, увидевшего свет в 2000 г., — «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия»⁷.

Анализируя вклад этой серии, С. А. Мезин подчеркнул как серьезное достижение современной историографии не только широту хронологических рамок (с VI до XX в.) со сквозным анализом разнообразных тем, но и констатировал концептуальные инновации. «Уже в сборнике 1996 г., — отмечает С. А. Мезин, — И. Г. Яковенко наметил связь восприятия «инога» с цивилизационными и ментальными основами конкретно-исторического социума. О ментальных основах разделения мира на «свое» и «чужое» писал Л. Н. Пушкарев. Он рассмотрел диалектику этих понятий в мировосприятии европейцев от античности до современности, указал на значение вероисповедального, национального и классового принципов в разделении окружающего мира на «своих» и «чужих». Пафос статьи... — в утверждении возможности преодоления наиболее одиозных отрицательных стереотипов в отношении других народов». [Мезин, 2009, с. 374–375].

Одновременно имело место и продолжение ставшего с XIX в. традиционным подхода, когда анализ концентрируется на изучении либо воззрений западноевропейского общества на «Московию», либо русских на «немцев» и «Запад», и только из сопоставления различных трудов различных авторов возникает более или менее законченная картина именно взаимовосприятия. Диалектику взаимовосприятия в той или иной мере затрагивают все работы, посвященные проникновению западного опыта в Россию XV–XVII вв.

Одной из особенностей взаимовосприятия являлась система стереотипов с обоюдными отрицательными оценками и размыванием их (но не исчезновением!) к концу XVII в. Консервации отрицательных стереотипов «Запада» в России во многом объяснялось стремлением

⁷ Запад и русское средневековье в XV–XVII веке // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: ИРИ, 2000. С. 5–86. В раздел вошли статьи: Малето Е. И. Западный мир глазами русских путешественников XV в.; Морозова Л. Е. Иностранцы об изменениях в образе жизни русских людей (конец XV–XVI в.); Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич о западных соседях славянского мира; Звонарева Л. У. Польша, Литва, Россия в наследии Симеона Полоцкого; Богданов А. П. Европейский историк в России XVII в.

русского общества к самоизоляции, порождённым, по мнению дореволюционной историографии, стремлением россиян к «чистоте своей веры». Современные историки выявили, что во второй половине XV и «в XVI в. различие в вероисповедании не было препятствием для тесных контактов с европейцами и не являлось причиной для самоизоляции Русского государства», о чем свидетельствовало в частности изучение истории смешанных династических браков членов династии Рюриковичей и планов таковых браков XV–XVI вв. [Морозова, 1997, с. 23].

Т. В. Черникова высказала мнение, что религиозный вопрос, был лишь идеологической формой, отражавшей кардинальные отличия вотчинного уклада Московской Руси от социокультурного уклада западноевропейских стран. Немаловажно, что в диалог вступили две «разновременные» культуры — русская средневековая традиционная и уже охваченная начальной стадией модернизации западноевропейская. Неудивительно, что к концу XVI в. «несмотря на увеличение с годами числа иноземцев в России, а точнее концентрацию их в Москве, не наблюдалось процесса сближения, взаимопроникновения или хотя бы взаимопонимания между коренным населением и пришельцами» [Черникова, 2012, с. 234]. Кроме того, к 1580-м гг. выявился фактор сильного внешнего давления на Россию, вызванный коллизиями Ливонской войны.

Изучая «отрицательные стереотипы», «образы врага» современная отечественная историография концентрирует своё внимание не только на исторической фактологии, но и пытается выработать теоретические подходы. Актуальность ментально-психологических фактов отмечал Ю. М. Лотман: «рост враждебности к «дающей культуре»» ввиду болезненности осознания её превосходства [Лотман, 1992, с. 125–126].

В ходе дипломатических и культурных контактов русские имели дело с выходцами из разных стран, однако в Московской Руси сложился обобщённый образ всех западноевропейцев как «немцев» (от «не мы» или «немые», т.е. не говорящие на русском языке). Исключение составили только итальянцы, удостоившиеся особого названия — «фрязи». В какой-то степени этот феномен объединения выходцев из разных западных стран в категорию «единого Запада» существует в отечественном менталитете до сих пор.

Анализируя образ «Запада» на Руси XV–XVI вв. Л. Чёрная отмечала: «Особую остроту неприятию Запада придадо падение Константинополя в 1453 г., когда страны с православным исповеданием сказались без своего векового лидера — Византии — и начался поиск нового оплота для приверженцев «истинной веры». Появившиеся тогда концепции «Тырново — третий Рим», «Москва — третий Рим», а возможно и «Нов-

город — третий Рим» (?) закрепляли в русской культуре идею изоляции православного Востока и отвержения «поврежденного» Запада.

Однако было доказано, что не существовало застывшего понятия «Запад», акценты его оценки менялись. Пик враждебности пришёлся на конец Смутного времени — первые годы царствования Михаила Романова. «К началу XVII в. в русском религиозном сознании мир был поделен на две части — Восток и Запад — причем Восток приравнялся «всей Вселенной», а Запад занимал скромное место вокруг Рима, рядом с папой. Каждому русскому предстояло дать четкий ответ на вопрос, с кем он: «О чесомъ тыи подвизашася и с кемъ единомудръствоваша въ вере, съ патриархи ли и со всею вселенною, или съ западомъ и съ папою?» [Черная, 2000, с. 35]

Но и в этот промежуток времени наблюдались разночтения и прямо противоположные мнения. К примеру, в таком историческом источнике как «Сказании о Гришке Отрепьеве», созданном в начале царствования Василия Шуйского, «немцы», «угры», «ляхи», католики и протестанты выступают единым образом «врага», «чужого», оскорбляющего веру. Даже «главной виной лжецаря было не то, что он присвоил чужое имя и звание, а то, что он позволял посягать на православную веру». Другое отношение в «Повести како отмсти», также памятнике времён Василия Шуйского, где иностранцы, те же поляки, «представлены такими же жертвами «злохитростного обманщика» Отрепьева, как и русские люди. [Морозова, 1997, с. 26].

«Оправдание Запада началось с признания за ним права на существование в качестве мира „науки“, „внешней мудрости“, не связанной с религией, а потому и не противостоящей православии. Русские книжники сняли табу с западной литературы, упирая на то, что она не содержит религиозных догматов, а посему ее надо читать „не для верования, а для ведения“» [Черная, 2000, с. 40].

Но компромисс с «Западом» породил сильную консервативную реакцию. Оппозицию усилению западного влияния в начале XVII в. изучал А. А. Булычев. Под огонь указов царя Михаила и его отца-патриарха Филарета в 1620-е гг. попала православная украинская и белорусская книжность, в которой увидели ненавистное западное влияние. «Во второй половине 1620-х гг. московские светские и церковные власти развернули хорошо организованную кампанию по законодательному запрету свободного распространения в России «литовских» печатных и рукописных книг, в результате которой русское образованное население почти на целое пятилетие лишилось легального доступа к памятникам кириллической письменности Речи Посполитой» [Булычев, 2004].

А. А. Булычев подверг сомнению господствующие прежде мнение, что причиной гонений на «литовские» книги явились неблагоприятные отзывы московских справщиков, и доказал, что последние выносили свои вердикты, ориентируясь на указания сверху, а причину возникновения таких указаний определяли не «реальные достоинства или недостатки рецензируемых книг», а угроза возникновения на территории Речи Посполитой Униатско-Православного патриархата и некоторые внешнеполитические соображения. [Булычев, 2004].

Однако последнее не означало возрастания в русском обществе после Смуты враждебности к «чужому». Т. А. Опарина⁸ обосновывала мнение, что негативное восприятие духовенством западного влияния распространялось и на большинство населения России, по крайней мере, в первой половине XVII столетия. С этим согласен и доктор филологических наук В. М. Кириллин. В. В. Пундани⁹, как в своё время и П. Н. Милюков, видел главную причину, препятствующую сближению России и Западной Европы, в отсталости (средневековости) России.

Однако в целом историки установили, что к концу XVII в. у части русских людей, особенно из социальной элиты, обнаружилась тяга к толерантности как к конкретным «немцам», так и к «Западу».

А. М. Кантор проанализировал взаимоотношения посадских людей и купцов с западными иноземцами¹⁰ и выявил, что русские горожане были весьма открыты к западным «новшествам», особенно во второй половине XVII в. При этом отношение к «немцам» горожан было неоднородным. Но мотивы религиозной или национальной исключительности, к примеру, в купеческом сословии, не были основными при проявлении негативного отношения к «немцам». Конкуренция русских и западных купцов являлась существенной составляющей отрицательного взгляда на «немцев», которая часто просто маскировалась в конфессиональную «упаковку».

Т. В. Черниковой на основе анализа «Дневников» шотландца Патрика Гордона, прослужившего в России XVII в. более 30 лет, показана картина серьезного сближения русских людей и служилых иностранцев, возникновения дружеских связей, обрушения в повседневном общении многих старых стереотипов [Черникова, 2012, с. 806–815].

⁸ Опарина Т. А. Представления о христианине другой конфессии в России первой половины XVII века // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М.: Наследие, 1996. 264 с.

⁹ Пундани В. В. Европеизация России в XVII веке // Россия и Западная Европа: диалог культур. Международная конференция. Тезисы докладов. Курган, 1993. С. 37–38.

¹⁰ Кантор А. М. Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII века: Очерки. М.: Изд-во РГГУ, 1999. 135 с.

Л. А. Черная, поднимая вопрос о посредниках в передаче культурных западных веяний российскому обществу¹¹, помимо служилых «немцев» видит главными посредниками русских «западников», в частности, служащих Посольского приказа, создавших в его стенах целую библиотеку из переводной светской западной литературы. С мнением Л. А. Черной согласен С. М. Шамин, изучивший роль «Курантов», выпускаемых Посольским приказом, в распространении позитивной информации о Западе¹².

Смена векторов произошла и у «немцев». Л. Е. Морозова, несмотря на свою склонность к «антизападничеству», в статье «Иностранцы об изменениях в образе жизни русских людей» (Конец XV–XVI век), входящей в сборник «Россия и мир глазами друг друга — из истории взаимовосприятия» (2000 г.), отмечает, что западные наблюдатели с интересом фиксировали полезные «новины» в торговле, одежде и даже в пище россиян.

Л. О. Портнов анализировал выход наблюдателей-иностранцев XVII в. за пределы стереотипа «Московия варварская страна» в рамках анализа интереса «немцев» к русскому прошлому. «История в европейской культуре к тому времени уже давно стала наукой. Настоящий момент в истории Московии иностранцы имели возможность переживать, но для них он представлялся неким итогом, и если достижения были бесспорны (как и обратное), то они хотели познать причины и факторы, которые объясняли status quo и могли пролить свет на будущее» [Портнов, 1997, с. 102].

А. Ю. Большакова поддержала выводы Д. С. Лихачёва и А. М. Панченко о тождественности «смеха» и «игровых моделей» на Руси XVII в. с традицией «карнавального смеха» Западной Европы. Историк вступила в дискуссию с англоязычными учёными, отвергающими такой подход, и отметила, что «феномен игры является творческим выражением любого национального менталитета как одно из ярчайших воплощений его... вольнолюбивой устремленности за пределы любых регламентаций и ограничений, диктуемых конкретно-исторической ситуацией». [Большакова, 1997, с. 172].

Современная историография по-новому поставила вопрос о времени возникновения западных стереотипов о России. В XIX–XX вв. полагали, что «статичный образ Московии» был создан записками

¹¹ Черная Л. А. «Западники» посольского приказа XVII в. // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга Резюме. М.: Наследие, 1996. С. 173–175.

¹² Шамин С. М. Куранты столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. СПб.: Альянс-Архео, 2011. 352 с.

С. Герберштейна, М. Меховского и прочих известных авторов XVI в. Исследования О. Ф. Кудрявцева, М. Ю. Колпакова, В. В. Пенского внесли коррективы.

О. Ф. Кудрявцев рассмотрел отрывочные сведения о Руси IX–XIII вв., показав, что, хотя они и не содержали целостного описания, ими нельзя пренебрегать, «ибо основные установки на восприятие русского мира, которые сложились в средние века, были усвоены землеписателями и политическими мыслителями Возрождения и, более того, решающим образом повлияли на образ России». [Кудрявцев, 2011, с. 508].

К аналогичным выводам, анализируя французские источники о Руси XI–XVII вв., склонился и М. Ю. Колпаков, показавший, что до появления сочинения Жака Маржерета о России в начале XVII в., в менталитете французов господствовали мифологические стереотипы. Русь XI–XII вв. представлялась «враждебной, далёкой богатой дикой страной», а в XIII–XV вв. «это — слабая страна, завоёванная и разграбленная татарами... Теперь Русь — часть «империи Тартаров». В XIII–XV вв. окончательно сформировался образ «русских варваров», народа родственного с вандалами, гуннами и татарами: они дурно одетые, порочные (обжоры и пьяницы) дикари, покупающие и продающие себе женщин на рынках «за кусок или два серебра», к тому же «невежественные схизматики» [Колпаков, 2015, с. 72–73]. Более реалистичные и «дружелюбные» черты образ Московии приобретает в труде профессора восточных языков Гильома Постеля «De la republique des Turcs» (1560), а главное в «Записках о Московии» капитана Жака Маржерета, телохранителя Бориса Годунова и Лжедмитрия I.

А вот в германских и австрийских землях мифы о России, как обнаружилось, развивались в противоположном направлении.

В 1997 г. О. Ф. Кудрявцев опубликовал новую редакцию сочинений о Московии видных католических интеллектуалов-гуманистов Альберта Кампенского, Иоганна Фабри и Павла Иовия. В статье, сопровождающей публикацию, был поднят вопрос о первоначально высоком титуле и статусе государей всея Руси конца XV — начала XVI в. В «доконечальной» грамоте, подписанной императором Максимилианом I... Василий III титуловался «кайзером» (в латинской редакции — «императором», в русской — «царем» [Кудрявцев, 1997, с. 23], а в грамоте императора Священной Римской империи Карла V от 1525 г., попавшей в предисловие к трактату Иогана Фабри, назван «императорам... всех рутенов», а также «старшим братом и другом нашим дражайшим» [Кудрявцев, 1997, с. 24–25]. Однако со второй публикации трактата Фабри в 1541 г. и во всех следующих изданиях эти титулования московского

монарха исчезнут, а в целом в записках имперских авторов начнётся рост стереотипов типа: «Московия — варварская страна», «тирания московской власти похожа на восточный деспотизм», «расположенность русских к рабству» и т.д.

О. Ф. Кудрявцев пришёл к выводу, что негативные стереотипы о России и русских сложились в начале XVI в. в компилятивных трудах по космографии, с которыми широко были знакомы образованные западноевропейцы эпохи Ренессанса. Знаменитый Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 гг. и написавший позже много раз переиздававшиеся на Западе «Записки о Московии», по мнению О. Ф. Кудрявцева, не столько создавал образ Московии, сколько развернул и подкрепил свидетельствами очевидца картину страны, уже сложившуюся в трудах его предшественников.

При оценке сущности западных стереотипов, считает О. Ф. Кудрявцев, необходимо учитывать не только сознательные установки авторов как представителей определенной страны, религии, учёной традиции, но и более общие принципы мирозерцания, которые заранее непроизвольно определяют подход к русской действительности. Для европейца, воспитанного в традициях ренессансного гуманизма с пониманием свободы, как основного свойства человеческой природы, социально-политические идеалы средневековой Московии были не понятны и рождали спонтанное отторжение. Отторжение — это то ощущение, которого наполняет, а часто и определяет акценты трудов «немцев» о России XVI в., что, впрочем, не мешает западным авторам, тому же Герберштейну, весьма объективно описывать русскую действительность, приводить важные факты, не известные по отечественным источникам.

Важным открытием современной историографии является более сложный, нежели у историков XIX–XX вв., анализ взглядов католиков на Россию. Кроме П. Пирлинга никто долгое время не ставил вопрос о всестороннем исследовании позиции католического духовенства. Враждебность последней России являлась аксиомой для дореволюционных исследователей Д. А. Толстого, Г. А. Воробьева, Ф. И. Успенского, Н. П. Лихачева.

Противовесом старым упрощённым оценкам стала книга С. В. Соловьева «Три града Исидора Киевского: византийский гуманист между Москвой и Римом»¹³. Это единственное на данный момент объективное исследо-

¹³ Соловьев С. В. Три града Исидора Киевского: византийский гуманист между Москвой и Римом // Европейское Возрождение и русская культура XV — середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2013. С. 18–30.

вание воззрений византийского интеллектуала, русского митрополита, а потом кардинала Исидора, сторонника Флорентийской унии 1439 г.

Взвешенный взгляд на взаимосвязи Москвы и Рима в XVI в. представлен в статьях О. Ф. Кудрявцева «Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в.», «„Святая Русь“, или русская греза доктора Иоганна Фабри» и ряде других работ историка, а также в статье Н. В. Сеницыной «Два мира: возможности взаимопонимания»¹⁴.

Названными историками было показано, что в ходе Реформации целый ряд католических интеллектуалов, разного этнического происхождения и места службы, в частности, близкий Папе Римскому голландец Альберт Кампенский, известный ренессансный писатель итальянец Павел Иовий и советник австрийского эрцгерцога Фердинанда Иоганн Фабри, достаточно высоко и положительно оценивали религиозное рвение московитов, даже идеализировали его. В своих сочинениях, часто адресованных не только к Папе Римскому, но и образованной католической публике они представляли Русское государство как возможного союзника по борьбе с турками и с протестантской «ересью», что, конечно, не исключало их мечты о преодолении раскола Западной и Восточной церковью через унию.

Говоря о историографии взаимовосприятия необходимо отметить также появление оригинальных по подходам и форме работ.

Последить динамику взаимоотношений и взаимовосприятия русских и «немцев» через историю нескольких поколений западноевропейских семей, заброшенных в Россию, на фоне анализа государственной и церковной политики в отношении иностранцев блестяще сумела Т. А. Опарина в книге «Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии», вышедшей в Москве в 2007.

Попытка увидеть Москву XVII в. глазами имперского посла (выдуманного персонажа конца XVII в.) предпринята историком культуры З. Ножниковой в художественно-публицистической работе «Загадочная Московия. Россия глазами иностранцев», опубликованной в Москве в 2010 г. Источниковой базой этой книги стала информация зарубежных западных посольств, посетивших Россию XVII в. Русские выступают такими, какими их видели или хотели представить в своих странах западные дипломаты. Право делать выводы автор оставила за читателем.

¹⁴ Кудрявцев О. Ф. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 6–34; он же. «Святая Русь», или русская греза доктора Иоганна Фабри // Европейское возрождение и русская культура XV — середины XVII вв.: контакты и взаимное восприятие. М., 2014. С. 129–166.

Методология исследования. Мы не ставили в своей статье задачу описать все исторические работы так или иначе связанные с проблемой взаимовосприятия русской и западноевропейской сторон в XV–XVII вв. Это было бы невозможно, т.к. за два с лишним столетия накопился огромный корпус работ. На основе анализа историографии по проблеме взаимовосприятия мы выделили основные этапы её развития, учитывающие накопление фактологического материала в ходе изучения исторических источников, определили главные методологические и теоретико-концептуальные подходы учёных, а также влияние на историков идеологического и политического факторов и, наконец, рассмотрели саму форму и виды исторических трудов.

Процедура исследования. В ходе изучения исторических работ была обнаружена хронологическая граница, разделяющая изучение проблемы взаимовосприятия в отечественной литературе на два этапа, наиболее продуктивным из которых оказался современный (конец 1990-х — 2010-е гг.). Наше историографическое исследование было проведено в рамках анализа исторической литературы каждого из этапов. Историографии XIX–XX вв. освещена в кратком обзоре. Проблематике, научно-историческим подходам и выводам историков конца XX — начала XXI вв. было уделено большое внимание.

Результаты исследования. Как уже отмечалось, наибольшие результаты были достигнуты в работах современных исследователей. Именно в конце 1990-х — начале 2000-х гг. проблема взаимовосприятия была сформулирована в отечественной науке как самостоятельная. Глубоко и разносторонне изучались стереотипы взаимовосприятия сторон, причины несближения «москвитов» и «немцев», позитивные сдвиги в оценке друг друга и тенденция к большей толерантности к концу XVII в. при одновременном сохранении и даже обострении противоречий. Установлено, что в конце XX — начале XXI вв. были заполнены лакуны исторического знания прежних лет в фактологии, введены новые источники, появились оригинальные формы анализа, сочетавшие принципы научно-исторического, междисциплинарного и художественного сочинения.

Анализ результатов. Главный на данный момент вывод исторической и филологической науки сводится к тому, что взаимовосприятие русских и «немцев» не было однозначным и постоянно находилось в динамике.

Тяга к западному военному, техническому, культурному опыту в России чётко видна со времён Ивана III. Причём нельзя отрицать нарастающее западного влияния со второй половины XV по конец XVII столетий.

При этом была подтверждена и стойкая тенденция на взаимное отталкивание, что наиболее чётко проявлялось в религиозном вопросе. В России проводником такой позиции являлось официальное мнение церкви, хотя отношение конкретных представителей духовенства к западным иноземцам было не так однозначно.

Представлениям о России и «московитах» западноевропейского общества также была свойственна противоречивость. Стереотипы России как «варварской страны схизматиков», порой соседствовали с идеализацией религиозного рвения русских людей. Тенденция к росту толерантности с обеих сторон обнаруживается к концу XVII в.

Заключение. Подводя итог анализу изучения проблемы взаимовосприятия русского и западноевропейского общества XV–XVII вв. в отечественной историографии следует констатировать большое внимание к ней научного сообщества. Причём не только историков, но и филологов, политологов, социологов. Также наблюдается острое обсуждение темы в современной публицистике.

Пробуждению подобного интереса и споров по теме диалога культур, государств и отдельных людей XV–XVII вв. способствовали перемены в жизни современного постсоветского общества: необычайная открытость внешнему миру и признание многими важности общечеловеческих ценностей с одной стороны и тревога об утрате традиционных ориентиров у другой части российского общества.

Литература

1. Большакова А. Ю. Игровая природа русского менталитета в англо-американском восприятии (к проблеме русско-западных ментальных схождений) // Россия и внешний мир диалог культур. М.: Инст. Российской истории. 1997. С. 162–176.
2. Булычев А. А. История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М.: Языки славянской культуры. 2004. 145 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks180694 (дата обращения: 28.01.2017)
3. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: в Университетской тип., 1866. 263 с.
4. Колпаков М. Ю. «Московия» французских интеллектуалов и «Россия» французских путешественников: трансформация образа русских на рубеже XVI–XVII вв. // Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 6. 2015. С. 71–83. [Электронный ресурс]. URL: <http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami06/metami06-04.pdf> (дата обращения: 28.01.2017)

5. Кудрявцев О.Ф. «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом / О.Ф. Кудрявцев // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508–540.
6. Кудрявцев О.Ф. Россия в первой половине XVI в. Взгляд из Европы. М.: Русский мир, 1997. 408 с.
7. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 472 с.
8. Мезин С.А. Проблемы взаимовосприятия культур в изданиях Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН // Труды Института российской истории. Выпуск 8 / Российская академия наук, Институт российской истории. М.: Наука, 2009. С. 370–380.
9. Морозова Л.Е. Образ «чужого» в представлении людей Смутного времени// Россия и внешний мир диалог культур. М.: Инст. Российской истории, 1997. С. 22–30.
10. Портнов Л.О. Иностранцы об исторической памяти москвитов (по материалам сочинений путешественников второй половины XVII в. // Россия и внешний мир диалог культур. М.: Инст. Российской истории. 1997. С. 101–111.
11. Рущинский Л.П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков // Чтения общества истории и древностей Российских. Кн. 3. М.: в Университетской тип., 1871. 337 с.
12. Черная Л.А. Образ «Запада» в русской культуре XI–XVII вв. // Россия и Запад: Диалог или столкновение культур: Сб. ст. М.: Российский институт культурологии, 2000. С. 31–46.
13. Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV–XVII веках. М.: Издательство «МГИМО–Университет», 2012. 943 с.

**THE PROBLEM OF MUTUAL PERCEPTION
OF RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN SOCIETIES
OF THE XV–XVII CENTURIES
IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

Tatiana V.Chernikova

Abstract. *The main purpose of the article is to examine the problems of mutual Russian and Western European companies XV–XVII centuries. in a domestic historiography the past 25 years. However, as a brief analysis of approaches to the solution of this problem in the historical literature of XIX–XX centuries, that allows us to understand the relevance of the problems and challenges faced by modern researchers.*

By "mutual acceptance" means a system of beliefs, reflecting both in the context of a particular historical epoch, a complete picture of the world of the "other" ("alien"), recorded in a variety of sources, each of the parties, members of mutual communication.

The problem of mutual perception can only be understood in connection with the decision of more global issues related to the specifics of the socio-cultural development of Russia and other European countries in the XV — XVII centuries, the causes, nature and the role of Western influence on Russia, as well as the question of the beginning of the process of Westernization (Europeanization) of Russia.

The main part of the study contains two sections. The first gives a brief description of the historiography of XIX-XX centuries, in the second — Analysis of modern historical literature. It has been shown that it was in the past 25 years historians could begin research of mutual, as an independent problem requiring simultaneous analysis of the views of the parties on each other in the specific context of each time step. Was significantly expanded theoretical and methodological framework of the research, which was explained by the collapse of the monopoly of Marxist methodology and relevance of research problems of mutual perception, which had previously been effectively closed to Soviet historical science. Historians turned to modernization theory, diffusion theory, the theory of cross-cultural transfers, used a variety of research methods — problem-chronological, comparative-historical, systematic, typological, synchronistic, the method of textual and hermeneutic analysis of the source texts, socio-cultural, historical-anthropological, political and legal and art criticism analysis methods.

A significant step forward was the attempt as the central subject of research to put the problem of the dialogue of Western European and Russian sociocultural systems while studying the views of the Russian people and the West Europeans against each other, analyzing simultaneously not only the stereotypes on both sides, but also the nuances of the views, the dynamics, and the main reason occurrence of certain views in the context of the historical realities of the XV–XVII centuries.

Currently the main conclusion of historical science is to ensure that the mutual perception Russian and western Europeans were not unambiguous. Link to the Western experience in Russia, marked since Ivan III, was growing by the end of the XVII century, that does not preclude the maintenance trends in the mutual repulsion.

Keywords: *Russia and Europe, XV–XVII centuries, mutual perception, stereotypes, historiography.*

References

1. Bol'shakova, A. Ju. (1997). Igrovaia priroda russkogo mentaliteta v anglo-amerikanskom vospriyatii (k probleme russko-zapadnyh mental'nyh shozhdenij) [Games nature of the Russian mentality in the Anglo-American perception (to the problem of Russian-Western mental similarities)]. *Rossija i vneshnij mir dialog kul'tur [Russia and the outside world is a dialogue of cultures]*. Moscow: Inst. Rossijskoj istorii, 162–176.
2. Bulychev, A. A. (2004). Istorija odnoj politicheskoj kampanii XVII veka: Zakonodatel'nye akty vtoroj poloviny 1620-h godov o zaprete svobodnogo rasprostraneniia «litovskih» pechatnyh i rukopisnyh knig v Rossii [The story of one of the political campaign of the XVII century: Legislation of the second half of the 1620s to ban the free distribution of «Lithuanian» printed and handwritten books in Russian]. Retrieved 28 January 2017 from http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks180694
3. Chernaja, L. A. (2000). Obraz «Zapada» v russkoj kul'ture XI–XVII vv. [The image of «the West» in the Russian culture of XI–XVII centuries] // *Rossija i Zapad: Dialog ili stolknovenie kul'tur: Sb. st. [Russia and the West: Dialogue or clash of cultures: Coll. Art.]*. Moscow: Rossijskij institut kulturologii, 31–46.
4. Chernikova, T. V. (2012). Evropeizacija Rossii vo vtoroj polovine XV–XVII vekah [The Europeanisation of Russia in the second half of XVI–XVII centuries]. Moscow: Izdatel'stvo MGIMO-Universitet.
5. Ključevskij, V. O. (1866). Skazaniia inostrancev o Moskovskom gosudarstve [Legends of the foreigners on the Moscow State]. Moscow: v Universitetskoj tip.
6. Kolpakov, M. Ju. «Moskovija» francuzskih intellektualov i «Rossija» francuzskih puteshestvennikov: transformacija obraza russkih na rubezhe XVI–XVII vv. [«Muscovy» French intellectuals and «Russia» the French traveler: Russian transformatsmya image at the turn of XVI-XVII centuries]. *Intellektual'naja istorija [Intellectual History]*, 71–83. Retrieved 28 January 2017 from <http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami06/metami06-04.pdf>
7. Kudrjavcev, O. F. (2011). «Drugoj mir»: harakternye cherty vospriyatija Rusi i russkih srednevekovym Zapadom [«Another World»: the characteristic features of perception of Russia and Russian medieval West]. In O. F. Kudrjavcev (Ed.). *Mnogolikost' celogo: iz istorii civilizacij Starogo i Novogo Sveta: Sbornik statej v chest' Viktora Leonidovicha Mal'kova [The many whole: from the history of civilizations of the Old and New World: A collection of articles in honor of Victor L. Malkov]*. Moscow: Nauka, 508–540.
8. Kudrjavcev, O. F. (1997). Rossija v pervoj polovine XVI v. Vzgljad iz Evropy [Russia in the first half of the XVI century. View from Europe]. Moscow: Russkij mir.
9. Lotman, Ju. M. (1992). Problema vizantijskogo vlijaniia na russkuju kul'turu v tipologicheskom osveshhenii [The problem of Byzantine influence on Russian

- culture in typological illumination]. In *Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i [Selected articles]*. Tallinn: Aleksandra, 1.
10. Mezin, S. A. (2009). Problemy vzaimovosprijatija kul'tur v izdaniyah Centra po izucheniju otechestvennoj kul'tury Instituta rossijskoj istorii RAN [Issues of mutual cultures in the publications of the Centre for the Study of Russian culture of the Institute of Russian History]. In *Trudy Instituta rossijskoj istorii [Proceedings of the Institute of Russian History]*. Moscow: Nauka, 8, 370–380.
 11. Morozova, L. E. (1997). Obraz «chuzhogo» v predstavlenii ljudej Smutnogo vremeni [The image of the «alien» in the representation of persons of the Time of Troubles]. In *Rossija i vneshnij mir dialog kul'tur [Russia and the outside world is a dialogue of cultures]*. Moscow: Inst. Rossijskoj istorii, 22–30.
 12. Portnov, L. O. (1997). Inostrancy ob istoricheskoj pamjati moskovitov (po materialam sochinenij puteshestvennikov vtoroj poloviny XVII v. [Foreigners on the historical memory of Muscovites (based on the works of the travelers of the second half of the XVII century)], In *Rossija i vneshnij mir dialog kul'tur [Russia and the outside world is a dialogue of cultures]*. Moscow: Inst. Rossijskoj istorii, 101–111.
 13. Rushhinskij, L. P. (1871). Religioznyj byt russkih po svedenijam inostrannyh pisatelej XVI i XVII vekov [Religious life of Russian according to the information of foreign writers XVI and XVII centuries]. In *Chtenija obshhestva istorii i drevnostej Rossijskih [Readings of the Society of History and Russian Antiquities]*. Kn. 3. Moscow: v Universitetskoj tip.

Информация об авторе:

Черникова Татьяна Васильевна

д.ист.н., доцент; профессор; МГИМО МИД России, Российская Федерация; Tchernikova1961@mail.ru

Tatiana V. Chernikova

Prof., Dr. (history); Prof., Moscow Institute of International Relations
MFA of Russia, Russian Federation: Tchernikova1961@mail.ru

Научное издание

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 3

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка
и художественное оформление А. С. Туманова

Подписано в печать 17.09.2017
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,2. Уч.-изд. л. 12,7
Тираж экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76